

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОЧНЫХ РУКОПИСЕЙ

MONGOLICA

Том XXV • 2022 • № 3

Санкт-Петербург

Российская академия наук
Институт восточных рукописей
(Азиатский Музей)

MONGOLICA

Санкт-Петербургский журнал монголоведных исследований

Том XXV • 2022 • № 3

Выходит 4 раза в год

Издается с 1986 г.

Учредитель: ФГБУН

Институт восточных рукописей РАН

Адрес учредителя: 191186,
г. Санкт-Петербург,
Дворцовая наб., д. 18, лит. А
Адрес редакции: 191186,
г. Санкт-Петербург,
Дворцовая наб., д. 18, лит. А
Тел.: +7 (812) 315-87-28
<http://orientalstudies.ru>
mongolica@orientalstudies.ru
kulgan@inbox.ru
dnosov@mail.ru

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
ПИ № ФС77-79202
от 22 сентября 2020 г.
Выдано Федеральной службой
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

Редакционная коллегия:

И. В. Кульганек, *главный редактор,
доктор филологических наук (Россия)*
Д. А. Носов, *секретарь, кандидат филологических наук
(Россия)*
М. А. Козинцев, *помощник секретаря (Россия)*
Г. Билгуудэй, *доктор филологических наук (Монголия)*
А. Бирталан, *доктор наук (Венгрия)*
Р. М. Валеев, *доктор исторических наук (Россия)*
Л. С. Дампилова, *доктор филологических наук (Россия)*
И. В. Зайцев, *доктор исторических наук, профессор
РАН (Россия)*
Ж. Легран, *доктор наук, профессор (Франция)*
В. Капишовска, *доктор наук (Чехия)*
С. Л. Невелева, *доктор филологических наук (Россия)*
К. В. Орлова, *доктор исторических наук (Россия)*
М. П. Петрова, *кандидат филологических наук (Россия)*
Р. Поп, *доктор наук (Румыния)*
Т. Д. Скрынникова, *доктор исторических наук, про-
фессор (Россия)*
С. Чулуун, *академик МАН (Монголия)*
Е. Э. Хабунова, *доктор филологических наук (Россия)*
Н. Хишигт, *кандидат исторических наук (Монголия)*
Н. С. Яхонтова, *кандидат филологических наук (Россия)*

Оригинал-макет – М. В. Алексеева

Литературные редакторы и корректоры – Д. А. Носов, И. В. Кульганек

Технический редактор – М. А. Козинцев

Подписано в печать 22.09.2022

Формат 60×90 1/8. Объем 10 печ. л. Заказ №

Тираж 300 экз.

Отпечатано в типографии ООО «Свое издательство»,

Адрес типографии: 191040. Санкт-Петербург. Пушкинская ул., 4.

e-mail: editor@isvov.ru

ISSN 2311-5939

DOI 10.25882/2xm5-dr90

12+

© Институт восточных рукописей РАН
(Азиатский Музей), 2022

© Коллектив авторов, 2022

В НОМЕРЕ:

ЛИНГВИСТИКА	5
D. Zayabaatar. The loss of the consonant <i>-l-</i> and syllable <i>-la/le-</i> in Mongolian	5
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ТЕКСТОЛОГИЯ	17
А. А. Бердыева. Влияние западных литературно-философских тенденций на современную литературу Республики Корея.....	17
Н. В. Ямпольская. К вопросу о структуре монгольских рукописных Ганджуров XVII века: тома <i>ga</i> и <i>da</i> раздела «Сутры» в списках из Аблай-хита	24
ФОЛЬКЛОР И ЭТНОГРАФИЯ	41
А. Алимаа. Халх монголчуудын хүүхдийн сэвлэг үргээх ёслолын соёлын утга өнөө цагийн байдал	41
Б. Х. Борлыкова, Б. В. Меняев. Калмыцкие песни, посвященные ойратской знати.....	51
Г. Бямбарагчаа. Монгольская игра в бабки на льду	61
СМЕЖНЫЕ ДИСЦИПЛИНЫ	67
Ю. А. Иоаннесян. Гератский предлог <i>ta(y)-ye / tey-ye</i> : фонетическая трансформация или контаминация двух предлогов?.....	67
Н. Е. Васильева. Изучение рукописи «Маджмӯ‘ ат-таварйх» и ее значение для исторической этнографии народов Средней Азии	74
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	84
О. Н. Полянская. Международная научная конференция «Банзаровские чтения», посвященная 200-летию Доржи Банзарова и 90-летию БГПИ — БГУ (Россия, Улан-Удэ, 30-31 марта 2022 г.).....	84
Ц. Ц. Саранцацрал. “Репиний академийн шадар 3” тусгай үзэсгэлэн	89
И. В. Кульганек. Новые книги по монголоведению	92

RUSSIAN ACADEMY OF
SCIENCES
Institute of Oriental Manuscripts
(Asiatic Museum)

191186, Russian Federation
Saint Petersburg,
Dvortsovaya Emb., 18
Phone: +7 (812) 315-87-28
<http://orientalstudies.ru>
mongolica@orientalstudies.ru
kulgan@inbox.ru
dnosov@mail.ru

MONGOLICA

Saint Petersburg journal for Mongolian studies

Vol. XXV • 2022 • No. 3

The journal is published four times a year.

Published since 1986

Founder: Federal State Institution of Science
Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy
of SciencesH

Editorial board:

I. V. Kulganek — *editor-in-chief, D. Sc. (Philology),
Russian Federation*

D. A. Nosov — *secretary, Cand. Sc. (Philology),
Russian Federation*

M. A. Kozintcev — *assistant secretary, Russian
Federation*

G. Bilguudei. *D. Sc. (Philology), Mongolia*

A. Birtalan. *Ph. D., Hungary*

S. Chuluun. *Academician of the Mongolian Academy
of Sciences, Mongolia*

L. S. Dampilova. *D. Sc. (Philology), Russian Federation*

J. Legrand. *D. Sc., Professor, France*

V. Kapishovska. *Ph. D., Czech Republic*

E. E. Khabunova. *D. Sc. (Philology), Russian Federation*

N. Khishigt. *Ph. D. (History), Mongolia*

S. L. Neveleva. *D. Sc. (Philology), Russian Federation*

K. V. Orlova. *D. Sc. (History), Russian Federation*

M. P. Petrova. *Ph. D. (Philology), Russian Federation*

R. Pop. *Ph. D., Romania*

T. D. Skrynnikova. *D. Sc. (History), Russian Federation*

R. M. Valeev. *D. Sc. (History), Russian Federation*

N. S. Yakhontova. *Cand. Sc. (Philology), Russian
Federation*

I. V. Zaytsev. *D. Sc. (History), professor of the Russian
Academy of Sciences, Russian Federation*

ISSN 2311-5939

DOI 10.25882/2xm5-dr90

© © Institute of Oriental Manuscripts

RAS (Asiatic Museum), 2022

© Group of authors, 2022

IN THIS ISSUE:

LINGUISTICS	5
D. Zayabaatar. The loss of the consonant <i>-l-</i> and syllable <i>-la/le-</i> in Mongolian	5
LITERATURE AND TEXTOLOGY	17
A. A. Berdyeva. The influence of Western literary and philosophical trends on modern literature of the Republic of Korea.....	17
N. V. Yampolskaya. On the structure of the seventeenth-century mongolian manuscript Kanjurs: volumes <i>ga</i> and <i>da</i> of the «Sutras» section in the copies from Ablait	24
FOLKLORE AND ETHNOGRAPHY	41
A. Alimaa. Cultural meaning and actual situation of children's first haircut ritual of khalh mongols.....	41
B. Kh. Borlykova, B. V. Menyaev. The Kalmyk songs dedicated to the Oirat nobility of XVII–XVIII centuries.....	51
G. Byambaragchaa. Mongolian Knucklebones Game Played on Ice	61
RELATED DISCIPLINES	67
Y. A. Ioannesyan. The Herati preposition <i>ta(y)-ye / tey-ye</i> : phonetic transformation or contamination of two prepositions?	67
N. E. Vassilyeva. The study of the manuscript "Majmā' at- tavārīh" and its meaning for the historical ethnography of the peoples of Central Asia.....	74
REVIEWS	84
O. N. Polyanskaya. International academic conference "Banzarov' readings" dedicated to the 200th anniversary of Dorzhi Banzarov and the 90th anniversary of BSPI - BSU (Russia, Ulan-ude, March 30–31, 2022).....	84
Ts. Ts. Sarantsatsral. "Around Repin's Academy's 3" special exhibition	89
I. V. Kulganek. New publications on Mongolian Studies	92

Dalai Zayabaatar
National University of Mongolia

THE LOSS OF THE CONSONANT *-l-* AND SYLLABLE *-la/le-* IN MONGOLIAN

Because of the principle of linguistic economy and assimilation processes between sounds, sounds that have come to distinguish meaning (phonemes) get lost in the course of articulation. Due to the phonetic interdependency or sandhi (the mutual influence of adjacent sounds in a word), phonemes that have lost the morphological function to distinguish meaning in the process of generating and recognizing speech tend to become weakened and elided. In the written monuments of the Mongolian language, there are traces of a similar loss of a weak, voiced, apical, non-labial, lateral, fricative, and resonant *-l-* consonant. The loss of *-l-* under such conditions is called haplology and is represented in many languages.

This article examines the loss/dropping of the consonant *-l-* and the syllable *-la-* / *-le-* in the written monuments of the Mongolian language and identifies its related patterns in Modern Mongolian. In addition to the historical dropping of the sound *-l-* in a situation where there are two consecutive syllables in one word, each of which contains a consonant *-l-*, one of these syllables drops out. In addition, if the reciprocal voice suffix *-ld-* (*-ldu-* / *-ldü-*) occurs after the verb derivation suffix *-la⁴* (*-la* / *-le*), then in speech the unstressed syllable *-la⁴* also becomes elided. Subsequently, in terms of the morphological surface structure, the suffix *-ld-* is added directly to the noun stem in colloquial speech and, similarly, such irregular formation of verbs is built into the general system of Mongolian word formation. This indicates that, in addition to morphological structures, the meaning and function of morphemes are also analogically influenced by adaptation to speech acts (utterances). Such a phenomenon is observed in the Mongolian language.

Phonetic changes occurring in speech usually do not find their reflection in spelling rules or the orthography of written language. In other words, the limitless possibilities of writing based on spoken pronunciation are limited or standardized by the rules of correct spelling or orthography. Since the Mongolian language is agglutinative, the rules of word formation and morphological principles should be significantly emphasized in orthography. For this reason, the consonant *-l-* and the syllable *-la* / *-le*, which are elided as a result of haplology in speech, should be restored in the dictionary in accordance with the morphological structure.

Key words: the loss of the consonant *-l-*, morphological principle, orthographical system, written sources, Mongolian language.

About the author: DALAI ZAYABAATAR, Ph. D., Prof. Dean/Director, School of Arts and Sciences, National University of Mongolia (14201 P.O. Box-330, Baga toiruu 47, Sukhbaatar district, Ulaanbaatar-46a, Mongolia). ORCID 0000-0003-2640-7661 (zayabaatar@num.edu.mn).

Acknowledgements: I would like to thank Dr. Joseph Bristley and Dr. Benjamin Brosig whose valuable comments on draft versions and proofreading helped to improve this paper.

© ИВР РАН, 2022

© Заябаатар Д., 2022

Due to the principle of linguistic economy and phonetic interdependency, sounds that no longer fulfill the importance of distinguishing meaning are weakened and elided during speech. Researchers [Төмөртогоо, 1992; Шагдарсүрэн, 1999; Санжаа, Г.М., 2008] have observed how the voiced, lateral, fricative *-l-* [ɮ], is dropped in Mongolian.

The consonant *-l-*, which is preceded by the suffix *-sun/-sün* in Proto Mongolian, is mostly weakened and elided in modern Mongolian:

Kha. *xums* 'nails' < Mo. *kimusu* < **kimulsun*
Kha. *caas* 'paper' < Mo. *čayasu* < **čayalsun*
Kha. *mös* 'ice' < Mo. *mösü* < **mölsün*
Kha. *saxius* 'deity' < Mo. *sakiyusu* < **sakiyulsun*
Kha. *cös* 'gallbladder' < Mo. *sösü* < **sölsün*

Tumurtoogo hypothesized that this dropping “may not be due to the influence of adjacent sounds, but might rather be connected to having lost its function to distinguish meaning in the respective words. Or it may be due to the loss of the consonant sequence *-ls-* in the word stem.” [Төмөртоого, 1992. X. 158]. However, Shagdarsüren [Шардарсүрэн, 1999. X. 107] argues “there are many examples of the reverse phenomenon, where the *-sun/-sün* suffix disappeared, but the *-l-* remains in the Khalkha dialect. For example:

- PM. **paryalsun* [Kha.] *argal* ‘cow dung’ >
 Mo. *aryal*; Oir. *argasan*
 PM. **koryulsun* [Kha.] *xorgol* ‘camel dung’ >
 Mo. *qoryul*; Oir. *χorgoson*
 PM. **γoduldun* > **γutulsun* [Kha.] *gatal* ‘shoe’ >
 Mo. *yutul*; Oir. *gosson... etc.*”

Thus, the phenomenon of dropping the consonant *-l-* seems to vary historically in different dialects of Mongolian. While it is retained in the written sources of Western Middle Mongolian in the words *čälsüci*, *čälsun*, *čälsuni niken ni’ür* of the dictionary of Muqaddimat al-Adab [Пон-пе, 1938. С. 131] and in *sölsün* in the dictionary of Ibn-Muhanna [ibid.: 446], it is partially absent from words such as *čaya:sun* [Bod.20a9], *kimusu* [Bur.26a], *kimusun* [Bod.16a3], *mölsün* [Taq.6a2], {*saqi*}*yu:lsun* [Turf.32:5] in the pre-classical Mongolian written monuments and inscriptions [Tumurtoogo, Cecegdari, 2006].

In general, the loss of *-l-* due to the influence of adjacent sounds is commonly found in the Mongolian, Manchu, Korean and Turkish languages as an areal phenomenon. In Manchu, for example, there is a phenomenon in which word-medial *-l-* of some loan words is omitted due to the influence of adjacent consonants while having lost its function to distinguish morphological and lexical meaning:

- [-lm-] Ma. *umuxun* < Mo. *ölmey*,
 Kha. *ölmii* ‘*tiptoe*’
 [-lj-] Ma. *durbejen* < Mo. *dörbeljin*
 Kha. *dörvölžin* ‘*square*’
 Ma. *surbejen* < Mo. *surbulji*
 Kha. *survalž* ‘*source*’

- Ma. *urkuji* < Mo. *ürgülji*
 Kha. *ürgelž* ‘*always*’
 [Баярсайхан, 2003. X. 3].

Similarly, in Middle Korean, “a morpheme-final *//* sometimes (but not always) elided before a coronal consonant (*t, c, s, z, n*). This *l*-dropping occurred consistently in verbal inflection. It was also occasionally found in noun compounds. Examples include: *petu-namwo* ‘willow tree’ (*petul* + *namwo*); *to-nim* ‘the respected moon’ (1459 Wörin sökpo 2:51b) (*tol nim*); *swucye* ‘spoon and chopsticks’ (1459 Wörin sökpo 23:74) (*swul* ‘spoon’ *cye* ‘chopsticks’). There were doublets, for example, *atol-nim* ‘respected son’ (1449 Wörin chöngang chi kok 31) and *ato-nim* ‘id.’ (1459 Wörin sökpo 2:1a); *hwal-sal* ‘bow and arrow, arrow’ (1459 Wörin sökpo 10:27) and *hwa-sal* ‘id.’ (1588 Sohak önhæ 3:19). But there were fewer such examples of *-l-* dropping in compounds than are found in the Seoul dialect today.” [Lee, Ramsey, 2011. P. 153].

Ömer Demircan [Demircan, 1996. P. 93] mentioned the example of the dropping of the syllable *-li-* in *kilitlemek* > *kitlemek* in Turkish as an example of haplology.

In addition to historical sound dropping in Mongolian, if a syllable containing the consonant *-l-* is repeated in an adjacent position, one syllable is omitted. Sanjaa notes that “one of the same or similar sounds, which is written according to orthography rules, loses its function in the articulatory process and is deleted due to linguistic economy” [Санжаа, Г.М., 2008. X. 196]. This applies not only to the consonant *-l-*, but also to the syllable *-la/-le-*:

- emeel-le-lee* saddle-dnv-dir.pst > *emëllë*
 ‘*saddled*’
tugal-la-laa calf-dnv-dir.pst > *tugällä*
 ‘*calved*’
ažil-la-gaa work-dnv-res.ptcp > *adžälgä*
 ‘*activity*’

The notion of “haplology” in linguistics is relevant in explaining the phenomenon of dropping the syllable *-la/-le-* during speech. In general, the analysis of instances of haplology in Mongolian is important for the systematic study of the correct

pronunciation (orthoepy) of the Mongolian for the correct reading and examination of ancient written monuments, and for teaching Mongolian as a foreign language.

Haplology is defined in dictionaries as “the elimination of a syllable during the utterance when two similar or identical syllables or sounds occur consecutively, known as the law of haplology” [Языкознание, 1998. С. 93] or “a special type of dissimilatory loss [that] consists in the loss of a whole syllable before or after a phonetically similar or identical syllable” [Hock, 1991. P. 109]. It is translated in the Mongolian Dictionary of Linguistic Terms as *ižil avia geegdexüi* ‘the omission of identical sounds’ [Төмөргороо, 2004. X. 24] or *davxar avia geegdel, üyeeree ondoošil* ‘the omission of doubled sounds, syllabic dissimilation’ [Энхбат, 2003. X. 108]. This law was first observed in the twentieth century by American linguist Maurice Bloomfield [Edgerton, 1928. P. 196]. The following examples are commonly found in linguistic dictionaries and linguistic lexica [Розенталь, Теленкова, 1985. С. 50; David Crystal, 1997. P. 330] as examples of law of haplology:

Rus. знаменосец	‘flagbearer’	<	
	* <i>знаменноносец</i>		
Rus. трагикомедия	‘tragicomedy’	<	
	* <i>трагикокмедия</i>		
Rus. розоватый	‘pinkish’	<	
	* <i>розововатый</i>		
Eng. England		<	* <i>Englaland</i>
Lat. nutrix	‘nurse’	<	* <i>nutritrix</i>
Basq. sagardo	‘cider’	<	* <i>sagarrardo</i>

According to the haplological law, there are two main conditions for dropping syllables and sounds:

1. The particular syllable is not stressed;
2. The structure of two syllables is similar.

When we examine words with two consecutive syllables that consist of *-la²- (-la/-le-)*¹ in orthographic or monolingual dictionaries of Mongolian [Дамдинсүрэн, Осор, 1983; МХДТТ, 2008;

¹ In Written Mongolian (*Mongol bičig*) and the Middle Mongol language on which it is based, no labial harmony has yet developed, so that vowel harmony only distinguishes between [a] and [e]. Therefore, we used *-la²-* as an abbreviation of *-la-* and *-le-*.

Чоймаа, з.м., 2006], in most cases one of the two consecutive *-l-* is already dropped as a reflection of the haplology law. But in some cases, both syllables remain in written form because the morphological structure is reflected in orthography. Due to this inconsistency, several written variants co-exist in Modern Cyrillic Khalkha Mongolian. For instance,

Kha. <i>nüüre-ld-</i>	<	<i>nüür-le-ld-</i>	‘to confront’
Kha. <i>teege-ld-</i>	<	<i>teeg-le-ld-</i>	‘to stumble, to mesh’
Kha. <i>xuiva-ld-</i>	<	<i>xuiv-la-ld-</i>	‘to conspire’
Kha. <i>süüži-ld-</i>	<	<i>süüž-le-ld-</i>	‘to lay down on one side’
Kha. <i>öncgö-ld-</i>	<	<i>öncgö-lö-ld-</i>	‘to put things at an angle’
Kha. <i>anda-ld-</i>	<	<i>and-la-ld-</i>	‘to make friends’

Thus different linguistic forms conveying the same meaning, but with different written versions having emerged. In these words, the reciprocal voice suffix *-ld-* is added directly to a noun root to form a verb, which has become quite common in current orthography. In terms of rules of Mongolian word formation, the underlying structure of the exemplified words above is [*noun stem + -la⁴- (-la-, -le-, -lo-, -lö-)*]² ‘suffix deriving verb stems from nominal roots’ + *-ld-* ‘reciprocal voice suffix’]. So, why has this structure broken down, and the verb derivation suffix *-la⁴-* dropped in the above mentioned examples?

In order to clarify the reason for this, it is important to consider how the combination of these two suffixes appears in historical written Mongolian documents.

When the reciprocal voice suffix *-ldu-/ldü-* or *(-ld-)* occurred after the verb derivation suffix *-la-/le-*, the combined morphological structure of [*-la- + ldu-*] or [*-le- + ldü-*] is left intact in primary sources of Middle Mongolian including the Secret History of Mongols and the dictionary of Muqaddimat al-Adab, as well as major historical sources of 17th century Mongolian. For example:

² In Modern Mongolian on which it is based, labial harmony has already developed, so that vowel harmony distinguishes between [a], [e], [o] and [ö]. For this reason, we used *-la⁴-* as an abbreviation of *-la-*, *-le-*, *-lo-*, and *-lö-*.

- [SH §153] ... *gü'ün-i mököri-ül-(ü)-ya ke'e-n jasaq-la-ldu-ba*
 ... Men-ACC cut down-CAUS-VOL say-CONVB decree-VBZ-RECIP-TV.PAST
 'Those men [...] shall be cut down! So he decreed with them.'
- [SH §156] ... *Cinggis_qahan qadā sa'u-ju undā-la-ldu-run*
 ... TITLE outside sit-CONVB a drink-VBZ-RECIP-CONVB.PREP
 '... Činggis Qa'an sat outside drinking in company.'
- [SH §175] ... *toò toó-la-ldu-ba. Toó-la-ldu-'asu...*
 a number number-VBZ-RECIP-TV.PAST Number-VBZ-RECIP-COND...
 '...[Činggis Qa'an] counted [his forces/soldiers]. When counted...'
- [SH §232] ... *sibawu-la-ldu-n aba-la-ldu-n yabu-tuqai*
 ...a bird-VBZ-RECIP-CONVB a hunt-VBZ-RECIP-CONVB go-IMP
 '... [the nightguards] shall go falconing and hunting [with us].'
- [SH §254] ... *oron-dur-ıyan ülü oro-n olja-la-ldu-n büleè*
 ...bed-DAT-REFL NEG enter-CONVB a prey-VBZ-RECIP-CONVB AUX.PAST
 '...[They] did not enter their beds [*to rest*], but fought against each other.'
- [MA] ... *andayär-la-ldu-ba tün-lē [Ponne, 1938. C. 103]*
 ...promise-VBZ-RECIP-TV.PAST 3SG-COMIT
 '[he] made a sworn friend with him'
- [MA] ... *anda-la-ldu-ba tün-lē [Ponne, 1938. C. 103]*
 ...a friend-VBZ-RECIP-TV.PAST 3SG-COMIT
 '[he] made a sworn friend with him'
- [QAT] ... *degedün-e degere bayira-la-ldu-ju [Choimaa, 2002. P. 100]*
 ...top/upper-DAT on a position-VBZ-RECIP-CONVB
 '... located on top of ...'
- [LuAT] ... *yoduli aralji-ldu-ju anda-la-ldu-bai [Bira, 1990. F. 30a]*
 ...arrow and bow exchange-RECIP-CONV a friend-VBZ-RECIP-TV.
 PAST
 '[they] exchanged an arrow and a bow; and made friends with.'
- [LuAT] ... *kündü-le-ldü-n dayi-la-ldu-y=a keme-jü... [Bira, 1990. F. 11b]*
 ...heavy-VBZ-RECIP-CONV a war-VBZ-RECIP-VOL say-CONV
 '[they] said that let's fight with respect...'

[ET]	... <i>sayi-la-ldu-n</i>	<i>tusa-la-ldu-γsan</i>	<i>yisün</i>	örlüg=üd	[Haenisch, 1955. F. 41r5]
	...good-VBZ-RECIP-CONV	help-VBZ-RECIP-PAST	nine	minister-PL	

‘...nine ministers who commended and helped...’

[ET]	... <i>batu-da</i>	<i>bari-ldu-n</i>	<i>andaya-la-ldu-γad</i>	[Haenisch, 1955. F. 49r5]
	...strong-ADVZ	hold-RECIP-CONV	oath-VBZ-RECIP-CONV	

‘...[they] made strong friendship with...’

Furthermore, a combined morphological structure of *-la⁴- + -ldu²-* is also found in written monuments of Middle Mongolian when the reciprocal voice suffix *-ldu-/-ldü-* follows the actional suffix *-la⁴-* that expresses a repetitive action. Actional *-la⁴-* has the same form as the verb-deriving denominal suffix *-la⁴-*, but with a different meaning and grammatical function. For example:

[SH §142]	... <i>bidan-u</i>	<i>manglan</i>	<i>teden-tür</i>	<i>ungsi-la-ldu-ju...</i>
	...1PL-GEN	vanguard	3PL-DAT	read-REPET-RECIP-CONVB

‘...our vanguard shouted at them...’

[QAT]	... <i>kür-či[=kür-čü]</i>	<i>čabči-la-ldu-ba.</i>	[Choimaa, 2002. P. 100]
	...reach-CONV	chop-REPET-RECIP-TV.PAST	

‘[they] reached [the destination] and fought each other.’

[LuAT]	... <i>čabči-la-ldu-n</i>	<i>göbsi-le-ldü-n</i>	<i>qayāča-m</i>	<i>ta</i>	[Bira, 1990. F. 11b]
	...chop-REPET-RECIP-CONV	tund-REPET-RECIP-CONV	separate-FUT	2SG	

‘[you] will fight and battle; and [then] you will leave [us].’

The *-la / le-* syllables in these grammatical combinations are weakened and elided during articulation and became *cavči-ld-*, *unši-ld-*, *gövši-ld-* in modern Mongolian.

Byambasan et al. [Бямбасан, г.м., 1987. X. 65] proposed that “...one *l* may be dropped when the suffix *-ld-* is added immediately after the verb derivation suffix *-l-*. However, since the morpheme *-ld-* in these words does not have the characteristics of a voice suffix, we would tend to consider it as a word-formation suffix.” Norjin and Tegshduuren also considered *-lda²-* as a suffix that forms a verb from a nominal root, providing examples such as *tašaald-* ‘to put hands on hips’ (< *tašaa* ‘hip’), *toxoid-* ‘rest/lean one’s elbow [on sth.]’ (< *toxoi* ‘elbow’), *eyeld-* ‘make peace with or become reconciled’ (< *eye* ‘peace, or accord’), *duguild-* ‘make

or draw a circle’ (< *dugui* ‘round, circle’) [Norjin, 2001. Kh. 122-123; Tegsidüüren, 2005. Kh. 108].

In modern Mongolian, there are in fact words that in terms of form and grammatical function can be considered as created using the suffix *-ld-*. This concerns verbs formed from noun roots such as *šanaa-ld-* ‘to hit on one’s cheekbones’ (< *šanaa* ‘cheekbones’), *tašaa-ld-* ‘hanging the hip’ (< *tašaa* ‘hip’), *ösgii-ld-* ‘to stand or walk on one’s heels’ (< *ösgii* ‘heels’), *toxoi-ld-* ‘rest one’s elbow [on sth.]’ (< *toxoi* ‘elbow’), and *ölmii-ld-* ‘to stand on one’s tiptoes’ (< *ölmii* ‘tiptoes’). Yet, explaining these words as formed by adding a verbalizing suffix *-ld-* or considering *-ld-* as a variant of the verb-deriving denominal suffix *-d* would contradict the regular rules of word formation.

I argue that it is reasonable to explain the origin of the suffix *-ld-* not by regular morphological rules, but by analogy. Linguistic forms created following the model *noun stem+^{-la⁴}* ‘denominal verb-forming suffix’ + *-ld-* ‘reciprocal voice suffix’ such as *nüürleld-*, *andlald-* have weakened and dropped/elided the syllable *-la⁴* during articulation due to haplology, and the apparent pattern *noun stem+^{-ld-}* emerges on the surface structure. Due to this analogy, the pattern of adding a morpheme *-ld-* to nouns for creating verbs has become common in Modern Mongolian.

On the other hand, judging from the systematic notation of combination *noun stem+^{-la⁴}+^{-ld-}* that typically occurs in the written monuments of Middle Mongolian as well as in subsequent Mongolian primary sources cited earlier, the morphological

combination model *noun stem +^{-ld-}* ‘verbalizer suffix’ is an irregular model for word formation in Mongolian. In other words, the reason for the irregular structure is a direct reflection of the elision of the syllable *-la⁴* from the original morphological pattern *noun stem+^{-la⁴}+^{-ld-}*.

Judging from data of some relevant Mongolian dictionaries as well as some local dialect dictionaries of Mongolian [Namjilm-a, 1994; Сумьябаатар, 2005; Mostaert, 1941], there are no instances of verbs formed from nouns by adding *-ld-*. This indicates that this feature is recent.

A well-known early example of the dropping of the syllable *-la⁴* in Mongolian is the evolution of the modern Mongolian verb stem *xel-*. This verb stem is always recorded as *kelele-* in the Secret History of Mongols.

[SH §37] ... *aqa-nar* *de'ü-ner* *kele-le-ldü-jü* *mori-la-ba*.
 ...elder brother-PL younger sibling-PL tongue-VBZ-RECIP-CONV Horse-VBZ-TV.PAST
 ‘Older and younger brothers discussed the matter together, then set out on their horses.’

[SH §105] ... *Jamuqa* *de'ü-de* *kele-le-jü* *ilē...*
 ...NAME younger brother-DAT tongue-VBZ-CONV send.IMP
 ‘... Send a message (tell) younger brother Jamuqa...’

[SH §118] ... *Jamuqa* *anda-yin* *kele-le-ksen* *kelen* [Rachewiltz, 1972]
 ...NAME sworn friend-GEN tongue-VBZ-PAST words
 ‘... The words which sworn friend Jamuqa has spoken...’

Choimaa’s explanation suggests that “according to the rule of Mongolian word formation, it is clear that the verb *kelekü* (*kele+le+kü*) ‘to narrate, to tell, to say’ is formed by adding the verb derivation suffix *-la-/-le-* on the noun root *kele* ‘language, tongue’. The Mongolian script does not violate the word structure of the Mongolian language, so it preserved the early word forms very well. During the development of Mongolian under the influence of the spoken language, one of the two *-l-* sounds that were close to each other weakened and was dropped, and the present *kelekü-* ‘to say’ came into existence.” [Чоймаа, Г.М. 2006. X. 65]. This supports our observations. The form “*ulus irgen-dür-iyen kelele!*” ‘tell your people!’ is also found in the Hua-yi yi-yu dictionary [Manduqu,

1998. P. 233]¹. Shagj’s “Explanatory dictionary of Mongolian words” such as “*kelelemüi - ögülemüi kemekü üge*” ‘*kelelemüi* means to say or to tell’ [Šayja, 1994. Kh. 367]² and “*kelelemüi - üge učir-i iledden yaryaju, delgeregülün keleküi-yi kelelemüi kememüi*”, “*kelelegči - aliba bičig sudur-i tayilburilayčid-i buyu olan-i tölügen üge ilekkekü kümün-i kelelegči kememüi*” in *Qorin naimatu-yin toli* ‘Glossary in twenty-eight volumes’ [Namjilm-a, 1994. Kh. 890]³ are another proof that **kelele-* is

¹ The original manuscript of the dictionary “Hua-yi yi-yu” is written in 1389.

² The original manuscript of Shagj’s dictionary is written between 1926 and 1929. However, the dictionary was not published until 1994.

³ The original manuscript of this dictionary is written between 1940-1943 but it was not published until 1983.

the archaic form of the verb stem *xele-* in modern Mongolian. According to Poppe, “There are very few homonymous verbs and nouns in Mongolian like *kele* ‘tongue, language’ and *kele-* ‘to speak’... However, *kele* ‘tongue’ goes back to *kelen* (cf. Kal-muck *keln*, Buriat *xelin*), and *kele-* ‘to speak’ goes back to *kelele-*, the form *kele-* being a contraction of two identical syllables.” [Poppe, 1965. P. 192-193].

In Modern Mongolian, there are some further words that directly reflect the dropping or loss of the syllable *-la⁴*- and thereby diverge from the rules of word formation such as *xariult* ‘answer, return’ and *golomt* ‘hearth, center’. Scholars [Өнөрбаян, 2004. X. 39; Чоймаа, 1997. X. 174-177] have clearly identified that the Mongolian suffixes *-lt*, and *-mt* form nouns from verb stems such as *boo-* ‘to bind, to wrap’ > *boolt* ‘binder, bandage’, *bari-* ‘to hold, to grasp’ > *barilt* ‘holding, constriction’, *dar-* ‘to push, to suppress’ > *daralt* ‘pressure’, *boo-* ‘to bind, to wrap’ > *boomt* ‘a port, border point’, *bari-* ‘to hold, to grasp’ > *barimt* ‘a document, a fact, a proof’, and *dar-* ‘to push, to suppress’ > *daramt* ‘oppression’. However, the form of *xariu* ‘answer’ > *xariult* ‘answer, return’, and *gol* ‘center’ > *golomt* ‘hearth’, would invite the explanation that a noun-deriving suffix to an existing noun has already become common in the vocabulary. However, the structure of the nouns *xariult* and *golomt* should be explained in terms of haplology instead. The following morphological models show this explanation:

- *qari-* ‘return’ > *qari-yu* ‘answer’ > *qari-yu-la-* ‘to answer’ > **qari-yu-la-lta* ‘answer, return’ > Mo. *qariyulta* > Kha. *xariult*
- *γool* ‘main, center’ > *γool-la-* ‘to be in the center, to dominate’ > **γool-la-mta* ‘hearth, center [of sth.]’ > Mo. *γolumta* > Kha. *golomt*

Therefore, I agree with the hypothesis of Secen-cogtu and Choimaa regarding the proper structure of the above-mentioned two examples. This hypothesis claims that “*xariu* ‘answer, return’ > *xariult* ‘an action of responding > *xariult* ‘answer, response’” could be the correct structure like the morphological structure: *asuu-* ‘to ask’ > *asuult* ‘a question’ according to the word formation rule” [Sečençoytu, 1988. Kh. 2687], and “from diachronic approach, etymology of the word *golomt* could have been *gol+lo+mt*” [Чоймаа, 1997. X. 174].

Another related issue is the origin and evolution of the morpheme *-c-* < *-ča²*- in verb stems such as *barč-*, and *ögc-*. As for the etymology of the morpheme *-c-*, I agree with Byambasan’s explanation that “the *-c-* in words like *bulaacaldax* ‘to fight over’ is part of the cooperative voice suffix *-lc-* < *-lča²*-. The consonant *-l-* was dropped, but *-c* is remained as a trace of the cooperative voice suffix when the cooperative voice suffix *-lc-* ‘*-lča-/lče-*’ and the reciprocal voice suffix *-ld-* ‘*-ldu-/ldü-*’ used together in the morphological structure of a word” [Бямбасан, г.м., 1987. X. 65]. In other words, one can assume that the morpheme *-c-* used for adding to the verb stem originally derived from the cooperative voice suffix *-c-* ‘*-lča-/lče-*’ by way of dropping the weakened consonant *-l-*:

Kha. <i>barč-</i>	< Mo. <i>bariča-</i>	< * <i>bari-lča-</i>
Kha. <i>xarč-</i>	< Mo. <i>qariča-</i>	< * <i>qari-lča-</i>
Kha. <i>solbic-</i>	< Mo. <i>solbiča-</i>	< * <i>soli-lča-</i>
Kha. <i>xargac-</i>	< Mo. <i>qaryuča-</i>	< * <i>qaryu-lča-</i>
Kha. <i>avc-</i>	< Mo. <i>abča-</i>	< * <i>abu-lča-</i>
Kha. <i>ögc-</i>	< Mo. <i>ögče-</i>	< * <i>öggü-lče-</i>
Kha. <i>šaxac-</i>	< Mo. <i>siqača-</i>	< * <i>siqa-lča-</i>
Kha. <i>bulaac-</i>	< Mo. <i>buliyača-</i>	< * <i>buliya-lča-</i>

However, the morpheme *-c-* ‘*-ča-/če-*’, which is formed as a result of the weakening and dropping of the consonant *-l* from the cooperative voice suffix *-lča-/lče-* ‘*-c-*’, should not be intermingled or confused with the Middle Mongolian deverbal verb-derivation suffix *-ča²*-, even though their forms are identical [Qasbayan-a, 1996. Kh. 339]. This is something which occurs in the written monuments of Middle Mongolian such as “*qasar minu qabu gücü erdemtü tula qarbucaju qaruqsan-i qarbuju*” ‘my Qasar is powerful and good at shooting...’ [SH\$244], “*cinggis-qahan qol cerik darucaju*” ‘Chinggis Qahan was following closely behind with the main body of [his] army’ [SH\$247] as written in the Secret History of Mongols [Rachewiltz, 1972].

Another issue related to the haplological phenomena in Mongolian, and particularly the dropping of the syllable *-la-/le-*, is the structure of words such as *tarialan* ‘crop farming, agriculture’ and *xüreelen* ‘institute’. Shagdarsüren [Шагдарсүрэн,

2007. X. 167] suggested that the proper structure of these words were *taria+la+lan(g)*, and *xüree+le+len(g)* but the syllable *-la-/-le-* was dropped according to the law of haplology. He emphasized that “examining the words that formed in this way, it seems reasonable that many of the above examples show that the suffix *-la-/-le-* is added to the noun stem to form a verb, but may be elided during verbal act or speech flow when followed by suffix *-lan(g) / -len(g)*. This should be studied further in depth” [Шагдарсүрэн, 2007. X. 167].

There are several conceivable ways to explain the structure of these words, as outlined below:

1. As mentioned in some works on modern Mongolian morphology [Өнөрбаян, 1997. X. 167; Өнөрбаян, 2004. X. 118], nouns are formed from noun roots using the noun derivation suffix *-lan⁴* such as *zali* ‘deceit’ > *zali+lan* ‘fraud’, *xüree* ‘frame or scope’ > *xüree+len* ‘institute’, *taria* ‘crop or grain’ > *taria+lan* ‘agriculture or plantation’, *šüd* ‘tooth’ > *šüd+len* ‘three-year old livestock’, *soyoo* ‘canine (tooth)’ *soyoo-lon* ‘five-year old horse’, *dugui* ‘round or circle’ > *dugui+lan* ‘training course’, *egšig* ‘vowel or sound’ > *egšig+len* ‘melody’, *ed* ‘material or property’ > *ed+len* ‘estate’ (**Noun**→**Noun**).
2. There are nouns derived from verb stems using the suffix *-lan⁴*, e.g. *zov-* ‘suffer’ > *zov-lon* ‘sorrow’, *žarga-* ‘to enjoy or to be happy’ > *žarga+lan* ‘happiness’, *xyas-* ‘to frustrate or to be unlucky’ > *xyas+lan* ‘bad luck or ill-omen’, *zus-* ‘to stay on summer camp’ > *zus+lan* ‘a summer camp’, *orč-* ‘to turn around’ > *orč+lon* ‘universe’, *xad-* ‘to reap or to harvest’ > *xad+lan* ‘hay’, *xüs-* ‘to want or to wish’ > *xüs+len* ‘wish or desire’. Imitating the morphological structure of these words, there were words that formed such as *zalil-* ‘to deceive, to beguile’ > *zalil+lan* ‘fraud’, *xüree-* ‘to surround, to encircle’ > *xüree+len* ‘surrounding, institute’, *tarial-* ‘to plant, to cultivate’ > *tarial+lan* ‘agriculture, crop farming’, *šüdle-* ‘to grow teeth’ > *šüdle+len* ‘three years old [horse]’, *soyool-* ‘to grow fangs’ > *soyool+lon* ‘five-year old [horses]’, *duguil-* ‘to circle’ > *duguil+lan* ‘training center, club’, *egšigle-* ‘to sound’ > *egšigle+len* ‘melody’ (**Noun**→**Verb**→**Noun**). However, the syllable *-la⁴* is dropped from the morphological model *noun stem*

+*la⁴* ‘suffix to form verb from noun’ + *lan⁴* ‘suffix to form noun from verb’ according to the law of haplology. These words formed like *zalilan* ‘fraud’, *xüree-* ‘surrounding, institute’, *tarialan* ‘agriculture, crop farming’, *šüdle-* ‘three-year old [horse]’, *soyoolon* ‘five-year old horse’, *duguilan* ‘training center, circlet’, and *egšiglen* ‘melody’ in Modern Mongolian.

3. Using the morphological structure of *gasal+**n**=gaslan* ‘mourning’ and *šanal+**n**=šanal* ‘sorrow’, the noun derivation suffix *-n (-ng)* was added on the verb stem to form nouns such as *zalil+**n***, *xüree+**n***, *tarial+**n***, *šüdle+**n***, *soyool+**n***, *duguil+**n***, and *egšigle+**n*** (**Noun**→**Verb**→**Noun**);
4. There are compound verbs of the structure [**V-n V-**] such as *nyagtl-an bod-* ‘examine, calculate and account for’, *üzүүл-en tani-ul-* ‘show and familiarize’, and *surg-an xümüüžүүл-* ‘teach and educate’, which are connected by the old linking converbal suffix *-n*. There are some nouns such as *nyagtlan* ‘accountant’, *üzүүлэн* ‘visual aids’ and *surgan* ‘didactics’ that came about when the second verb of these compound verbs was dropped. Nouns such as *zalilan* ‘fraud’ and *urlan* ‘art studio’ might have been created in the same way, and were originally part of compound verbs such as *zalila-n mexel-* ‘deceive and beguile’ and *urla-n бүтее-* ‘craft and invent/create’.

Two possible hypotheses can be deduced about the structure of the above-mentioned words. If it is assumed that the Mongolian noun originated according to the word-formation system, then the third version could be considered to be based on the model *noun*→*verb*→*noun* or *noun stem+la⁴* ‘suffix to form a verb/verbalizer’ + *-n* ‘suffix to form a noun/nominalizer’.

On the other hand, the words may be formed through exceptional rules of word formation, with the suffix *-lan⁴* analogically added to the noun stem. In this regard, Poppe [Poppe, 1965. P. 192-193] pointed out that “Nouns do not act as verbs and, *vice versa*, verbal stems do not as nouns [in Altaic languages]. ...It is also a general rule that suffixes added to noun stems cannot be added to verbal stems and *vice versa*. The same is true of Mongolian. ...In Mongolian, the same suffix nev-

er joins a nominal and verbal stem. ...There are in Mongolian no suffixes which can be added to noun stems and verbal stems indiscriminately." I believe this observation is essential for further investigation and study of the distribution, meaning, function and evolution of morphemes in Mongolian.

The evolution and changes of sounds during articulation are not always reflected in the orthography of the written language. In other words, the unlimited possibility to write many variants based on colloquial pronunciation is limited by the rules of orthography.

Orthography is based on a number of principles such as *phonetics*, *morphology*, and *historical traditions*. But among these, the morphological principle is more appropriate for the structure of agglutinative languages. Therefore, since Mongolian is of the agglutinative type, the rules of word formation and morphological principles should be emphasized in Mongolian orthography.

In summary, in grammatical combinations where the verb derivation suffix *-la⁻⁴* (*-la-/-le-*)

that forms verbs from noun stems is followed by the reciprocal voice suffix *-ld-* (*-ldu-/-ldü-*), the unstressed syllable *-la⁻⁴* is elided during articulation as a result of haplology. Therefore, this exceptional pattern of word formation, which forms verbs by directly adding the reciprocal voice suffix *-ld-* (*-ldu- / -ldü-*) on noun stems, has emerged and formed in Modern Mongolian and became analogous to the process of verb formation. For this reason, in order to describe or clarify the grammatical function and meaning of morphemes including derivational suffixes, we should consider how much articulation is involved in addition to morphological principles of word formation. It also shows that such a phenomenon exists in the Mongolian language.

Finally, I think that a re-analysis of the structure, evolution or change, and use of morphemes, words, or sentences using the perspective of diachronic and historical linguistics would be efficient in unraveling the knot of some unsolved complex issues in Mongolian linguistics.

Abbreviations and Conventions

[Bod.] — The Commentary of Bodhicaryāvatāra by Chos-kyi 'od-zer

[Bur.] — The Mongolian Version of the *Twelve Deeds of Buddha*

[ET] — Erdene-yin Tobči

[LuAT] — Lu. Altan Tobči

[QAT] — Quriyangui Altan Tobči

[SH] — Secret History of the Mongols

[Taq.] — The Mongolian Version of Hsiao-ching

[Turf.] — The Mongolian Xylographic Fragments in Turfan-Collections

[MA] — Mukaddimat al-adab

Basq. — Basque language

Eng. — English

Kha. — Khalkha dialect (Modern Mongolian)

Lat. — Latin

Ma. — Manchu

Mo. — Mongol script (Classic Mongolian)

Oir. — Oirat dialect

PM. — Proto Mongolian

Rus. — Russian

1 — 1st person

2 — 2nd person

3 — 3rd person

ACC — Accusative

ADVZ — Adverb marker

CAUS — Causative

COMIT — Comitative

COND — Conditional

CONVB — Converb

DAT — Dative and Locative

FUT — Future

IMP — Imperative

NEG — Negation

PAST — Past tense

PL — Plural

RECIP — Reciprocal Voice

REFL — Reflexive

REPET — Repetitive

SG — Singular

TV.PAST — Terminating verbal past

VBZ — Verbalizer

VOL — Voluntative

References

- Бямбасан, г.м.. 1987: *П. Бямбасан, г.м. Орчин цагийн монгол хэлний үгзүйн байгуулалт: Монгол хэлний үйл үгийн тогтолцоо. Улаанбаатар, 1987.*
- P. Byambasan, g.m. Orchin tsagiin mongol khelnii ügzüin baiguulalt: Mongol khelnii üil ügiin togtoltsoo [The structure of morphology of contemporary Mongolian: Mongolian verb system]. Ulaanbaatar, 1987.*
- Баярсайхан, 2003: *М. Баярсайхан. Манж бичгийн хэлэн дэх гийгүүлэгчийн сугарал // Монгол судлалын эрдэм шинжилгээний бичиг. 2003. Боть XIX (193).*
- M. Bayarsaikhan Manj bichgiin khelen dekh giigüülegchiin sugaral [Consonant dropping in written Manchu] // Mongol sudlalyn erdem shinjilgeenii bichig. 2003. Boti XIX (193). [The Journal of Mongolian Studies. 2003. Volume XIX (193)].*
- Дамдинсүрэн, Осор, 1983: *Ц. Дамдинсүрэн, Б. Осор. Монгол үсгийн дүрмийн толь. Улаанбаатар, 1983.*
- Ts. Damdinsüren, B. Osor. Mongol üsgiin dürmiin toli. [The orthographic dictionary of Mongolian]. Ulaanbaatar, 1983.*
- МХДТГ, 2008: Монгол хэлний дэлгэрэнгүй тайлбар толь. Улаанбаатар, 2008.*
- Mongol khelnii delgerengüi tailbar toli {Unabridged Mongolian Explanatory Dictionary}. Ulaanbaatar, 2008.*
- Өнөрбаян, 2004: *Ц. Өнөрбаян. Орчин цагийн монгол хэлний үгзүй. Улаанбаатар, 2004.*
- Ts. Önörbayan. Orchin tsagiin mongol khelnii ügzüi [The morphology of Modern Mongolian]. Ulaanbaatar, 2004.*
- Поппе 1938: *Поппе Н. Н. Монгольский словарь Мукаддимат ал-адаб, часть 1-2 // Труды Института Востоковедения, XIV, Москва-Ленинград: Изд-во Акад. наук СССР, 1938. IV, 451 с.*
- Poppe N. N. Mongol'skii slovar' Mukaddimat al-adab, chast' 1-2 [Mongolian dictionary Mukaddimat al-adab, part 1-2] // Trudy Instituta Vostokovedeniia, XIV [Proceedings of the Institute of Oriental Studies, XIV], Moscow-Leningrad, 1938: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1938. IV, 451 p.*
- Розенталь, Теленкова, 1985: *Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов: пособие для учителя. 3-е изд., испр. и доп. М.: Просвещение, 1985. 399 с.*
- Rozental' D. E., Telenkova M. A. Slovar'-spravochnik lingvisticheskikh terminov: posobie dlia uchitelia [Dictionary-reference book of linguistic terms: a guide for the teacher]. 33rd ed., corrected. and additional Moscow: "Prosveshcheniye" publishers, 1985. 399 p.*
- Санжаа, г.м., 2008: *Ж. Санжаа, г.м. Монгол хэлний авиазүй ба авиалбарзүй. Улаанбаатар, 2008.*
- J. Sanjaa, g.m. Mongol khelnii aviazüi ba avialbarzüi. [The Phonetics and the phonology of Mongolian language]. Ulaanbaatar, 2008.*
- Сумьябаатар, 2005: *Б. Сумьябаатар. Гучин зургаат тайлбар толь {үчин jiruyatu tayilburi toli}. Боть I-V, Улаанбаатар, 2005.*
- B. Sumiyabaatar. Guchin zurgaat tailbar toli {үчин jiruyatu tayilburi toli} [Thirty-six Glossary]. Ulaanbaatar, 2005.*
- Төмөртоого, 1992: *Д. Төмөртоого. Монгол хэлний түүхэн хэлзүй. Улаанбаатар, 1992. Tumurtogoo D. Mongol khelnii tüükhen khelzüi [The historical grammar of Mongolian]. Ulaanbaatar, 1992.*
- Төмөртоого, 2004: *Д. Төмөртоого. Хэлишинжлэлийн нэр томъёоны хураангуй толь (монгол-орос-англи). Улаанбаатар, 2004.*
- D. Tömörtogoo. Khelshinjleliin ner tomiyoony khu-raangui toli (mongol-oros-angli) [Concise Dictionary of Linguistic Terms (Mongolian-Russian-English)]. Ulaanbaatar, 2004.*
- Чоймаа, 1997: *Ш. Чоймаа. Орчин цагийн монгол хэлний үг бүтэх ёс: Орчин цагийн монгол хэл. Улаанбаатар, 1997.*
- Sh. Choimaа. Orchin tsagiin mongol khelnii üg бүtekh yos: Orchin tsagiin mongol khel [The word formation rules in Modern Mongolian: Modern Mongolian language]. Ulaanbaatar, 1997.*
- Шагдарсүрэн, 1999: *Ц. Шагдарсүрэн. Монгол хэлний хөгжлийн эртний үе, түүнийг судласан тойм. Эртний монгол хэлний судлал. Улаанбаатар, 1999.*
- Ts. Shagdarsüren. Mongol khelnii khögjliin ertnii üye, tüüniig sudlasan toim. Ertanii mongol khelnii sudlal [Early periods of development of Mongolian and its research overview. The study of Proto-Mongolian]. Ulaanbaatar, 1999.*
- Шагдарсүрэн, 2007: *Ц. Шагдарсүрэн. Эх хэлээ эвдэхгүй юм сан... Улаанбаатар, 2007.*
- Ts. Shagdarsüren. Ekh khelee evdekhgüi yum san [we should beware of breaking our mother tongue...]. Ulaanbaatar, 2007.*
- Чоймаа, г.м., 2006: *Ш. Чоймаа, г.м. Монгол хэлний хэлзүйн толь бичиг. Улаанбаатар, 2006.*
- Sh. Choimaа, g.m. Mongol khelnii khelzüin toli bichig [Mongolian grammar dictionary]. Ulaanbaatar, 2006.*
- Энхбат, 2003: *Д. Энхбат. Хэлишинжлэлийн англи-орос-монгол толь бичиг. Улаанбаатар, 2003.*
- Enkhat D. Khelshinjleliin angli-oros-mongol toli bichig [English-Russian-Mongolian Dictionary of Linguistic terms]. Ulaanbaatar, 2003.*
- Языкознание, 1998: *Языкознание: большой энциклопедический словарь / ред. В. Н. Ярцева, Н. Д. Арутюнова. 2-е изд. (репр.). Москва : Большая рос. энцикл., 1998. 682 с.*
- Iazykoznanie: bol'shoi entsiklopedicheskii slovar' / red. V. N. Iartseva, N. D. Arutiunova [Linguistics: a*

large encyclopedic dictionary / ed. by V.N.Yartseva., N. D. Arutyunova]. 2-e izd. (repr.). Moscow: Bol'shaia rossiyskaya entsikloprdia, 1998. 682 p.

In Classical Mongolian script:

Bira, 1990: *Bira Sh.* Altan tobči by Blo-bzan bstan-'dzin (Luvsandanzan): Erten-ü qad-un ündüsüleksen törü yosun-u jokiyal-i tobčilan quriyaysan Altan tobči keme-kü orušibai [The Golden Summary which relates briefly the Deeds of Civil Governing established by Ancients Emperors]. Ed. by Š. Bira. Ulaanbaatar 1990.

Qasbayan-a, 1996: *Qasbayan-a.* Dumdadu jayun-u mongyol kelen-ü sudulul [Study of the Middle Mongolian]. Köke qota, 1996.

Namjilm-a, 1994: *Namjilm-a.* Qorin naimatu tailburi toli [Dictionary of Twenty eight]. Ed. *Namjilm-a.* Köke qota, 1994.

Norjin, 1987: *Norjin.* Mongyol kelen-ü youl yosu [Basic principle of the Mongolian language]. Köke qota, 1987.

Norjin, 2001: *Norjin.* Mongyol kelen-ü üge бүтүгекү dayaburi-yin quriyangyui [Derivational suffixes of the Mongolian language]. Köke qota, 2001.

Šayja, 1994: *Šayja,* Mongyol ügen-ü tayilburi toli [Dictionary of Mongolian words]. Ulaanbaatar, 1994.

Sečenčoytu, 1988: *Sečenčoytu.* Mongyol üges-ün ijayur-un toli [Root dictionary of Mongolian words] / Ed. *Sečenčoytu.* Köke qota, 1988.

Tegsidügüreng, 2005: *Tegsidügüreng.* Mongyol kelen-ü üge бүтүгекү yosun-u sudulul [Study of word formation of the Mongolian language]. Köke qota, 2005.

Choimaa, 2002: *Choimaa Sh.* Qad-un ündüsün quriyangyui altan tobči: introduction, transcription and bibliography based on text analysis. Ulaanbaatar, 2002.

David Crystal, 1997: *David Crystal.* The Cambridge Encyclopedia of Language. Cambridge University Press, 1997.

Demircan, 1996: *Ömer Demircan.* Türkçenin sesdizimi [Phonology of Turkish]. Istanbul, 1996.

Edgerton, 1928: *Edgerton, F.* Maurice Bloomfield, 1855-1928 // Journal of the American Oriental Society. 1928. Vol 48, 193-199. <http://www.jstor.org/stable/593142>

Haenisch, 1955: *Erich Haenisch.* Eine Uрга-Handschrift des mongolischen Geschichtswerks von Secen Sagang (alias Sanang Secen), Academie-Verlag-Berlin, 1955.

Hock, 1991: *Hock, Hans Henrich.* Principles of Historical Linguistics. Berlin, New York: De Gruyter Mouton, 2011. <https://doi.org/10.1515/9783110219135>

Lee, Ramsey, 2011: *Lee Ki Moon., S. Robert Ramsey.* A History of the Korean Language. Cambridge University Press, 2011.

Manduqu, 1998: *Manduqu Ö.* Hua Yi yi-yu (Quva yi yi yu). Newly compiled and transcribed by *Manduqu.* Hailar, 1998.

Mostaert, 1941: *Antoine Mostaert.* Dictionnaire Ordos // Monumenta Serica. Journal of Oriental Studies of the Catholic University of Peking. The Catholic University-Peking, 1941[1942, 1944]; [re-print – Ulaanbaatar, 2009].

Poppe, 1965: *Poppe N.N.* Introduction to Altaic linguistics. // Ural-Altische Bibliothek 14, Otto Harrassowitz verlag, Wiesbaden, 1965.

Rachewiltz, 1972: *Igor de Rachewiltz.* Index to the Secret History of the Mongols. Bloomington, 1972.

Tumurtoogoo, Cecegdari, 2006: Mongolian monuments in Uighur-Mongolian script (XIII-XVI centuries): introduction, transcription and bibliography. Ed. *Tumurtoogoo D.* with collaboration of *Cecegdari G.* Institute of Linguistics, Academia Sinica, Taipei, 2006.

ВЫПАДЕНИЕ СОГЛАСНОГО -l- И СЛОГА -la- / -le- В МОНГОЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ

Далай Заябаатар

Монгольский государственный университет

В результате взаимного влияния различных звуков те фонемы, которые не обладают достаточной смысловозначительной функцией в процессе порождения и распознавания речи, имеют тенденцию к ослаблению и выпадению. В письменных памятниках монгольского языка наблюдаются следы подобного выпадения слабого звонкого переднеязычного негубного латерального фрикативного сонанта -l-. Выпадение -l- в таких условиях называется гаплогией и представлено во многих языках.

В данной статье исследуется выпадение согласного -l- и слога -la-/-le- в письменных памятниках монгольского языка и выявляются связанные с этим закономерности.

Согласно нашему исследованию, помимо исторического исчезновения звука *-l-*, в ситуации, если в одном слове имеется два последовательных слога, в каждом из которых есть согласный *-l-*, один из таких слогов выпадает. Кроме того, если после аффикса, образующего отыменные глаголы *-ла⁴- (-la-/-le-)* встречается показатель взаимного залога *-лд (-ldu/-ldii)*, то в устной речи безударный слог *-ла⁴* также выпадает. В результате получается, что с точки зрения поверхностной структуры, аффикс *-лд-* присоединяется непосредственно к именной основе, и подобное искажение образования глаголов встраивается в общую систему монгольского словообразования, т.е. помимо семантических и структурных закономерностей на словообразование влияет и адаптация к устной речи. Такое своеобразное явление наблюдается в монгольском языке.

Фонетические изменения, происходящие в устной речи, обычно не находят своего отражения в орфографии. Другими словами, запись устной речи существенно отличается от нормативной письменной речи. Поскольку монгольский язык является агглютинативным, то очень важно отражать в правилах орфографии структуру слова. По этой причине, согласный *-l-* и слог *-la-/-le-*, выпадающие в результате гаплоггии в устной речи, следует в некоторых случаях восстанавливать при написании слов в словаре в соответствии со структурой слова.

Ключевые слова: выпадение согласного *-l-*, морфологический принцип, орфографическая система, письменные источники, монгольский язык

Об авторе: Далай Заябаатар, Ph. D., Prof. декан/директор Института наук и искусств Монгольского государственного университета (14201 P.O. Vox-330, Бага Тойруу, ул. Сухэ-Батора, Улан-Батор – 46а, Монголия). ORCID 0000-0003-2640-7661 (zayabaatar@num.edu.mn)

Благодарность. Я хотел бы поблагодарить д-ра Джозефа Бристли (Dr. Joseph Bristley) и д-ра Бенджамина Бросига (Dr. Benjamin Brosig), чьи ценные замечания и корректура позволили улучшить данную статью.

А. А. Бердыева

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

ВЛИЯНИЕ ЗАПАДНЫХ ЛИТЕРАТУРНО-ФИЛОСОФСКИХ ТЕНДЕНЦИЙ НА СОВРЕМЕННУЮ ЛИТЕРАТУРУ РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ

В статье приводится анализ американско-европейского воздействия в философском и литературном дискурсе на современную литературу Республики Корея, оказавшуюся включенной в глобализационные процессы, начавшие ярко проявляться в общественно-культурной сфере после окончания Второй мировой войны, трагический характер которой стал объединяющим фактором для глобальной философии и литературы. В контексте современной корейской литературы большое значение представляют как традиционные особенности корейского литературного искусства, так и условия его осовременивания. Корейский полуостров в конце XIX-начале XX века получает возможность ознакомиться с достижениями западной мысли и литературы, что повлекло за собой изменения традиционной культуры и литературы. Однако и во второй половине прошлого столетия, и в начале нового тысячелетия интерес со стороны корейской интеллигенции к достижениям в области западной и мировой литературы и философии не угасает. В данной статье на основе теоретических работ по корейской и западной литературе и философии XX века предлагается комплексный анализ особенностей современной корейской прозы в контексте влияния американско-европейского литературного и философского дискурса.

Ключевые слова: литература, Корея, философия, экзистенциализм, концепция Другого, поколение *хангыля*, женская проза.

Об авторе: Бердыева Анастасия Александровна, бакалавр образовательной программы «Востоковедение и африканистика» НИУ ВШЭ (Санкт-Петербург) (190008, Россия, Санкт-Петербург, ул. Союза Печатников, д. 16) (an.berdyeva@gmail.com).

Благодарность. Автор благодарит своего научного руководителя, кандидата филологических наук Ли Сан Юн. Статья подготовлена на основе выпускной квалификационной работы на тему: «Влияние западных литературно-философских тенденций на современную литературу Республики Корея (на примере произведений Хан Ган, Ли Орёна и Ким Ёнха)».

© ИВ РАН. 2022

© Бердыева А. А. 2022

Художественное своеобразие традиционной корейской литературы определило ее современную историю и положение, связанные с сильным западным влиянием, оказавшим значительное воздействие на литературную жизнь современной Республики Корея. Важнейшей особенностью традиционной корейской литературы в этом контексте является ее синкретизм, выразившийся, прежде всего, в адаптации китайской литературной традиции под реалии Корейского полуострова. Эта адаптация стала следствием многовекового

доминирования китайской культуры в Азиатско-Тихоокеанском регионе и в значительной степени оказала влияние на развитие литературы Кореи.

Данная особенность оказала большое воздействие на становление современной корейской литературы. Процесс ее осовременивания был достаточно сложен как с культурологической и литературоведческой позиции, так и с позиции политической. Уже в конце XIX столетия на полуострове наблюдались симптомы грядущих перемен во всех сферах жизни об-

щества, в том числе и в сфере художественной литературы¹.

Начало японского колониального господства (1910–1945 гг.), ознаменовало появление новой литературы сопротивления, пробудившей в народе национальную гордость и чувство патриотизма. М. В. Солдатова указывает: «Литература стала средством национального самоопределения, выражением духа народа» [Солдатова, 2004. С. 18]. *Новая проза (син со-солъ 신소설)*² обозначила границу между традиционной литературой, носившей дидактический и нравоучительный характер, и новой литературой, обращенной к реальности и приобретающей важное социально-культурное и социально-политическое значение. В новых произведениях не только изменилась проблематика, что было связано со сложной обстановкой на полуострове в начале XX века, но и поменялись важнейшие литературные принципы: например, авторы начали включать в текст произведений рассуждения о литературном процессе на полуострове и о его роли в обновлении Кореи и корейского общества [Иванова, 1987. С. 14].

В 1920-х годах корейские писатели активно экспериментируют с литературными направлениями, что связано, во-первых, с особенностями развития традиционной корейской литературы (а именно с отсутствием литературных направлений в европейской трактовке и отсутствием четкого деления на жанры) и, во-вторых, с особенностями знакомства Кореи с западной литературой: в одно и то же время на полуострове переводились как произведения романтизма, так и произведения реализма и первые работы в области модернизма.

В этот исторический период на первый план выходит жанр рассказа, получивший распространение во многом благодаря масштабной печати газет и литературных журналов, где публикация сравнительно коротких произве-

дений была наиболее предпочтительна. Вместе с новым для Кореи жанром рассказа художественная литература стала создаваться на разговорном, понятном для широких масс, языке [A History of Korean Literature, 2003. P. 395]. Дело в том, что вплоть до 1895 г. официальным письменным языком на полуострове оставался *ханмун* 한문 — корейизированная форма письменного китайского языка *вэньянь* 文言. А с началом японского колониального господства корейский язык подавлялся, и многие представители интеллигенции отправлялись в Японию для получения образования на японском языке. Таким образом, написание произведений на понятном для простого народа корейском языке с использованием корейской графики, *хангыля* 한글, было необходимо для осуществления новой функции художественного слова — трансляции происходящих социально-культурных и политических перемен.

Распространение влияния западных держав в регионе стало одной из причин слома традиционной конфуцианской парадигмы, главенствовавшей веками на Корейском полуострове, и необходимости создания новой модели общества, которая отвечала бы духу времени. Эта необходимость объясняется искусственно сконструированной колониальной (или ориентальной) концепцией Другого (Востока), которая создавалась Западом для его же самоопределения. Этот сложный культурно-философский дискурс вскоре уже для Другого (Востока) привел к необходимости самоидентификации по западному образцу, но уже в ущерб разнообразному многовековому историческому и культурному опыту сообществ, которые страны Запада включают в дискурс Восточной Азии [Park, 2016. С. 24, 36].

Художественная литература стала в определенном смысле экспериментальным полем, внутри которого корейская интеллигенция почти наощупь искала пути к новой культурной парадигме полуострова, необходимость в которой возникла после слома феодально-конфуцианской системы и начала японской аннексии. Однако процесс поиска оказался достаточно растянут по времени в силу сложных исторических событий XX столетия.

¹ К концу XIX века на полуострове обострились внутренние противоречия, выразившиеся в реформаторском движении *кэхва ундон* 개화 운동 и в идейном учении *тонхак* 동학, повлекшем за собой крестьянское восстание 1894–1895 годов.

² Термин В. И. Ивановой.

В течение всего века происходило активное знакомство с культурой, философией, наукой и литературой стран Запада, что выразилось в появлении новых литературных форм. Исторические события прошлого столетия в каком-то смысле предопределили тесные всесторонние контакты полуострова со странами Запада. После окончания Второй мировой войны (1939–1945 гг.) особенно заметной становится связь западной литературы и литературы Республики Корея. Тогда главенствующим литературным жанром стал, по утверждению В. Кохена, роман: «жанр, определяющий современность, а также [литературная] форма, наиболее тесно связанная с западным влиянием» [Cohen, 2017]. В южнокорейском литературном поле романная форма также приобрела особую популярность во второй половине XX в., и при этом особое место занимал исторический роман. Это было связано с двумя основными причинами: во-первых, с попытками писателей исторической повесткой отгородиться от современной истории, как например, это делает (Чхве Инхо (1945–2013) в романе «Четвертое государство», 2006 г.), и, во-вторых, с попытками литераторов через обращение к недавно произошедшим событиям осмыслить происходящее в настоящем. К такому приему обращается Пак Кенни (1926–2008) в романе «Земля», 1969–1994 г.)

Послевоенная литературная жизнь Кореи была также отмечена активным обращением к западной философской мысли. Это объясняется условиями формирования современной корейской литературы, о чем уже писалось выше, а также особенностями исторических событий XX в., глобальный характер которых послужил объединяющим фактором, столкнувшим людей по всему миру со схожими проблемами и горестями, что стало весьма благодатной почвой для развития художественной литературы.

XX век стал сложным переходным периодом и в области западной философии, когда ее предмет эстетизируется и психологизируется в художественной деятельности как особая форма познания [Колесников, 2000]. Из этого процесса постепенно на первый план выходит

экзистенциализм (С. Кьеркегор (1813–1855), Ф. Ницше (1844–1900), Ж.-П. Сартр (1905–1980), А. Камю (1913–1960) и др.), приобретший актуальность и ставший одним из популярных философских направлений в Западной Европе в 1920-е годы как ответ на события Первой мировой войны. Но особую популярность среди литераторов он получил в 1950–1960-е годы, когда экзистенциальная философия глубоко проникает в литературу.

В основе экзистенциализма — «представление о нерасчлененности субъекта и объекта в акте переживания» [Зарубежная литература XX века, 2003. С. 337]. Основная проблематика произведений писателей-экзистенциалистов — процесс перехода из одного состояния в другое, сопровождающийся внутренним кризисом героя [Осадчая, 2018. С. 111]. Идеи экзистенциализма, позволившие обозначить в литературе послевоенную неустроенность человека, сопровождающуюся внутренним конфликтом — сюжетной основой произведения, стали органичным продолжением корейской литературы.

В традиционной корейской прозе можно встретить два основных типа героя. Первый тип составляют персонажи, созданные в рамках конфуцианского представления об идеальном человеке, и такие герои действовали в соответствии с моделью поведения, принятой и одобряемой в конфуцианстве. Второй тип — герои даосско-буддийского типа, основной особенностью которых была независимость и свобода от принятых правил и порядков [Солдатова, 2004. С. 13]. Такие персонажи по тем или иным причинам не могли вписаться в конфуцианскую систему с ее строгой иерархией, что создавало проблему соотношения свободы личности и ее связей с обществом, ставшую традиционной [Троцевич, 1997. С. 168–170]. Эта тема перекликается с экзистенциальной проблематикой, что делает интерес к экзистенциализму со стороны корейских авторов XX в. переработанным и обновленным продолжением традиционной тематики.

В XX столетии также активно развивалась наука, что во многом предопределило многочисленные технические и технологические до-

стижения и повлекло за собой формирование философии науки, одним из проявлений которой стал неопозитивизм (Ф. Бредли (1846–1924), Дж. Э. Мур (1873–1958), Л. Витгенштейн (1889–1951) и др.), ставший «воплощением научного духа западной культуры» [Зотов, Мелвилль 1994. С. 35]. Философы-неопозитивисты открыли для себя принципиально новую сферу — сферу языка, и философия стала рассматриваться как деятельность, направленная на установление правомерности тех или иных языковых выражений и определение их значения.

Из различных (и наиболее распространенных) философских направлений, появившихся во второй половине XX в., возникает особое метанаправление, связанное с культурологическим и философским анализом языка. «Язык, — пишет А. С. Колесников, — стал сущностью сознания». Современная философия предметом своего изучения выбирает естественно-языковое пространство, а «философские концепции приобретают лингвофилософское звучание» [Колесников, 2000].

В современной философии возникает вопрос о взаимопроникновении литературы и философии. Это связано с тем, что «художественная идея, содержащая в себе философский потенциал, отражается в соприродной себе, представляющей ее понятийный аналог, философской идее» [Колесников, 2000]. Иными словами, современная литература становится плацдармом для развития философии, а философия — для литературы.

В Корее 1950–1960-х годов художественная литература пребывает в состоянии поиска, когда появляются первые послевоенные писатели, впервые в истории полуострова получившие образование на корейском языке. За ними закрепилось название «поколение хангыля» (*хангыль седэ* 한글 세대). В период их литературной деятельности происходит окончательный отказ от традиционных тем в силу необходимости литературной рефлексии в отношении произошедших антропогенных катаклизмов.

По принятому советско-американскому соглашению в конце лета 1945 года о разделении

сфер влияния на полуострове часть Кореи южнее 38 параллели переходила под юрисдикцию США, северная же — под юрисдикцию Советского Союза. Этим объясняется дальнейшая история развития всех политических и идеологических преобразований государства, в том числе литературы. Южная Корея вынуждена была принять идеологию стран, к политическому блоку которых она стала относиться. В этих обстоятельствах создание национальной южнокорейской литературы стало приоритетной задачей тогдашней культурной политики Республики Корея. И создание национальной литературы построенной по американо-европейской модели, является логичным решением, закономерным следствием которого становится рост интереса к западной цивилизации и ее критическое осмысление [Li Min Young, 2021. P. 145–146].

Вторая половина XX в. в корейской литературе проходила под эгидой изменений и оглядок и оглядок на американско-европейскую модель литературы. В частности, одно из достижений корейской литературы конца прошлого века заключается в появлении женской прозы, представительницы которой начали создавать новый литературный язык, ставший ответом на внутренние потрясения Кореи, связанные с борьбой за демократию, как она понималась южнокорейским обществом на то время¹. Женская проза определила не только место писательниц в литературном процессе Кореи, но и поставила вопрос о наличии женского литературного стиля, к характеристикам которых относятся «беспрецедентные ассоциации, развертывание событий посредством диалога или использование открытых финалов» [A History of Korean Literature, 2003. P. 487]. Женская проза имеет внутреннюю связь с экзистенциализмом, так как отображает мир человека, противостоящего обществу. С другой стороны, эта конфронтация тесно соотносится с феминистическим дискурсом и трансформацией образа женщины в корейском социуме. Новые реалии индустриального общества

¹ Автор под этим подразумевает события Апрельской революции 1960 года и Военной революции 16 мая 1961 года.

(1970–1990-е гг.) требовали создания нового языка, а значит — художественных и эстетических экспериментов с литературным стилем [A History of Korean Literature, 2003. P. 494].

Во многом именно женская проза стала локомотивом, двигавшим вперед корейскую литературу на рубеже столетий. Благодаря творчеству женщин в литературе по-новому открывается пространство эстетического, одновременно с чем в начале нового тысячелетия создается «интертекстуальное повествование, устанавливающее связи с множествами иных культурных текстов» [Цой, 2018. С. 325]. В творчестве таких писательниц, как Пак Ван-со (1931–2011 гг.), Ён Хигён (род. в 1959 г.) и Син Кёнсук (род. в 1963 г.), оригинально с точки зрения стилистики и языка описываются как события недавнего прошлого, так и изменения в области повседневной жизни, с которыми вынуждены сталкиваться героини их произведений. Смелость, нетривиальность и глубокий психологизм их произведений открыли для современной корейской литературы новые горизонты».

В творчестве авторов, вышедших на литературную арену в начале нового тысячелетия, можно наблюдать окончательный переход к постмодернизму, когда на первый план выходит не реализм, а его искажение и игнорирование, когда происходит отказ от историзма в пользу психологизма и художественности. Эти писатели выводят литературу на постмодернистский уровень, когда искусство выходит за пределы государства и нации и преодолевает само себя, из чего можно предположить, что «в литературном мире Республики Корея будущее литературы будет зависеть от универсальных тенденций глобализации» [A History of Korean Literature, 2003. P. 496].

Современные авторы стремятся отразить насущные проблемы нынешнего общества, как правило, на примере отдельно взятой личности — главного героя произведения. И эти проблемы в большинстве своем глобальны, но, что крайне важно, они имеют определенную национальную окраску, создающую особый шарм повествования. Именно это характеризует всё творчество Хан Ган (род. в 1970 г.) — писатель-

ницы, обращающейся не только к корейскому читателю, но и к читателю из любой точки мира. В таких ее произведениях, как «Вегетарианка» и «Человеческие поступки», очевидна корейская специфика: семейные отношения в первом случае и исторические события в Кванджу в 1980 году во втором. Однако корейский антураж в творчестве Хан Ган становится фоном для размышлений о таких этических категориях, как истоки жестокости, свобода выбора, разграничение добра и зла. Иное соотношение «корейского» и «глобального» читается и в романе Ли Сыну (род. в 1960 г.) «Тайная жизнь растений». В этом произведении национальная специфика будто бы уходит на второй план, а на первом остаются размышления о преобразовании института семьи в контексте быстро меняющегося общества. Национальный окрас произведения кроется в философских размышлениях о природе — традиционном объекте философской рефлексии в дальневосточных культурах, — который оставляется автором, пожалуй, единственным островком гармонии в стремительно развивающемся мире. Таким образом, корейские авторы стремятся сохранить национальную специфику в своих произведениях, адресованных всему читающему миру, но проявляться это может как открыто (творчество Хан Ган), так и скрыто и не совсем очевидно (творчество Ли Сыну). Тем не менее в контексте современности и глобализационных тенденций сочетание национального и глобального в современной корейской прозе представляет собой важную особенность».

В конце XX века формируется новая художественность и новая эстетика, что было связано с общим трагическим прошлым человечества, пережитым в течение столетия. Этот опыт стал стимулом для формирования общего философского потока, в котором на первый план выходят идеи гуманизма, а человек превращается в объект философского изучения. Литература в этом плане превратилась в транслятора новых идей, так как в ней так или иначе происходило рефлексивное формирование новой философии.

Корейская литература конца XX – начала XXI в. включается в мировой литературный

процесс, не отказываясь от национальных особенностей и трансляции национальной специфики, что легко читается в текстах современных авторов. В этом отношении литература Южной Кореи становится рупором меняющегося общества и терпящей беспрецедентные перемены культуры. Современные писатели, обращаясь к корейским реалиям, не забывают про традиции и истоки корейской культуры;

они, осознавая включенность Кореи в разнообразные международные процессы, в том числе процессы культурные и философские, создают новую литературу, сочетающую в себе как традиционные дальневосточные культурно-философские концепции, так и глобальные литературные тенденции, связанные с исследованием человеческой природы и человеческого бытия.

Использованная литература

Барт 1989: *Барт Р.* Избранные работы: Семиотика. Поэтика / Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. М.: Прогресс, 1989.

Bart R. Izbrannye raboty: Semiotika. Poetika [Selected works: Semiotics. Poetics]. Comp. and ed. by G. K. Kosikov. Moscow: Progress, 1989.

Зарубежная литература XX века, 2003: Зарубежная литература XX века / Под ред. В. М. Толмачева. М.: Издательский центр «Академия», 2003.

Zarubezhnaia literatura XX veka [Foreign Literature of the XX Century. Ed. by V. M. Tolmachev]. Moscow: Isdata'skii tsentr "Akademiia". 2003.

Зотов, Мелвиль 1994: *Зотов А. Ф., Мелвиль Ю. К.* Западная философия XX века : в 2 т. Т. 1.: уч. пособие. М.: Интерпакс, 1994.

Zotov A. F., Melvil' Ju. K. Zapadnaia filosofia XX veka [Western Philosophy of the 20th Century]. Moscow: Interpaks, 1994.

Иванова 1987: *Иванова В. И.* Новая проза Кореи. М.: Наука, 1987.

Ivanova V. I. Novaia proza Korei [New Prose of Korea]. Moscow: Nauka, 1987.

Колесников 2000: *Колесников А. С.* Философия и литература: современный дискурс // Серия «Мыслители», История философии, культура и мировоззрение. Выпуск 3 / К 60-летию профессора А. С. Колесникова. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2000. URL: <http://anthropology.ru/ru/text/kolesnikov/filosofiya-i-literatura-sovremennyy-diskurs> (дата обращения: 11.01.2022).

Kolesnikov A. S. Filosofii i literatura: sovremennyy diskurs Seria "Mysliteli", Istorii filosofii, kul'tura i mirovossrenie. Vypusk 3 / K 60-letiyu professore A. S. Kolesnikova [Philosophy and literature: modern discourse]. St. Petersburg: Sankt-Petersburgskoe filosofskoe obschestvo, 2000.

Осадчая 2018. *Осадчая Т. Ю.* Семантическое ядро жанра «экзистенциальный роман» в современной литературе // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Филологические науки. Научный журнал, 2018. Том 4 (70). №3. С. 107–130.

Osadchaia T. Ju. Semanticheskoe iadro zhanra "ekzistsentsial'nyi roman" v sovremennoi literature [The semantic core of the "existential novel" genre in modern literature] // Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Philological sciences. Vol. 4 (70). No. 3. 2018. P. 107–130.

Солдатова 2004: *Солдатова М. В.* Становление национальной прозы в Корее в первой четверти XX века. Владивосток: Изд-во Дальневосточного университета, 2004.

Soldatova M. V. Stanovlenie natsional'noi prozy v Koree v pervoi chetverti XX veka [Formation of National Prose in Korea in the First Quarter of the 20th Century]. Vladivostok: Izdatel'stvo Dal'nevostochnogo universiteta, 2004.

Троцевич 1997: *Троцевич А. Ф.* Корейский современный рассказ: традиции и западное влияние // Межлитературные контакты Востока и Запада. Литературы Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии и духовная жизнь России : сборник статей. СПб.: Петрополис, 1997. С. 166–174.

Trotsevich A. F. Koreiskii sovremennyy rasskaz: traditsii i zapadnoe vliianie [Korean Modern Short Story: Traditions and Western Influence] // Mezhliteraturnye kontakty Vostoka i Zapada. Literatury Dal'nego Vostoka i Yugo-Vostochnoi Asii i dukhovnaya zhisn' Rossii: Sbornik statei. St. Petersburg: Petropolis, 1997. P. 166–174.

Цой 2018: *Цой И. В.* Эволюция тем художественной литературы Республики Корея (1948–2018) // КНДР и РК – 70 лет. М.: ИДВ РАН, 2018. С. 317–328.

Tsoi I. V. Evoliutsiya tem khudozhestvennoi literatury Respubliki Koreia (1948–2018) [The Evolution of the Themes of Fiction of the Republic of Korea (1948–2018)] // KNDR I RK – 70 let [DPRK and KR – 70 years]. Moscow: IDV RAN, 2018. P. 317–328.

Li Min Young 2021: *Ли Мин Ён.* Чжонху мунхаг гэ сегесонгва хендэчок чонтхонэ конан: 'Мунеджи пхённоньль чжунсимыро (이민영. 전후 문학의 세계성과 현대적 전통의 공안: '문예'지 평론을 중심으로 Мир послевоенной литературы и социальная безопасность современной традиции: на основе

критики «Литературного журнала») // Хангукмунхва (Корейская литература). 2021. № 93. С. 139–172.

Li Min Young. Jeonhu munhage segesongwa hyeondaejeok jeonthone konan: 'Munye'ji pyeonnoneul jungsimeuro [The Worldness of Post-war Literature and the Project of Modernized Tradition in the MunYe] // *A History of Korean Literature*. Ed. by P. H. Lee. New York: Cambridge University Press, 2003]. 2021. P. 139–173.

Cohen, 2017: *Cohen, W.* A History of European Literature: The West and the World from Antiquity to the Present. New York: Oxford University Press, 2017.

Park, 2016: *Park S.* A Comparative Study of Korean Literature: Literary Migration. New York: Palgrave Macmillan, 2016.

THE INFLUENCE OF WESTERN LITERARY AND PHILOSOPHICAL TRENDS ON MODERN LITERATURE OF THE REPUBLIC OF KOREA

Anastasiya A. BERDYEVA
HSE University

Annotation: The main task of the article is the analysis of the Western influence in philosophical and literary terms on the modern literature of the Republic of Korea. South Korea has been included in the globalized world since the end of World War II. The main issue here is the tragic nature of this war which made the problems of people from different countries the same in many contexts. If we speak about modern Korean literature, it is necessary to keep in mind the traditional peculiarities of Korean literature as well as the conditions under which it turned out to be called modern. The end of the 19th and the beginning of the 20th century was the time when the Korean Peninsula could meet with Western literary and philosophical works of different periods. This acquaintance led to a transformation of traditional culture and literature. In the second half of the 20th century as well as at the beginning of the new century the concern of Korean authors in achievements of Western civilization in the field of culture and literature is still alive. This article proposes an analysis of the features of modern Korean literature in the time of globalized modernity which is based on Western achievements in literary and philosophical fields.

Key words: Korean literature, world literature, global philosophy, literature in the second half of the 20th century, existentialism, the concept of the Other, interpenetration of philosophy and literature, the Hangul generation, women's prose of Korea.

About the author: **Anastasiya A. BERDYEVA**, B.A., Asian and African Studies Graduate, HSE University (St. Petersburg) (16, Soiuza Pechatnikov st., St. Petersburg, Russia, 190008) (an.berdyeva@gmail.com).

Н. В. Ямпольская
Институт восточных рукописей Российской академии наук

К ВОПРОСУ О СТРУКТУРЕ МОНГОЛЬСКИХ РУКОПИСНЫХ ГАНДЖУРОВ XVII ВЕКА: ТОМА GA И DA РАЗДЕЛА «СУТРЫ» В СПИСКАХ ИЗ АБЛАЙ-ХИТА

В статье изложены результаты очередного этапа работы по идентификации и исследованию фрагментов двух рукописей буддийского канона Ганджур на монгольском языке, обнаруженных в джунгарском монастыре Аблай-хит. В центре внимания находятся разрозненные листы, маркированные как относящиеся к томам *ga* и *da* раздела «Сутры». В приложении к статье представлены полная идентификация сохранившихся фрагментов и структура томов, к которым они относятся в сравнении с другими известными рукописями монгольского Ганджура. В аналитической части разъяснены обнаруженные в ходе работы отличия аблай-хитских списков от прочих рукописных Ганджуров — отсутствие путаницы в маркировке томов *nga* и *da*, а также наличие полного текста колофона монгольских переводчиков сутры *Sukhāvātīvyūha*. Сделанные наблюдения указывают на близость исследуемых списков к предполагаемому архетипу и подтверждают ранее обнаруженную связь между архаичной группой Ганджуров и малоисследованной Улан-Баторской рукописью.

Ключевые слова: Ганджур, Аблай-хит, Сукхавативьюха, Самдан Сенге.

Об авторе: Ямпольская Наталия Васильевна, Ph. D., старший научный сотрудник, сектор Центральной Азии отдела Центральной и Южной Азии, Институт восточных рукописей РАН (Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18). ORCID 0000-0002-2198-768X (nataliyampolskaya@yandex.ru).

© ИВР РАН, 2022
© Ямпольская Н. В., 2022

Монгольский Ганджур в рукописях XVII века

Исследования последних лет полностью перевернули наши представления о структуре и истории формирования монгольского буддийского канона — Ганджура (от тиб. *bka' 'gyur* 'перевод слова [Будды]'). Знакомство научного сообщества с этим многотомным собранием текстов началось в середине XX в., после публикации каталога Пекинского ксилографического издания 1717–20 гг. [Ligeti, 1942]. Вторым важным шагом стало издание каталога рукописи из собрания СПбГУ — единственного известного сегодня полного экземпляра рукописного Ганджура на монгольском языке [Касьяненко, 1993]. Опираясь на эти источники, до недавнего времени было принято говорить о двух редакциях канона — рукописной и ксилографической. С середины 2010х гг. в научный оборот постепенно вводятся данные, полученные в ходе работы с рядом малодоступных и

ранее не описанных источников — неполных комплектов, отдельных томов или фрагментов рукописных монгольских Ганджуров, хранящихся в собраниях на территории Монголии, Китая, России и Европы. Промежуточные результаты исследования демонстрируют, что Ганджуры, принадлежащие к т. н. «рукописной редакции», различаются между собой в структуре и содержании, и в XVII в. монгольский Ганджур, подобно тибетскому, представлял собой подвижную систему текстов, а не две устойчивые редакции¹.

Сегодня известно о существовании девяти рукописей монгольского Ганджура, большая часть которых сохранились фрагментарно, с разной степенью полноты (от нескольких десятков томов до отдельных разрозненных листов):

¹ Подробнее об истории, структуре и сохранившихся комплектах монгольского Ганджура см. [Алексеев, 2015; Alekseev, 2017].

1. **PK:** Библиотека Восточного факультета СПбГУ — 113 т. (единственный полный комплект, XVII в.).
2. **UUK:** ИМБТ СО РАН (г. Улан-Удэ) — 108 (или 109) т. (конец XVII — начало XVIII в.)¹.
3. **ННК1:** Академия общественных наук Внутренней Монголии (г. Хух-хото) — 109 т.
4. **UBK:** Национальная библиотека Монголии (г. Улан-Батор) — 70 т.
5. **KK:** Этнографическое собрание Национального музея Дании — 1 том (*cha*, раздел «Тантра»).
6. **AK:** Академия общественных наук Внутренней Монголии (г. Хух-хото) — 20 т. (Золотой Ганджур, написанный по указу Лигдан-хана в 1628–29 гг.)².
7. **JGF:** ИВР РАН и ряд библиотек Европы — 34 лл. рукописи, написанной золотом на чёрно-синей бумаге (первая половина XVII в.), обнаружены на территории Джунгарского ханства³.
8. **Ms1:** ИВР РАН и ряд библиотек Европы и России — 795 лл. (XVII в.), обнаружены на территории Джунгарского ханства (монастырь Аблай-хит).
9. **Ms2:** ИВР РАН и ряд библиотек Европы — 481 лл. (XVII в.), обнаружены на территории Джунгарского ханства (монастырь Аблай-хит)⁴.

Последние четыре рукописи из приведённого списка (AK, JGF, Ms1 и Ms2) можно выделить как архаичную группу, которую, в первую очередь, объединяет ряд палеографических и кодикологических характеристик: особенности дукта, *галика* (дополнительных знаков, используемых для записи иностранных слов), орфографии и пагинации, помет переписчиков. Текстологическое сличение и анализ состава

томов затруднены тем, что все четыре источника сохранились не полностью. На данный момент отмечены следующие существенные особенности структуры и содержания Ганджуров архаичной группы⁵:

1. В Золотой Ганджур из Хух-Хото (AK) пять сутр *Pañcaraḥṣā* вошли в переводе Шераба Сенге (XIV в.), во все прочие известные Ганджуры — в переводе Аюуши-гуши (XVI в.). Среди томов Улан-Баторского Ганджура (UBK) и фрагментов джунгарских рукописей (JGF, Ms1 и Ms2) текст этой сутры не обнаружен, поэтому невозможно установить, является ли включение старого перевода характерной особенностью всех Ганджуров архаичной группы.
2. В джунгарских рукописях Ms1 и Ms2 и Улан-Баторском Ганджуре (UBK) том *nga* раздела «Тантра» имеет структуру, отличающуюся от остальных известных списков. В Золотом Ганджуре из Хух-Хото (AK) и среди «золотых» фрагментов из Джунгарии (JGF) этот том не обнаружен. Особенности структуры тома *nga* говорят о том, что по крайней мере часть томов рукописи UBK связана с архаичной группой⁶.
3. «Золотые» фрагменты из Джунгарии (JGF) содержат ранее не известный перевод сутры *Bhadrakalpika* (судя по особенностям лексики, выполненный в доклассический период), прочие известные Ганджуры — перевод Дайчин-гайджи (конец XVI — начало XVII в.). В других Ганджурах из Джунгарии (Ms1 и Ms2), Золотом (AK) и Улан-Баторском (UBK) Ганджурах фрагменты этой сутры не обнаружены⁷.

Перечисленные наблюдения дают лишь фрагментарное представление о структуре и содержании редакций Ганджура, бытовавших среди монголов в первой половине XVII в.,

¹ Количество томов UUK под вопросом, так как оформление тома *ka* раздела *yum* (санскр. *prajñāpāramitā*) отличается от остальных томов рукописи. Подробнее о Ганджуре, хранящемся в Улан-Удэ, см. [Alekseev et al., 2016].

² Подробнее о Золотом Ганджуре Лигдан-хана см. [Alekseev, Turanskaia, 2013].

³ Подробнее о местах хранения и идентификации «золотых» фрагментов Ганджура из Джунгарии см. [Alekseev, 2019].

⁴ Описание и перечень большей части фрагментов рукописей Ms1 и Ms2 см. [Ямпольская, 2015].

⁵ Подробнее об этом см. [Alekseev, 2017].

⁶ Улан-Баторский Ганджур пока недостаточно исследован и, кроме того, собран из томов, изначально принадлежавших разным спискам. Подробнее о составе томов UBK см. [Алексеев, 2015. С. 206–207]. Подробнее о структуре тома *nga* раздела «Тантра» в монгольских Ганджурах см. [Alekseev, 2017. P. 41–46].

⁷ Подробнее об идентификации фрагмента сутры *Bhadrakalpika* из рукописи JGF см. [Alekseev, 2020].

и в силу избирательной сохранности имеющих в нашем распоряжении списков пока нет возможности говорить о полной картине. Публикуемые ниже результаты текстологического исследования дополняют эту картину новыми данными о раннем этапе формирования Ганджура на монгольском языке на материале томов *ga* и *da* раздела «Сутры». Цель статьи — представить идентификацию листов рукописей Ms1 и Ms2, относящихся к разделу «Сутры» и маркированных буквами *ga* и *da*, и наблюдения, сделанные на основе сравнения структуры и содержания этих томов с другими рукописными Ганджурами на монгольском языке.

Две рукописи монгольского Ганджура из Аблай-хита (Ms1 и Ms2)

Два списка Ганджура, обнаруженные в XVIII в. в джунгарском монастыре Аблай-хит (сегодня — археологический комплекс Аблай-хит в Восточно-Казахстанской области), представляют собой разрозненные листы из разных томов. Сегодня известно о местонахождении 1 276 фрагментов, большая их часть (1 235 лл.) была доставлена в Петербург Второй Камчатской экспедицией в 1734 г. и хранится в Институте восточных рукописей РАН под шифрами К 26 — К 36, и частично — без шифра (две стопки листов, не получивших шифр, мы условно обозначаем как S.n.1 и S.n.2¹). Отдельные листы принадлежат ряду собраний России и Европы².

Из 795 сохранившихся фрагментов рукописи Ms1 775 лл. хранится в ИВР РАН, 1 — в Российской национальной библиотеке, 12 — в Берлинской государственной библиотеке, 3 — в Британской библиотеке, 3 — в Библиотеке Университета Глазго, 1 — в Городской библиотеке Линчэпинга и 1 — в Национальной

библиотеке Франции. Фрагментов списка Ms2 сохранилось значительно меньше — 481, из них 470 лл. принадлежат собранию ИВР РАН, 3 — Фонду Франке (Галле), 6 — Берлинской государственной библиотеке и 2 — Национальной библиотеке Франции. В 2015 г. был опубликован перечень большей части уцелевших листов по томам с указанием места их хранения [Ямпольская, 2015]. В перечень не вошли недоступные автору в тот момент три листа, хранящиеся в Национальной библиотеке Франции (позже они были опубликованы А. А. Туранской [Туранская, 2021. С. 253–263]), а также листы из Британской библиотеки, Библиотеки Университета Глазго и Городской библиотеки Линчэпинга³. Чтобы избежать повтора уже опубликованных данных, ниже приведены самые краткие сведения о фрагментах Ганджуров Ms1 и Ms2.

Оба Ганджура переписаны чёрной и красной тушью на многослойной неокрашенной бумаге. Ганджур Ms2 выполнен на листах более крупного формата (71 × 25 см) и с большей аккуратностью, нежели Ms1 (64 × 23 см), который переписан и оформлен с заметной небрежностью. Почерки в этих двух списках существенно различаются: дукт Ms1 можно назвать характерным для южно-монгольских рукописей XVII в., в то время как рукопись Ms2 переписана в «ойратском» стиле, с характерным наклоном зубцов по отношению к оси⁴. Кроме того, в Ms2 встречаются элементы ойратского алфавита «ясное письмо». Совпадения в маркировке томов указывают на то, что обнаруженные в Аблай-хите списки текстологически близки⁵. Предположительно, рукопись Ms2 была переписана с Ms1 в Джунгарии, вероятно — в самом Аблай-хите: поскольку её фрагментов сохрани-

¹ Эти условные обозначения впервые введены в статье 2015 года. Партии листов S.n.1 и S.n.2 важно различать, так как на протяжении многих лет они хранились раздельно, что может иметь значение для дальнейших изысканий в области истории их поступления в коллекцию. Подробнее см. [Ямпольская, 2015. С. 50–51].

² Истории их приобретения посвящён ряд публикаций последних лет. См., например, [Zorin, 2015; Байпаков и др. 2019. С. 183–235; Бородаев, 2021].

³ Более полные данные о местах хранения рукописей Ms1 и Ms2, а также их подробное кодикологическое описание, сопровождаемое цветными иллюстрациями, см. в монографии, посвящённой монастырю Аблай-хит [Байпаков и др., 2019. С. 269–281].

⁴ Характерный ойратский дукт описан Д. Карой [Кага, 2005. Р. 151–152].

⁵ Маркировка совпадает даже в тех случаях, когда это не связано с содержанием тома и не может быть объяснено случайностью. Подробно об этом см. [Ямпольская, 2015. С. 49].

лось почти в два раза меньше, чем Ms1, можно предположить, что процесс не был завершён.

Структура томов *ga* и *da* раздела «Сутры»

В рукописях Ганджура на монгольском языке каждый лист имеет маркировку, указывающую на его принадлежность к определённому разделу и тому. Маркировка тома проставлена в левом маргине перед пагинацией и, как правило, представляет собой комбинацию тибетской буквы, означающей номер тома (например, ᠠ или ᠨ) и названия раздела, написанного по-монгольски (например, *vinai* 'Виная' или *dandir-a* 'Тантра'). Среди фрагментов рукописей Ms1 и Ms2 есть листы, маркированные как относящиеся к тому *ga* (ᠠ), однако идентификация текста на этих листах показала, что они принадлежат двум разным томам. Другими словами, в рукописях Ms1 и Ms2 два тома в разделе «Сутры» (монг. *olan sudur* или *eldeb*) имеют маркировку *ga* с одним различием: один из них маркирован как « ᠠ *olan sudur*», второй — только буквой *ga* (ᠠ), без указания раздела.

Содержание сохранившихся фрагментов показывает, что том, маркированный « ᠠ *olan sudur*», совпадает по структуре с томом *ga* раздела «Сутры» всех известных рукописей монгольского Ганджура: его полностью занимает сутра *Lalitavistara* (полное название: санскр. *ārya-lalitavistara-nāma-mahāyāna-sūtra*, монг. *qutuy-tu ayui yeke-de čenggegsen neretü yeke kölgen sudur*). Идентификация всех фрагментов этого тома в рукописях Ms1 и Ms2 представлена в приложении к статье в таблицах 2 и 3.

Том, маркированный буквой *ga* (ᠠ) без указания раздела, по содержанию совпадает с томом *da* (ᠨ) трёх рукописей монгольского Ганджура (PK, UUK и ННК1) и с томом *nga* (ᠨ) рукописного каталога (гарчага) «Солнечный свет» (монг. *naran-u gerel*, далее NG). Гарчаг «Солнечный свет» — это оглавление Ганджура, составленное во время работы над созданием редакции Лигдан-хана в

1628–29 гг. (архетипом этой редакции мы считаем АК)¹. В рукописных текстах тибетские графемы *da* (ᠨ) и *nga* (ᠨ) часто бывают неотличимы друг от друга. Вероятно, именно их визуальное сходство послужило причиной того, что в трёх рукописных Ганджурах (PK, UUK, ННК1) маркировки этих томов перепутаны: том *da* = том *nga* NG; том *nga* = том *da* NG. В рукописях Ms1 и Ms2 эта путаница отсутствует: идентификация их листов, маркированных как том *da* раздела «Сутры» (ᠠ *olan sudur*) показала, что состав тома соответствует тому *da* гарчага «Солнечный свет» (и тому *nga* в PK, UUK, ННК1). Вероятнее всего, тома маркированы верно и в Улан-Баторском Ганджуре (UBK): среди его уцелевших томов есть только один из двух, соответствующий по составу тому *da* согласно гарчагу NG и маркированный тибетской буквой, скорее напоминающей *da*, нежели *nga*². Соответствие состава томов подробно расписано в таблицах в приложении к статье, краткую же схему можно представить следующим образом:

¹ Сегодня известны две полные рукописи NG: одна из них является частью Петербургского Ганджура (PK), вторая (тетрадь, датированная 1904 г.) хранилась в Библиотеке Академии общественных наук Внутренней Монголии (сегодня считается утерянной). Кроме того, один лист из NG обнаружен среди фрагментов Ms1. Все три источника опубликованы полностью [Касьяненко, 1987; Ganjur, 2013. P. 173–205; Alekseev, Yampolskaya, 2019]. В настоящей работе к анализу привлечён только текст NG в составе PK. Опубликованный текст рукописи NG, хранившейся в Хух-Хото, имеет ряд отличий, однако использовать его в сравнительном анализе затруднительно: текст был дополнен редакторами при публикации без внесения соответствующих помет, и, поскольку источник на данный момент утерян, не представляется возможным отделить оригинальный текст от редакторской правки. Фрагмент NG в составе Ms1 воспроизводит состав томов *na*, *pa*, *pha*, *ba* и *ta* раздела «Сутры», и его содержание нерелевантно для исследования томов *ga* и *da*.

² Состав этого тома описан В. Хайссигом, однако в описании допущена неточность: пропущен текст № 3 — сутра *Caturdharmaka* (монг. *qutuy-tu: dörben nom neretü yeke kölgen sudur*) [Heissig, 1973. P. 480–484].

Схема соответствия маркировки томов *ga*, *nga* и *da* раздела «Сутры» в рукописных Ганджурах и гарчаге «Солнечный свет»

PK, ННК1, UUK	NG	UBK	Ms1, Ms2
<i>ga eldeb</i>	<i>ga</i>	<i>ga olan sudur</i>	<i>ga olan sudur</i>
<i>nga eldeb</i>	<i>da</i>	<i>da olan sudur</i>	<i>da olan sudur</i>
<i>da eldeb</i>	<i>nga</i>	—	<i>ga</i> без маркировки

Следует учесть и различия в указанном в маргине названии раздела: в рукописях PK, ННК1 и UUK это *eldeb*, в то время как в UBK, Ms1 и Ms2 — *olan sudur*. В гарчаге NG раздел озаглавлен *eldeb olan sudur* [Касьяненко, 1987. С. 178]. Эта деталь может быть дополнительным маркером принадлежности той или иной ветви распространения монгольских рукописных Ганджуров.

Фрагменты тома *nga* раздела «Сутры» не обнаружены среди сохранившихся листов Ms1 и Ms2. Поскольку тома *ga* и *nga* следуют один за другим, можно предположить, что четвертый том раздела «Сутры» в джунгарских списках был ошибочно маркирован так же, как третий (*ga*), а том с маркировкой *nga* в этих рукописях отсутствовал. Отсутствие путаницы с маркировкой *nga* и *da* говорит о том, что порядок томов в Ганджурах Ms1 и Ms2 совпадает с гарчагом NG, то есть они стоят ближе к архетипу.

При этом между аблай-хитскими списками и NG обнаружено различие в составе томов (см. таблицу 1): последний текст тома *da* Ms2 (как и тома *nga* PK) — это сутра *Sukhāvativyūha*, в то время как в NG вместо неё названа сутра *Vimalakīrtinirdeśa* (в PK это первое сочинение тома *tsa*, в Ms1 и Ms2 его расположение пока не определено). Это наблюдение показывает, что сходства и различия между рассматриваемыми источниками не укладываются в простую схему. Кроме того, имеет место несоответствие между PK и NG: третье сочинение в томе *da* PK (сутра *Rāṣṭrapālaparipṛcchā*) [Касьяненко, 1993. № 655 (3)] отсутствует в томе *nga* гар-

чага NG. Среди листов соответствующего тома Ms1 и Ms2 не обнаружено фрагментов этого сочинения, т. е. нельзя судить о том, какой модели соответствуют джунгарские списки. На примере рассмотренных томов выявлены лишь эти два нюанса, в то время как между PK и NG отмечен целый ряд подобных различий, и объяснить причину их возникновения не всегда возможно¹.

Колофон сутры *Sukhāvativyūha*

Среди фрагментов Ms2 есть последний лист тома *da* (л. 113), содержащий конец сутры *Sukhāvativyūha* (монг. *qutuy-tu amindau-a burqan-u sukavadi-yin jōkiyal neretü yeke kölgen sudur* или *qutuy-tu jiryalang-tu oron-u jōkiyal neretü yeke kölgen sudur*) и стихотворный колофон монгольского переводчика — знаменитого книжника первой половины XVII в. Самдана Сенге. Прочие рукописные Ганджуры содержат сутру *Sukhāvativyūha* в том же переводе, однако в ННК1 колофон отсутствует, а в PK и UUK он предельно краток: «Дархан-лама Самдан Сенге перевёл на монгольский язык» (PK: *samdan sengge darqan lam-a mongyolčilan orčiyulbai*) [Касьяненко, 1993. № 625 (8)]. В Улан-Баторском Ганджуре (UBK) находим стихотворный колофон из 15 строк, содержащий информацию о заказчиках и обстоятельствах перевода². В рукописи Ms2 сохранилась наиболее пространная версия того же колофона, включающая два дополнительных четверостишия (благопожелания). Последние их строки содержат традиционное самоуничижительное обращение переводчиков к учителям с просьбой простить за допущенные ошибки: поскольку такого рода текст автор мог написать только о себе самом (это не может быть позднейшей припиской), эту версию колофона можно считать самой старой из сохранившихся. Ниже приведён пол-

¹ Подробнее об этом на примере монгольского Ганджура в целом см. [Алексеев, 2015. С. 213–222]. Различия в составе томов *na*, *pa*, *pha*, *ba* и *ta* между PK и NG (на примере фрагмента NG в составе Ms1) описаны и прокомментированы в [Alekseev, Yampolskaya, 2019. P. 45–48].

² Транскрипция этого колофона и его перевод на немецкий язык опубликованы В. Хайсигом [Heissig, 1973. P. 483–484].

ный текст колофона по рукописи Ms2 с указанием различий с UBK в первых пятнадцати строках (различия незначительны и сводятся к орфографии).

Транскрипция колофона по Ms2:

ḡayayatu kümün-ü töröl-yi-tü¹ bügetele
 čing sedkil-ün küčün-iyer²
 sečen dayisung günḡi duradduysan³-dur:
 saky-a-lig-ud-un⁴ toyin mön tere:
 sačalal ügei aldar-tu isdlong⁵-eče
 sanvar-i abču tidsi-nar-un⁶ manglai boluysan:
 sasin-u⁷ jula ananda ḡatismar-i⁸ lam-a-yin ḡarliy-ača:
 sayitur temdegtey-e sonosču bür-ün⁹:
 sansar-tanai¹⁰ amitan-u tusa-yi ḡorḡu:
 samanda sengei bayiqu qoyayula:
 sambay-a-dur¹¹ törögsen(-ü) činege-ber bas-a¹²
 mongyol-un ayalyu-tur ügei-yin tula:
 moqoday teden-i¹³ üḡetügei kemen:
 mön büged töböd-ün¹⁴ kelen-eče:
 mongyol-un¹⁵ kelen-dür orčiyluyad bičibei:
 üčügüken busu ali tere burqan-u:
 ürgülḡi gerel-tü gegegen naran-u:
 üḡüḡülel ügei gegen gerel-iyer amitan-u:
 ülü nayiraqu qarangqus geyikü boltuyai:
 bertegčün köbegüked oyitu-yin tulada:
 balamud alḡiyas boluysan gem-üd-yin:
 baysi terigüten nigüleskeküten-e
 basa basa namančilamui ḡaliran soyurq-a:

Перевод колофона:

Наделённая счастливым человеческим рождением Сэцэн-дайсун гунджи

¹ UBK: *törölkitü*.

² UBK: *sedkilün kücüniyer*.

³ UBK: *duraduysan*.

⁴ UBK: *sakyaliy-ud-un*.

⁵ UBK: *dgelong*.

⁶ UBK: *tidsi-narun*.

⁷ UBK: *šajin-u*.

⁸ UBK: *ḡatismari*.

⁹ UBK: *bürün*.

¹⁰ UBK: *sansar-dakin*.

¹¹ UBK: *sambaya-dur*.

¹² UBK: *basa*.

¹³ UBK: *moqoday-tanu*.

¹⁴ UBK: *töbed-ün*.

¹⁵ UBK: *mongyolun*.

С твёрдым намерением повелела, и тогда,
 Внимательно выслушав наставления
 Того шакьяского монаха, что принял обеты
 От несравненного славного гелона
 И стал лучшим из учеников —
 Светильника Учения ламы Ананды Джатисмары,
 Самдан Сенге и Байху,
 Стремясь к благу [всех] живых существ в
 мире,
 Сказали: «По мере своих способностей,
 Поскольку на монгольском языке [этой су-
 тры] нет,
 Дерзнём, [хоть и] глупцы!»
 И так с тибетского языка
 Перевели на монгольский язык и записали.
 Пусть невиданный ясный свет
 Вечно сияющего солнца Великого Будды
 Рассеет тьму, тревожащую живых существ!
 Поскольку [мы] невежественны и скудны
 умом,
 За наши проступки, сотворённые в смяте-
 нии,
 Перед сострадательными учителями
 Каемся вновь и вновь: будьте снисходительны!
 Предложенная выше интерпретация текста
 колофона отличается от версии, опубликован-
 ной В. Хайссигом [Heissig, 1973. P. 484–486].
 Сложность вызывают строки 4–10, в которых
 в витиеватой стихотворной форме говорится
 об обстоятельствах перевода. Бесспорно, что
 в пространной версии колофона идёт речь не
 об одном, а о двух переводчиках. В. Хайссиг
 полагал, что соавтором Самдана Сенге был
 Ананда: за этим именем мог стоять Шарба-ху-
 тухта — высокопоставленный лама и прибли-
 жённый Лигдан-хана (его эпитеты: тиб. *shar
 pa bdag chen*, санскр. *ānanda śrībhādra*). Однако
 формулировка строки 10 (монг. *samanda sengei
 bayiqu qoyayula*) позволяет предположить, что
 имя второго переводчика — Байху, в то время
 как лама, скрывающийся за именем Ананда
 Джатисмара, играл иную роль в этом процессе
 (возможно, роль наставника). Поскольку нам
 не удалось отождествить никого из персона-
 жей колофона, кроме самого Самдана Сенге, с
 историческими фигурами, обе версии перево-
 да остаются ненадёжными.

Выводы

Сопоставление содержания листов аблай-хитских списков Ms1 и Ms2, маркированных как принадлежащие к томам *ga* и *da* раздела «Сутры», с соответствующим материалом из рукописей РК, ННК1, UUK и UBK позволяет сделать следующие наблюдения, важные для построения стеммы родства монгольских рукописных Ганджуров:

1. Отсутствие путаницы в маркировке томов *nga* и *da* говорит о том, что списки Ms1 и Ms2 точнее соответствуют гарчагу «Солнечный свет» и, вероятно, стоят ближе к предполагаемому архетипу, чем РК, ННК1, UUK.
2. На близость аблай-хитских списков к архетипу указывает и обнаружение

в рукописи Ms2 более полной версии колофона сутры *Sukhāvātīvyūha*.

3. Оба вышеназванных пункта роднят Ms1 и Ms2 с Улан-Баторским Ганджуrom, что является дополнительным свидетельством близости UBK к архаичной группе (наряду с особенностями состава тома *nga* раздела «Тантра»).

Среди томов Золотого Ганджура из Хух-Хото (АК) и листов «золотой» джунгарской рукописи (JGF) нет фрагментов томов *ga*, *nga* и *da* раздела «Сутры», что не позволяет распространить наблюдения на всю архаичную группу, однако они важны как дополнительный фрагмент мозаики, из которой постепенно выстраивается структура монгольских Ганджуров XVII в., не сохранившихся до наших дней.

Приложение. Содержание томов *ga* и *da* раздела «Сутры» в списках из Аблай-хита

Таблица 1. Соответствия в составе томов *da* и *nga* раздела «Сутры» Петербургского Ганджура (РК), гарчага «Солнечный свет» (NG) и списков из Аблай-хита (Ms1 и Ms2)

Порядок сочинений в томе <i>da</i> РК (= том <i>nga</i> в NG)	том <i>ga</i> (без указания раздела) в Ms1 и Ms2
1. ārya-daśabhūmika-nāma-mahāyāna-sūtra (монг. qutuγ-tu arban orodtu neretü kölgen sudur ¹), РК лл. 1v–23v ²	Ms2, л. 11 (ИВР РАН, S.n.1)
2. ārya-maitreyaprasthāna-nāma-mahāyāna-sūtra (монг. qutuγ-tu asaraqui-dur oroqui neretü yeke kölgen sudur), РК лл. 23v–29v	—
3. ārya-rāṣṭrapālapariṣcchā-nāma-mahāyāna-sūtra (монг. qutuγ-tu ulus nököd-i sakiγči-yin öčigsen neretü yeke kölgen sudur), РК лл. 29v–30v; сочинение отсутствует в NG	—
4. ārya-mañjuśrīvikrīḍita-nāma-mahāyāna-sūtra (монг. qutuγ-tu jögelen čoγ-tu teyin büged čenggegči neretü yeke kölgen sudur), РК лл. 30v–37v	—
5. ārya-buddhabalavardhanaprātihāryavikurvāṇanirdeśa-nāma-mahāyāna-sūtra (монг. qutuγ-tu burqan-u küčün egüskeküi ridi qubilyan-i teyin büged qubilyaγu üjügülküi neretü yeke kölgen sudur), РК лл. 37v–41v	Ms1, л. 158 (ИВР РАН, S.n.2), л. 174 (Университет Глазго, PL61)

¹ В монгольской переводческой традиции названия сутр могут различаться в каждой рукописи, поэтому названия на санскрите даны как основные. Здесь и далее в таблице монгольские эквиваленты названий сочинений приведены по рукописи РК. В гарчаге NG перевод названий отличается.

² В таблице приведены данные о количестве листов, занятых каждым сочинением в рукописи РК, чтобы дать представление об относительном объеме каждой сутры. На одном листе РК помещается примерно в четыре раза больше текста, чем на листе Ms1, и в два раза больше, чем на листе Ms2.

Порядок сочинений в томе <i>da</i> РК (= том <i>nga</i> в NG)	том <i>ga</i> (без указания раздела) в Ms ₁ и Ms ₂
6. <i>ārya-śrīgupta-nāma-sūtra</i> (монг. qutuγ-tu čoy-tu niyuča neretü sudur = qutuγ-tu śri gubti kemegdekü sudur), РК лл. 41v–47r	Ms ₁ , л. 192 (ИБР РАН, S.n.1)
7. <i>rāṣṭrapāla-nāma-mahāyāna-sūtra</i> (монг. ordo qarsi nököd-i sakiyči yeke kölgen sudur), РК лл. 47r–57r	—
8. <i>ārya-upāyakaśalya-nāma-mahāyāna-sūtra</i> (монг. qutuγ-tu uran arγ-a neretü yeke kölgen sudur), РК лл. 57v–66v	Ms ₁ , лл. 246, 248 (ИБР РАН, S.n.1); Ms ₂ , л. 124 (ИБР РАН, S.n.2)
9. <i>ārya-sarvadharmaguṇavyūharāja-nāma-mahāyāna-sūtra</i> (монг. qutuγ-tu qamuγ nom-un erdem jokiyaγsan qaγan neretü yeke kölgen sudur), РК лл. 66v–70v	Ms ₁ , л. 288 (ИБР РАН, S.n.1); Ms ₂ , 124 (ИБР РАН, S.n.2)
10. <i>ārya-dharmanaya-nāma-mahāyāna-sūtra</i> (монг. qutuγ-tu nom-un yosun neretü yeke kölgen sudur), РК лл. 70v–75r	—
Порядок сочинений в томе <i>nga</i> РК (= том <i>da</i> в NG и UBK)	том <i>da</i> в Ms ₁ ¹ и Ms ₂
1. <i>ārya-mahāyānaprasādaprabhāvana-nāma-mahāyāna-sūtra</i> (монг. qutuγ-tu yeke kölgen-dür süsüg-i sayitur bisilyaqui neretü yeke kölgen sudur), РК лл. 1v–9v	Ms ₁ , лл. 1, 17; Ms ₂ , лл. 12, 13 (ИБР РАН, К 32)
2. <i>ārya-dānānuśaṃsānirdeśa</i> (монг. qutuγ-tu öglige-yin ači tusa-yi uqayulqui), РК лл. 9v–10a	—
3. <i>ārya-caturdharmaka-nāma-mahāyāna-sūtra</i> (монг. qutuγ-tu: dörben nom neretü yeke kölgen sudur), РК л. 10r	—
4. <i>bodhisattvaprātimokṣacatuṣkanirhāra-nāma-mahāyāna-sūtra</i> (монг. bodisung-narun öber-e öber-e tonilqui dörben nom-i бүтүгекүи neretü yeke kölgen sudur), РК лл. 10r–14r	Ms ₁ , л. 50 (ИБР РАН, К 32)
5. <i>ārya-ratnākara-nāma-mahāyāna-sūtra</i> (монг. erdeni γarqu-yin oron neretü yeke kölgen sudur), РК лл. 14r–39v	Ms ₁ , лл. 55, 56, 93; Ms ₂ , лл. 49, 63, 70, 76 (ИБР РАН, К 32)
6. <i>ārya-caturdharmanirdeśa-nāma-mahāyāna-sūtra</i> (монг. qutuγ-tu dörben nom-i uqayulqui neretü yeke kölgen sudur), РК лл. 39v–40r	—
7. <i>ārya-ratnacūḍaparipṛcchā-nāma-mahāyāna-sūtra</i> (монг. qutuγ-tu oroidaγan erdeni-tü-yin öčigsen neretü yeke kölgen sudur), РК лл. 40r–54r	Ms ₁ , лл. 170, 185, 190, 191; Ms ₂ , лл. 88, 92 (ИБР РАН, К 32)
8. <i>ārya-sukhāvativyūha-nāma-mahāyāna-sūtra</i> (монг. qutuγ-tu jiryalangtu oron-u jokiγal neretü yeke kölgen sudur), РК лл. 54r–55r В NG другой текст: <i>ārya-vimalakīrtinirdeśa-nāma-mahāyāna-sūtra</i> (монг. kkir ügei aldarsiγsan-i uqayulqui neretü yeke kölgen sudur) ²	Ms ₂ , лл. 110, 113 (ИБР РАН, К 32)

¹ В перечне, опубликованном в 2015 г., в состав тома *da* рукописи Ms₁ ошибочно записан лист номер 355 (рабочая фолляция *arban tabun doγar*) [Ямпольская, 2015. С. 55]. Идентификация текста этого листа показала, что он относится к тому *ta*. Причиной ошибки послужила схожесть тибетских графем *da* (ཨ) и *ta* (ཏ) в тексте рукописи.

² В рукописи РК сутра *Vimalakīrtinirdeśa* находится в томе *tsa* (первый текст в томе) [Касьяненко, 1993. С. 229].

Таблица 2. Идентификация фрагментов Ms1. Раздел «Сутры», маргин *ga olan sudur*¹

№ л.	Рабочая фолиация ²	Название текста	Incipit	Explicit
43	—	<i>Lalitavistara</i> , глава 5 «Намерение [спуститься в мир]» (монг. <i>kürtele tuyur-biysan</i> ³)	kiḵayar-a kürügsen amarmay-un erketü-yin erke-yin ečüs-tür kürsügei kemebesü:	buyan-tu üiles-eče boluysan ḵiryuyan tümen simnu iḵayurtan
75	/правый край листа оторван/	<i>Lalitavistara</i> , глава 7 «Рождение» (монг. <i>törögsen-ü</i>)	sayıqan sayitur üjegdeded: yambar ayula-yin üjügür bügüde-tür...	qayan күндүл(...) / (...) rsi-tur üge üg(...) / (...)i üge ügüler-ü(...) / (...)gsen siltay(...) / (...)boltuyai (...) / (...)un či(...)
102	arban tabun	<i>Lalitavistara</i> , глава 12 «Демонстрация сил и способностей» (монг. <i>küčün qubilyan-i üjügülügsen</i>)	ügen yarqu: etüged-tür ber sumun-u qutuḵ / kemegdekü bolai:	amaraldun ḵiryaldun sayitur yabuqu
118	yučün nigen	<i>Lalitavistara</i> , глава 13 «Увещевание» (монг. <i>duradqaysan</i>)	yosuyar qanayayulun üiledügči bolai: bodi qutuḵ-un / saba boluysan bolai:	tere čay-tur yambar / jüil ridi qubilyan-i ilede üiledküi-i ilede üiledür-ün
132	döčün tabu	<i>Lalitavistara</i> , глава 15 «Уход из дома» (монг. <i>ger-teče mayad yaruysan</i>)	amitan-a olan sub-ay-tan boluyad ötelküi <üküküi>-yin oron boluysan / ene bey-e-yi:	bi kölicenggüi küčütü kičiyennggüi teyin(?) bilig-üd-i s(...)
134	döčün dolo		orosiqu usun-u küčüntür adali:	burqan boluyu:: kemebesü čanak ügüler-ün delgeregsen linqu-a-yin
146	tabin yisün	<i>Lalitavistara</i> , начало главы 16 «Визит царя Бимбисары» (монг. <i>bimbaširi qayan-u iregsen</i>)	bölög:: qutuḵ-tu ayui yeke-de čenggesen neretü yeke / kölgen sudur: i arban nigedüger bölög:: : ::	tendeče bi keḵiy-e duran tayaladlan vayisali balyasundur orosiḵu aysan

¹ Листы хранятся в ИВР РАН под шифром Mong. К 32, кроме л. 102 (Городская библиотека Линчэпинга, шифр OL5) и л. 239 (Британская библиотека, шифр Stowe 32).

² В таблицах приведена не только основная фолиация рукописи, но и рабочая фолиация — номера, написанные в правом маргине некоторых листов переписчиками в процессе копирования текста. При работе с разрозненными листами эта нумерация играет важную роль, так как совпадение основной и рабочей фолиации является надёжным подтверждением принадлежности фрагментов к одному и тому же тому. Подробнее о феномене рабочей фолиации см. [Yampolskaya, 2015].

³ Здесь и далее названия глав на монгольском даны по Петербургской рукописи Ганджура (PK), за исключением редких случаев, когда название главы указано на описываемом листе Ms1 или Ms2.

№ л.	Рабочая фолиация	Название текста	Incipit	Explicit
216	döčin jirγuyan	<i>Lalitavistara</i> , глава 22 «Полное и совершенное пробуждение» (монг. <i>ilede tegüsken bodi qutuy-i tuyuluysan</i>)	ayay-qa tegimlig-üd-e bodisung qamuγ-i medegči-yin qutuy-i oloyuluγad sača:	γurban / yirtinčü-tür degedü nom-un qur-a-yi darui/-tur oroyul-un.: arban жүг-taki:
2[17]	döčin dolo		amitan-u jirüken- nügüd qad-iyān sayuju:	ene asuru masi ariyun idütü
239	jiran yisün	<i>Lalitavistara</i> , конец главы 24 «Трапуса и Бахалика» (монг. <i>tabus-i kiged badir</i>), начало главы 25 «Проповедь» (монг. <i>duradqaysan</i>)	ulus-nuyud-tur: nay- iman siltegen: indar-a-/ luγ-a nigen-e nayiman tngri-ner:	en-e egüdügsen rasiyan-tu / ene nom-i olbai ber: bi nomlaju ögbesü ber busud
256	—	<i>Lalitavistara</i> , глава 26 «Поворот колеса Джармы» (монг. <i>nom-un kürdün-i orčiγuluysan</i>)	<jobalang-i> türidge- gülgüčī ali bui keme- besü:	burqan bolbai kemen aman ülü aldamai: nadur belge / bilig-i üjeküi es-e

Таблица 3. Идентификация фрагментов Ms2. Раздел «Сутры», маргин *ga olan sudur*¹

№ л.	Рабочая фолиация	Название текста	Incipit	Explicit
2	—	<i>Lalitavistara</i> , начало главы 1 «Вступительное слово» (монг. <i>terigülen ügüleküi</i>).	amin qabiy-a-tu adin- dakundini: amin qabiy- a-tu asivaji:	ilaju tegüs nögčigsen burqan- nuyud-i dayān duradču bür-ün: tedeger ilaju tegüs nögčigsen burqan-nuyud-un
24	—	<i>Lalitavistara</i> , глава 6 «Вхождение в утробу» (монг. <i>umai-dur oroqui</i>)	-iyar-iyān talbibasu ber eke-tür qoor ügei bolai:	tere doloyān qonoy-tur buy- anu čoy jibqulang-tu esru-a- yin
42	—	<i>Lalitavistara</i> , конец главы 11 «О земледельцах» (монг. <i>tariyačīn-u silt- ayan</i>), начало главы 12 «Демонстрация сил и способностей» (монг. <i>küčün qubilyan-i üjügülügsen</i>)	ali čay-tur töröbesü: ali čay-tur gerel-tü diyan sayubasu	tere qoor üiledküi kiged mese ügei
43	—		bügetele nom-dur adali-iyar ene түгүrigei delekei-gi ilede ilaju γaγčayar / orosiqu boluyu	qatun erdeni metü nigen büküi-yi üjebesü tere ökin bürüged birman-u

¹ Листы хранятся в ИВР РАН под шифром Mong. К 32, л. 117 — без шифра (S.n.2).

№ л.	Рабочая фоллиация	Название текста	Incipit	Explicit
73	—	<i>Lalitavistara</i> , конец главы 15 «Уход из дома» (монг. <i>ger-teče maγad γaruγsan</i>), начало главы 16 «Визит царя Бимбисары» (монг. <i>bimbaširi qaγan-u iregsen</i>)	üile ber γučin γurban-taki tngri-yin oron-dur sayitur qubilju / tede:	badir ayayaban bariju dorotu sedkil-iyer: tere raγagirq-a balyasun-a
74	—		binyad-tur orobai:	raγagirq-a / balyasun-dur oroju odbai:: yirtinču-yin iteg-gel magada-yin balyasun-dur
85	—	<i>Lalitavistara</i> , глава 19 «Движение к пробуждению» (монг. <i>bodi jirüken-dür aγiraγsan</i>)	bügüdeger ber: bodi jirüken qamiγ-a бүкү tere жүг-tür бүкүйеи::	tegsi / sedkil diyan nököd-lüge tegünčilen жүг
96	—	<i>Lalitavistara</i> , глава 21 «Победа над Марой» (монг. <i>simnus-i moqoγaγsan</i>)	berke modon nabči ene gautam toyin-i odon selte nabči uγuruyud-qun / (...)ügülebei	tere teyimü ayuqu metü süi boluγsan-dur:
106	—	<i>Lalitavistara</i> , конец главы 21 «Победа над Марой» (монг. <i>simnus-i moqoγaγsan</i>), начало главы 22 «Полное и совершенное пробуждение» (монг. <i>ilede tegüsken bodi qutuγ-i tuyuluγsan</i>)	aγjasun modon tursi jabsar-tay-a bayiju:	joba<γa>qui / ayuqui γasalaqui γutuqui kiged bayasuydaqui: yadan ba
107	—		ülü bolqui dayun kiged doroyiduqui-yi olbai kemebesü::	tendeče ükül yegüdkebesü ber nigen eyimü inadu-da töröbei: tendeče ükül
108	—		yegüdkejü ende töröbei:	jobaqui-dur / yutuqui kimuray-ud бүгүде түридкү bolumui: tere metü yeke
117	—	<i>Lalitavistara</i> , глава 26 «Поворот колеса Дхармы» (монг. <i>nom-un kürdün-i orčiγuluγsan</i>)	dolgiyatu: sansar-un yeke dalai-ača getülbei::	sedkil-tü bolju abai: tendeče čibil-tu simnu-yin γurban üg(...)

Таблица 4. Идентификация фрагментов Ms1. Раздел «Сутры», маргин *ga*¹

№ л.	Рабочая фоллиация	Название текста	Incipit	Explicit
158	arban nige	<i>Buddhabala-dhana prātihārya-vikurvāṇa nirdeśa</i>	mongyol-un keleber qutuγ-tu burqan-u küčün egüs/keküi ridi qubilyan-i teyin бүгед qubilyaγu üjügül/küi neretü yeke kölgen sudur:: nigen keseg bui:: : ::	γarču бүрүн γurban mingyan yeke / mingyan ene yirtinču ulus бүгүде-yi geyigülged: esru-a

¹ Листы хранятся в ИВР РАН без шифра (С.п.1, л. 158 — С.п.2), кроме л. 174 (Библиотека университета Глазго, шифр PL61).

№ л.	Рабочая фолляция	Название текста	Incipit	Explicit
174	—	Конец сутры <i>Buddha-bala dhana prātihārya vikurvāṇa nirdeśa</i> , начало сутры <i>Śrīgupta</i>	ḡiryalang-tu töröl-tür odqu boluyu::	toyin: simananča ubasi: ubasanča-nuyud
192	döcin tabu	<i>Śrīgupta</i>	namayi ubasi bolyan ejlen soyurq-a::	či yeke qutuy-i erügülüged erügüljü
246	[yeren yisü]	<i>Upāyakauśalya</i>	kürčü mörgübei: tendeče ijayur-tan-u köbegün/-e tere odon kemekü köbegün	tedeger arsi-nar-un / adqay sedkil-i oγoyada uqaᠬu tere čay
248	ḡayun nige	<i>Upāyakauśalya</i>	ülü abun: burqan-u erdem-eče ber oγoyada / ülü doroyidmui:	simnus-i / ber ilayun sedkikü qamiy-a bolqu kemen / nigülesküi egüsken üiledküi buyu-ḡ-a<:> bodisung
288	—	<i>Sarvadharmagunavyūharāja</i>	jüil-i bičig-tür bičiged bičigülküi bariqui uriqui / kiged:	tere ḡajar-un jüg kemebesü tngri

Таблица 5. Идентификация фрагментов Ms2. Раздел «Сутры», маргин *ga*¹

№ л.	Рабочая фолляция	Название текста	Incipit	Explicit
11	—	<i>Daśabhūmika</i>	eldeb jüil öljei qutuy: mayui saysabad-un üjel-ten-eče anggijiraysan buyu:	tere büged arilyasuyai bi: ay-a edeger amitan kemebesü sansar-un ayul-tu mör-tür
124	—	Конец сутры <i>Upāyakauśalya</i> , начало сутры <i>Sarvadharmagunavyūharāja</i>	ijayur-tan-u köbegün-e quriybasu aldar-i küsegei devadat tere minu baysi bui:	teyin büged daruysan toyosun ügei duvača neretü: / samadi-tur tegsi orolduḡu: tere samadi-yin küčün-ber ene

¹ Листы хранятся в ИВР РАН без шифра (л. 11 — S.n.1, л. 124 — S.n.2).

Таблица 6. Идентификация фрагментов Ms1. Раздел «Сутры», маргин *da olan sudur*¹

№ л.	Рабочая фолляция	Название текста	Incipit	Explicit
1	—	<i>Mahāyānaprasāda-prabhāvana</i>	namo buddhāy-a:: : :: / namo dhārmay-a:: : :: / nam-a-h sangghāy-a:: : :: / enedkeg-ün keleber: āry-a / <mahā yan-a šar-a da bā ban-a nam-a> mahā yan-a surd-a:: / töbed-ün keleber: ‘pagspa / te*gpa c*e*nbola dadpa rabtu / bsgompa zhe*s byau-a tegpa c*e*n- boi mdo*:: ²	/сторона verso нусма/
17	—		bodisung-nar tedeger nom-tur mergen kemen ülü sedkimüi-ĵ-a:	ali kündüleküi üjel-tü tere kü bodisung
50	—	<i>Bodhisattvaprātimokṣa-catuṣkārīhāra</i>	mingyan kičiyenggüi kemeḡdekü bodisung edüĵü boluysan buyu:	ödter tengsel ügei üneger / toĵoluysan bodi qutuy-i ilede tegüsken burqan bolu- mui:
55	—	<i>Ratnākara</i>	üneger orolduysan: ügülesi ügei yirtinčü-yin iĵayur/- taki čaylasi ügei burqan-u ulus-i sayitur arilyan	amitan-i nomuyadqa- qui ĵang üile
56	—		-tur mergen bolqui: burqan-u yeke kölgen-tür amitan-nuyud-i	tegünü čaylasi ügei bur- qan-u ulus (...) sayitur ariluysan-i
93	dörben		ber tebčigdeküi buyu: serigün üge-yi ülü ĵoriydaqui:	bratikabud tegün-i sayitur ülü onomui::

¹ Листы хранятся в ИВР РАН под шифром Mong. К 32.² Звёздочкой здесь отмечены случаи использования необычных знаков галика: *e** — короткий зубец, отмеченный вертикальной чертой слева от оси, используется для обозначения буквы *e* в транскрипции тибетских слов; *o** — графема *o* треугольной формы, используется для обозначения буквы *o* в транскрипции тибетских слов. Такая система записи иноязычных слов использована в Золотом Ганджуре Лигдан-хана (АК) [Aleksseev, 2017. P. 39].

№ л.	Рабочая фолляция	Название текста	Incipit	Explicit
170	tabun	<i>Ratnacūḍaparipṛcchā</i>	sayitur bolbasun bolyaqui:	mörgüjü alayaban qamtuidqayad küsen üiledküi: kelen könggen
185	/правый край листа оторван/		γuniqui-yin tula: am-itan-nuyud-i sayitur bolbasun / bolqu čidaqu kemen uqaydaqui::	yosutu / modon-i tugegebei: iḡayur-tan-u köbegün-e tere
190	qorin {...} tabun		bodisung maqasung qurdun sambay-a-tu-tur eyin kemen / jarliy bolbai::	tere tegünčilen iregsen ber tedeger bodisung-nar
191	qorin ḡiryuyan		nar včir-un üges-ün toyṭayal-i üneger sayitur / üjügülkü boluyu:	uridu kiḡayar-i mayad arilyayad: tegüber masida

Таблица 7. Идентификация фрагментов Ms2. Раздел «Сутры», маргин *da olan sudur*¹

№ л.	Рабочая фолляция	Название текста	Incipit	Explicit
12	—	<i>Mahāyānaprasāda-prabhāvana</i>	quriyaqu-yin oron-i bisilyaqu-yin mör: čiyulyan ese quriyaḡsan oron/-u bisilyaqu-yin mör ilḡamal yaḡun bui:	ali orčilang-ača / töröl terigün ečüs ügei: qamuy-ača bitügči: orčilang-un uridu
13	—		kiḡayar-i ülü üjekü-yin tula čaylasi ügei amitan bolai:	ilaḡu tegüs nöḡčigsen jarliy bolur-un: bodisung-nar-un yeke kölgen-ü
49	—	<i>Ratnākara</i>	teḡimlig bilig baramid-iyar oḡoyada ariluḡsan buyu:	ḡiryuyan mingyan toyatan qamuy-i üjegči
63	tabun		-ud-iyar ilede mayṭabai:: ali nom töröküi ügei bolqui ügei:	tengsel ügei tngri kümün-ü baysi: ilaḡu tegüs
70	arban qoyar		belgetey-e sayuḡsan: adalidqasi ügei bodi qutuḡ-i sayitur uqayḡ/luyči:	inayuki-tur ber inayuki kemen: ali kümün dayan
76	arban nayiman		qamuy<-i> čoy-iyar daruyči-a eḡün-i ker kemen sedkimüi:	tengsel ügei üneger toyoluḡsan bodi qutuḡ-i ilede tegüsken

¹ Листы хранятся в ИВР РАН под шифром Mong. К 32.

№ л.	Рабочая фoлиация	Название текста	Incipit	Explicit
88	yučün	<i>Ratnacūḍaparipṛcchā</i>	bisilyaysan-u küčün bolai:	sedkil<-i> teyin büged on-oqui/-tur orosiyad: diyan-i ülü üiledküi: tere diyan-i üileddügči:
92	yučün dörben		(...)-nuγud-i sayitur sakiquyin tulada:	tačiyaqui-yi sayitur duradqui ber
110	—	<i>Sukhāvativyūha</i>	om namô buddhay-a: : :: / om namô dharmay-a: : :: / om nam-a-ḥ sangghay-a: : :: / / enedkeg-ün keleber: ary-a sukavadi ibsuu-da nam-a / mahā yan-a sudur-a::	<öber-ün> öber-ün ayalyubar ügüeldümüi: tedeger ügüleg<sen>
113	—		maqasung tedeger terigüten: tngri kümün asuri gandari / bügüdeger:	terigüten nigüleskegüten-e basa / basa namančilamui jaliran / soyurq-a::

Сокращения и условные обозначения

< > — слово или графема, вписанные в текст рукописи в качестве исправления

{ } — слово или графема, зачёркнутые или стёртые переписчиком

[] — утраченное слово или графема, восстановленные как несомненные

(...) — утраченный или нечитаемый текст

/ — переход на другую строку в тексте рукописи

АК — Золотой Ганджур (Академия общественных наук Внутренней Монголии)

ННК1 — «Чёрный» Хух-хотский Ганджур (Академия общественных наук Внутренней Монголии)

JGF — Фрагменты «золотого» Ганджура из Джунгарии (ИВР РАН и ряд библиотек Европы)

Ms1 — Аблай-хитский Ганджур, рукопись 1 (ИВР РАН и ряд библиотек России и Европы)

Ms2 — Аблай-хитский Ганджур, рукопись 2 (ИВР РАН и ряд библиотек Европы)

NG — гарчаг «Солнечный свет» (монг. *nanan-u gerel*)

PK — Петербургский Ганджур (Библиотека Восточного факультета СПбГУ)

UBK — Улан-Баторский Ганджур (Национальная библиотека Монголии)

Использованная литература

Алексеев, 2015: Алексеев К. В. Монгольский Ганджур: генезис и структура // Страны и народы Востока. 2015. Т. XXXVI. С. 190–228.

Alekseev K. V. Mongol'skii Gandzhur: genesis i struktura [Mongolian Kanjur: Genesis and Structure] // Strany i narody Vostoka. 2015. Vol. XXXVI. P. 190–228.

Байпаков и др., 2019: Байпаков К. М., Ерофеева И. В., Казизов Е. С., Ямпольская Н. В. Буддийский монастырь Аблай-хит. Алматы: ТОО «Археологическая экспертиза», 2019.

Baipakov, Karl M. & Erofeeva, Irina V. & Kazizov, Erlan S. & Jampol'skaia, Natalia V. Buddiiskii monastyr' Ablai-hit [The Buddhist Monastery Ablai-hit]. Almaty: TОО "Arheologičeskaja ekspertiza", 2019.

Бородаев, 2021: Бородаев В. Б. Лист монгольского «золотого» Ганджура из Городской библиотеки Линчэпинга с русскими надписями 1720 года // Тибетология в Санкт-Петербурге: сборник статей. Выпуск 2. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2021. С. 195–245.

Borodaev V. B. List mongol'skogo "zolotogo" Gandzhura iz Gorodskoi biblioteki Linchepinga s russkimi nadpisiami 1720 goda [A Folio of the Mongolian "Golden" Kanjur with the Russian Inscriptions dated 1720 Kept in the Linköping City Library] // Tibetologija v Sankt-Peterburge: sbornik statei. Vypusk 2. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2021. P. 195–245.

Касьяненко, 1987: Касьяненко З. К. Оглавление монгольского «Ганджура» под названием «Солнечный свет» // Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. Ежегодник. 1978–1979. М.: «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1987. С. 158–185.

Kas'ianenko Z. K. Oglavlenie mongol'skogo "Gandzhura" pod nazvaniem "Solnechnyi svet" [The Catalogue of the Mongolian "Ganjur" Titled "Sunlight"] // Pis'mennye pamiatniki Vostoka. Istoriko-filologicheskie issledovaniia. Ezhegodnik. 1978–1979. Moscow: "Nauka", Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury, 1987. P. 158–185.

Касьяненко, 1993: Касьяненко З. К. Каталог петербургского рукописного «Ганджура». Москва: «Наука», издательская фирма «Восточная литература», 1993.

Kas'ianenko Z. K. Katalog peterburgskogo rukopisnogo "Gandzhura" [Catalogue of the St. Petersburg "Kanjur" Manuscript]. Moscow: "Nauka", izdatel'skaia firma "Vostochnaia literatura", 1993.

Туранская, 2021: Туранская А. А. Фрагменты монгольских рукописей из ойратского монастыря Аблай-хит в коллекции Национальной библиотеки Франции // Тибетология в Санкт-Петербурге: сборник статей. Выпуск 2. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2021. С. 246–266.

Turanskaia A. A. Fragmenty mongol'skikh rukopisei iz oiratskogo monastyria Ablai-khit v kolleksi Natsionalnoi biblioteki Frantsii [Mongolian Manuscript Fragments from the Oirat Monastery Ablaitik Preserved in the National Library of France] // Tibetologiya v Sankt-Peterburge: sbornik statei. Vypusk 2. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2021. P. 246–266.

Ямпольская, 2015: Ямпольская Н. В. Сводный перечень фрагментов рукописей «чёрных» монгольских Ганджуров в коллекции ИВР РАН // Mongolica. 2015. Т. XV. С. 48–58.

Iampol'skaia N. V. Svodnyi perechen' fragmentov rukopisei "chernykh" mongol'skikh Gandzhurov v kolleksi IVR RAN [A Consolidated List of the Fragments of the 'Black' Mongolian Kanjurs in the Collection of IOM RAS] // Mongolica. 2015. Vol. XV. P. 48–58.

Alekseev, Turanskaya, 2013: Alekseev K., Turanskaya A. An overview of the Altan Kanjur kept at the Library of the Academy of Social Sciences of Inner Mongolia // Asiatische Studien / Études Asiatiques. 2013. Vol. LXVII, № 3. P. 755–782.

Alekseev et al., 2016: Alekseev K., Tsyrempilov N., Badmatsyrenov T. Ulan-Ude Manuscript Kanjur: An Overview, Analysis and Brief Catalogue // Buddhist Studies Review. 2016. Vol. 33, № 1–2. P. 241–269.

Alekseev, 2017: Alekseev K. On the Correlations between the Copies of the Mongolian Manuscript Kanjur // The Mongolian Kanjur. International Studies. Ulaanbaatar, 2017. P. 37–50.

Alekseev, 2019: Alekseev K. On the Identification of the Mongolian "Golden" Fragments from Dzungaria // Rocznik Orientalistyczny. 2019. Vol. LXXII, № 2. P. 9–19.

Alekseev, Yampolskaya, 2019: Alekseev K., Yampolskaya N. On the Fragment of the Naranu Gerel Catalogue Preserved in IOM, RAS // Written Monuments of the Orient, 1(9) 2019. P. 37–49.

Alekseev, 2020: Alekseev K. On the Fragments of the Hitherto Unknown Mongolian Version of the Bhadrakalpika-sūtra // Historical and Philological Studies of China's Western Regions (西域历史语言研究集刊), 2020. Vol. 13. P. 174–186.

Ganjur, 2013: Ganjur. Orosil-un boti [Kanjur. Volume One]. Eds. Ć. Erdeničilayu, A. Šongqor. Kōkeqota: Öbör mongyol-un suryan kümüjil-ün keblel-ün qoriy-a, 2013.

Heissig, 1973: Heissig, W. Zur Organization der Kandjur-Übersetzung unter Ligdan-Khan (1628–1629) // Zentralasiatische Studien, 7, 1973. S. 477–502.

Kara, 2005: Kara, G. Books of the Mongolian Nomads: More Than Eight Centuries of Writing Mongolian. Bloomington: Indiana University Publications, 2005.

Ligeti, 1942: Ligeti L. Catalogue du Kanjur Mongol imprimé. Budapest: Société Körösi Csoma, 1942.

Yampolskaya, 2015: Yampolskaya N. "A Note on Foliation in Mongolian Pothi Manuscripts". Rocznik Orientalistyczny. 2015. Tom LXVIII. Zeszyt 2. Warszawa: Elipsa. P. 258–265.

Zorin, 2015: Zorin, A. "The History of the First Tibetan Texts Acquired by the St. Petersburg Academy of Sciences in the 18th Century". Journal of the International College for Postgraduate Buddhist Studies (國際仏教学大学院大学研究紀要). 2015. № 19. P. 184–142.

ON THE STRUCTURE OF THE SEVENTEENTH-CENTURY MONGOLIAN MANUSCRIPT KANJURS: VOLUMES GA AND DA OF THE «SUTRAS» SECTION IN THE COPIES FROM ABLAIKIT

Natalia V. YAMPOLSKAYA

Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences

The paper presents the results of one portion of the work on identifying and studying the fragments of two manuscripts of the Buddhist canon Kanjur in the Mongolian language found at the site of the Dzungar monastery AblaiKit. The study focuses on the folia marked as belonging to volumes *ga* and *da* of the “Sutras” section. The appendices to the article provide full identification of each surviving folio, as well as the structure of the volumes they belong to compared with the other Mongolian Kanjur manuscripts known today. The analytical part of the paper deals with those newly discovered features of the AblaiKit copies that reveal differences with the other manuscript Kanjurs: the lack of confusion in the markers of volumes *nga* and *da*, and the presence of the full text of the Mongolian translators’ colophon to the *Sukhāvativyūha* sutra. These new data indicate that the AblaiKit Kanjurs must be closely related to the archetype, and confirm the previously noted connection between the archaic group of Kanjurs and the Ulaanbaatar manuscript.

Key words: Kanjur, AblaiKit, Sukhāvativyūha, Samdan Sengge.

About the author: **Natalia V. YAMPOLSKAYA**, Ph. D. (Central Asia), Senior Researcher, Section of Central Asian Studies, Department of Central Asian and South Asian Studies, Institute of the Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences (18, Dvortsovaya Emb., St. Petersburg, 191186, Russia). ORCID 0000-0002-2198-768X (nataliyampolskaya@yandex.ru).

Аюушжав Алимаа
МУ ШУА-ийн Хэл зохиол хурээлэн

ХАЛХ МОНГОЛЧУУДЫН ХҮҮХДИЙН СЭВЛЭГ ҮРГЭЭХ ЁСЛОЛЫН СОЁЛЫН УТГА ӨНӨӨ ЦАГИЙН БАЙДАЛ

Хураангуй. Өгүүлэлд монголчуудын гэр ахуйн холбогдолт зан үйлийн дотроос хүүхдийн онгон үсийг анхлан хөндөх зан үйлийн ёслолын уламжлал, залгамжийн талаар шинжилгээний ангийн баримтад түшин өгүүлжээ. Хүүхдийн үс авах (хөндөх)-ийг монголчууд сэвлэг (даахь, өрвөлөг-өрвөө) авах, үргээх гэх мэтээр янз янзаар нэрлэдэг энэхүү өвөрмөц зан үйлийн нь нэн эртний уламжлалтай бөгөөд баатарлаг туулинд тодорхой тусгалаа олжээ. Монголчууд хүүхдийн тэргүүн дэх онгон үсийг анх авахдаа шууд төмөр, ирт мэс хүргэдэггүй, эхлээд модоор хийсэн хайчаар үсийг авч буй мэт дүр үзүүлээд дараа нь бариулаас нь хадаг уясан хайч, хурц тонгорог хүүхдийн толгойн баруун талын санчигнаас эхлэн нар зөв чиглэлд тойруулан хайчлах бөгөөд эцэст нь үсийг ихэвчлэн бүрэн хусах, сонжуу буюу багц үс (тав) үлдээх байдлаар авдаг байжээ. Хүүхдийн сэвлэг үргээх ёслолд оролцож буй хүн бүр тухайн хүүхдэд ерөөл бэлгийн үг хэлж бэлэг өгнө. Хүүхдийн үсийг анх удаа авах үйлийг эцэг эхчүүд онцгойлон үзэж өдрийн сайныг сонгон гэр бүл, төрөл садан, ойр орчмын айлын хүмүүсийг уриан залж бага хэмжээний баяр хийх тул сэвлэгийн найр, даахины найр, хүүхдийн үсний найр гэнэ. Нийт монгол угсаатны дунд өргөн дэлгэрсэн энэхүү ёслол өнөө цагт Монгол улсын иргэдийн дунд ямархуу байдлаар улиран хадгалагдаж байгаа нь судлаачдын төдийгүй аман зохиолчдын хувьд анхаарлын төвд байдаг асуудал юм. Тиймээс судлаач Монгол Улсын өнөөгийн газар нутгийн байдлаар баруун халхчуудын төлөөлөл болгон Өвөрхангай аймгийн Уянга суманд хүүхдийн сэвлэг авч буй ёслолд оролцон зан үйлийн болон аман зохиолын зүйлд ажиглалт хийжээ. Үүний үр дүнд өнөө цагийн халхчуудын хүүхдийн даахь авах ёслолд нэн эрт үеийн мартагдсан элементүүд хадгалагдан үлдсэнийг баримтаар тодруулсан байна. Дорнод аймгийн Цагаан-Овоо сумын буриадуудад хийсэн судалгаанд түүнтэй уялдаа бүхий өөр нэг сонирхолтой баримтыг олж баяжуулснаа энэхүү өгүүлэлдээ дурджээ.

Түлхүүр үгс: Онгон үс, хүүхдийн онгон үс авах, сэвлэг хөндөх ёслол, монгол зан үйл, зан үйлийн аман зохиол.

Зохиогчийн тухай: Аюушжав Алимаа, Аман зохиол судлалын салбарын эрхлэгч, Монгол улсын Шинжлэх ухааны академийн Хэл зохиолын хурээлэн (Монгол Улс, 13330, Улаанбаатар, Энхтайвны өргөн чөлө, Баянзурх дүүрэг, 54А). ORCID 0000-0002-3533-2000 (alimaa_mgl@yahoo.com).

1. УДИРТГАЛ

Монгол үндэстний зан үйлийн олон ёслол тэдний амьдралын мөчлөг, ертөнцийг үзэх үзэл, цаг улирал, эрхэлдэг аж ахуй, тодруулбал нүүдлийн мал ахуй, зан заншил, ёс бэлгэдэл зэрэг олон хүчин зүйлээс хамааралтай юм. Монголчуудын зан үйл, баяр ёслолыг цаг улирлын (цагаан сар, хаврын даллага, овоо тахилга, эрийн гурван наадам), мал аж ахуйтай холбогдох (төл авахуулах, мал хөнгөлөх, гүүний үрс гаргах, мал тамгалах, сэтэрлэх, нядлах), тэрчлэн ан агнуур, газар тариалантай холбогдох зэрэг байдлаар ангилж үздэг. Эдгээрийн нэг хэсэг нь гэр ахуйн буюу хүнтэй холбогдох зан үйлийн олон ёслол билээ. Гэр ахуйн холбогдолт

зан үйл гэдэг нь “нийгмийн нэг гишүүний амьдралд тохиолдсон (хүүхэд төрөх, гэрлэх, насны ой тэмдэгдэх, тадийгаачийг оршуулах) онцлог хүндэтгэлт үйл явдлыг ёслол тэмдэглэж түүнд хандах хамт олных нь ерөөн бэлгэдэх, хүндэтгэн ёслох, харуусан гашуудах зэрэг сэтгэлийн өнгө аясыг идэрхийлэхэд чиглэгдсэн уламжлалт зан заншил, аман яруу найргийн цогцолбор юм” [Сампилдэндэв, 1985. Х. 212].

Монголчуудын баримталдаг ёс заншлуудын доторх нэгэн бүлэг зан үйл нь хүүхэдтэй холбоотой. Өрх бүлд шинэ хүүхэд мэндэлсний дараа уг хүүхдийг угаах, нэр өгөх, өлгийд оруулах, онгон үсийг авах, хөлд оруулах, эмээл төхөөрөх (морь унуулах) гэх мэт цуврал зан үйлийг гэр бүл, төрөл төрөгсөд, ойр хавийн

айл хотлоор ёслон тэмдэглэдэг заншилтай. Эдгээрээс хүүхдийн сэвлэг үргээх зан үйл Монгол улсын хэмжээнд харьцангуй сайн хадгалагдаж байгаа гэж үзэж энэ сэдвийг сонгон авлаа. Гагцхүү өнөө цагт ямархуу байдлаар уламжлагдаж байгааг тодруулах нь чухал гэж үзээд хүн амын дийлэнхийг бүрдүүлдэг халх угсаатанд ажиглалт хийв.

Түүнчлэн сүүлийн үед хүүхдийн сэвлэг үргээх зан үйл болон ялангуяа иргэний найранд чухал байр суурьтай аман зохиолын төрөл, зүйлсийн байдлыг ажиглаж үнэлсэн судалгаа дутмаг байна. Хүүхдийн сэвлэг үргээх ёсны талаар Б.Сарангэрэлийн “Хүүхдийн даахь үргээх ёс” хэмээх ном [Сарангэрэл, 2016] хэвлэгдэн гарсан бөгөөд хүүхдийн үс даахийг зөв хөндөх тухай голлон өгүүлжээ. Үүнээс өмнө Х.Нямбуугийн “Өнөөгийн монгол ёс” [Нямбуу, 1976], Х.Сампилдэндэвийн “Малчин ардын зан үйлийн уламжлал” [Сампилдэндэв, 1985] зэрэг бүтээлд энэ талаар тусгайлан бичсэн хэсгүүд бий. Тэдгээрт тухайн цаг үеийн сэвлэг үргээх ёсыг танилцуулсны зэрэгцээ бэлгэ дэмбэрлийн үгс, ерөөлийг онцлон дурдсан байна. Энэ нь хүүхдийн үсний найрын гол утга нь хүүхдэд бэлэг сэлт өгөхөд бус харин сайн үгээр ирээдүйг нь уран цэцэн үгсээр зөгнөн хэлдгийг тэдгээр эрдэмтэд анзаарсан хэрэг. Бид ч энэхүү үндэслэлийг мөрдлөг болгон судлахын хамт хүүхдийн сэвлэг авах зан үйл, түүний ёслолд хадгалагдаж байгаа соёлын тэмдэгтүүдийг (код) тодорхойлох замаар,

1. Хүүхдийн сэвлэг үргээх ёслолын зан үйлийн аман чанар (нэршил, аман зохиолын зүйлс, дом, цээр)
2. Хүүхдийн сэвлэг үргээх ёслолын үйл явц, соёлын утга (сэвлэг үргээх, сэвлэг үргээх найр, найрын ёс) зэрэг хоёр чиглэлээр авч үзэх болно.

Түүнчлэн, бид өнөө цагийн халхчуудын хүүхдийн сэвлэг үргээх зан үйлийг биечилсэн ажиглалт судалгаандаа тулгуурлан баримтуудыг цуглуулах, харьцуулах аргаар бичсэн болно.

1.1. Хүүхдийн даахь авах ёслол дахь аман зохиолын зүйл (вербаль чанар)

Хүүхдийн онгон үсийг авах ёслолыг халхчууд сэвлэг үргээх, даахь авах, хүүхдийн

үс авах, мөн үс хөндөх гэж, ойрад монголчууд, өрвөө юм уу өрвөлөг хайчлах, үргээх, мөн зарим нутагт сэгсээ авах ч гэнэ¹.

Зарим хүмүүс 1-2 настны үсийг сэвлэг, 3-дээс насны хүүхдийн үсийг даахь гэнэ гэсэн тайлбар байдаг нь энэхүү зан үйлийг нэрлэдэг нутаг нутгийн онцлог нэршилтэй холбоотой гэж үзэж болно. Мөн хүүхдийн унаган үсийг өөрөөр нэрлэсэн жишээ тууль, үлгэрт бий. Жишээ нь, “Наран хөвүүн хаан” хэмээх туульд,

Хонгор шар хонголцогоо

Хоёр тал руугаа хийссэн

Хоо шар хөвгүүн [Балдандорж, 2015. Х. 137], Хонголцог үст Хонгор улаан хүү... [Хан харангуй тууль, 2016. Х. 82, 85] гэх мэт.

Монголчууд хүүхдийн хэвлийд байх хугацааг нэг нас гэж тооцож түүнийг *хий нас* гэдэг. Энэхүү хий насыг оруулан эрэгтэй хүүхдийг сондгой тоотой нас буюу 3,5 насанд намар бугын дуунаар, эмэгтэй хүүхдийг тэгш тоотой нас буюу 2,4 насанд нь зуны эхэн сард хөхөө дуугарах цагт авдаг заншилтай. Энэ нь эрт цагийн уламжлалтай гэдгийг Монголын түүхэнд хамаарагдах дундад зууны сурвалж бичгүүд дэх сар бүрийн нэрээр баримжаалж болно. Тухайлбал, XV зууны “Хуа и июй” тольд, 3-р сарыг өвөөлжин, 4-р сарыг хөхөө, харин 8-р сарыг буга, 9-р сарыг хуц хэмээн нэрлэдэг байсан тухай мэдээ бий [Жуковская, 2002. С. 47] бөгөөд эрт үед энэ заншлыг баримталж хүүхдийн үс даахийг шинэчилдэг байсан бололтой. Дашрамд дурдахад өнөө цагийн монголчууд хүүхдийн сэвлэг үргээх өдрийг лам

¹ Монгол хэлний тайлбар тольд ДААХЬ гэдгийг 1. Ширэлдсэн үс хялгас, 2. Адгуус амьтны гуужих үс ноос, 3. Бага хүүхдийн сэвлэг (даахь авах-хүүхдийн нялхын үсийг анхлан авах, даахь гаргах-хүүхдийг үс гээгний дахирааг самнаж даахийг задлах, даахь үргээх-бага хүүхдийн онгон үсийг авах...) (<https://mongoltoli.mn/dictionary/detail/29134>) хэмээн, харин СЭВЛЭГ хэмээх үгийг 1. Үсний хүндэтгэл нэр, 2. Нялх хүүхдийн онгон үс, 3. Тав гээг, 4. Зарим ургамлын үндсэнд буй сахал мэт зүйл (<https://mongoltoli.mn/dictionary/detail/81271>) гэжээ. ӨРВӨЛӨГ гэх үгийг 1. Шувууны жижиг өд, чандар, 2. Тахианы толгойд ургасан хэсэг үс өд, толгойн цэцэг; 3. Буурын толгойн ар дахь сэгсгэр үс; 4. Хүүхдийн үсний хүндэтгэл, 5. Хулс, зэгс зэрэг ургамлын сагсар түрүү (<https://mongoltoli.mn/dictionary/detail/72749>) хэмээн тус тус тайлбарлажээ. ӨРВӨӨ гэдэг нь өрвөлөг гэх үгтэй төстэй нялх хүүхдийн унаган үсийг нэрлэсэн нутгийн аялгууны шинжтэй үг юм

зурхайчаас асуудаг бөгөөд хүний үсээ засуулах, авахуулах өдрөөс тусдаа ойлголт юм.

Монгол ардын үлгэрт хүүхдийн сэвлэг үргээх цагийг сонгох тухай өгүүлсэн нь бий. Тухайлбал, “Хүүхдийн даахь үргээлцсэн нь” хэмээх бадарчны үлгэрт “Баадай олон шөнө хээр хонож ядарч явтал арайхийн нэг айл тааралдаж... айлд ортол, эр эм хоёр их л олзуурхан “Маргааш манайх хүүгийнхээ даахийг үргээх юм аа. Та манайд хонож тус болооч... Энэ зүүн голд хонь жилтэй нэг хүн байгаа юм. Түүнийг залж ирээд хүүгийнхээ үсэнд эхэлж хайч хүргүүлэх юм” гэсэнд бадарчин Баадай “Би ч гэсэн яг 49-нийхээ хонин жил дээр яваа хүн дээ” гэхэд айлынхан “Тэгвэл бүр сайн байна. Та манайд хоноод маргааш тэр хүний оронд хүүгийн минь үсэнд хайч хүргэж ерөөл тавьж хайрла” гэсэнд Баадай дуртайяа зөвшөөрч тэднийд хонохоор болжээ...Маргааш өглөө нь өнөөх айлын эзэгтэй мах чанаж тавгийн идээ засаад, “Одоо цаг нь боллоо, ёслолоо эхлээ” гэсэнд бадарчин худал хэлсэндээ санаа зовж “би бодоод байсан чинь танай хүүтэй харш жилтэй” хэмээгээд үсний найрны хувиа (бэлэг, хишиг) хэмээн тавагтай махнаас авч өвөртлөөд явсан тухай өгүүлдэг [Сүрьяа, 2018. Х. 22-123].

Энэхүү үлгэрт хүүхдийн үсийг анх хайчлах хүн нь тухайн хүүхэдтэй ивээл жилтэй байх, идээ будаа засаж бэлтгэдэг, хүүхдэд зориулж ламаар ном уншуулдаг зэргийг мэдэж болохоор байна.

Монгол аман зохиолын том төрөл баатарлаг туульд хүүхдийн даахь үсийг хөндөх зан үйлийн тухай олонтаа өгүүлдэг. “Хөхөө дэглэн” хэмээх туульд гурван настай Мэхлээлэй хүү адуугаа цуглуулж явтал нэг л сайн эрийн дуу зүүн талын чихээр ороод баруун талын чихээр гараад явчихаар нь хаан аавдаа очиж,

“Эр бие өслөө

Эзэн төрд үйлчлээ

Хатуу зориг барья

Хаан төрд үйлчлээ” гэсэнд хаан аав нь “Толгойн чинь үсэнд тонгорог ч

хүрээгүй билээ/ Тун ч бие чинь эр болоогүй байна” хэмээн татгалздаг [Халх тууль, 2013. Х. 76] бол, “Хөх халзан морьтой Хөхөлдэй мэргэн хаан” туульд баатар хүү төрөөд хөлд

сайн ороогүй байхдаа дайснаа дарж дархан цолоо олж, бугаа дарж бурхан цолоо ольё хэмээхэд нас чинь бага, цус чинь шингэн байна энэ жилдээ өнж гээд,

Тойн болсон толгойд чинь

Хүйтэн иртэй мэс хүргээгүй байна.

Төрсөн сайхан биед чинь

Тэр гэдэг алдар нэрийг өгөөгүй байна [Дөрвөд аман зохиолын

чуулган, 2017. Х. 230-231] гээд “Хар чулуур хагартал хэлдэг, Харз усыг буцалтал хэлдэг хайрт хар түшмэл”-ээсээ асуухад түшмэл нь “тойн болсон толгойд нь хүйтэн иртэй мэсний үзүүр хүргээд төрсөн биед нь нэр цолыг нь өгөөд аль хурдан алс хол явуулбал дайснаа дарах л байх аа, дархан цолоо болох ч байх” гэнэ. Тэгээд найр жаргал хийж байгаа тухай өгүүлжээ.

Хүүхдийн сэвлэгний найрт хэлдэг “Даахины ерөөл”-хэмээх тусгай ерөөлд ч уг ёслолын үйл явц, дэс дарааллыг өгүүлсэн мэт байдаг онцлогтой. Жишээлбэл,

...Эрхэм хайрт танайх болбол

Зургаан үндсэн хуанлид үзээд

Зуугаас ирсэн зурхайчид үзүүлээд хэмээн өлзий хишиг бүрдсэн өдрийг сонгон

даахь үргээх гэж байгааг дурдаад ивээл жилтэй хүнийг эхлэн залж олон түмнээ урин ирүүлээд ган цагаан хайч, гавшгай цагаан тонгоргийг бэлдэж,

Ган хошуутай алтан бариултай хайчаа

Гар мутар бүхийдээ дамжуулан үргээж ...

“Баруун талын шанаанаас нь

Эхэлж үргээхэд

Бадам лянхуа цэцэг дэлгэрч байгаа мэт

Зүүн талын шанаанаас нь авч үргээхэд

Зүйл бүрийн эрдэм цацарч байгаа мэт

Орой дээрээс нь авч үргээхэд

Ой билэг нь хурцдаж

Оюун ухаан нь нэмэгдэж байгаа мэт

Ар шилэн дээрээс нь авч үргээхэд

Агуу их хүчин төгөлдөр

Атаа хүчин нэмэгдэж байгаа мэт” гэхчлэн хүүхдийн толгойн аль хэсгийн

үсийг ямар дэс дарааллаар авахыг өгүүлээд сайн сайхныг ерөөн хүсэж байгаагаар өндөрлөдөг [Монгол ардын зан үйлийн аман зохиол, 1987. Х. 276-277]. Одоо энэ заншил үндсэндээ хадгалагдаж, сэргэж байна.

2020 онд ШУА-ийн Хэл зохиолын хүрээлэн, Монголын Үндэсний Олоннийтийн телевизийн хамтран хэрэгжүүлсэн “Билиг бэлгийн дээж” нэвтрүүлэгт Улсын тэргүүн зэргийн ерөөлч Сугирын Мөнхжаргалын зохиосон “Дахины ерөөл”-ийг түүний ач Өмнөговь аймгийн 5-р сургуулийн 5Д ангийн сурагч Д.Мөнгөнбаатар хэлсэн юм. Уг ерөөлд ардын ерөөлд байдаг мөрүүдээс гадна зохиогчийн гэх мөрүүд байна. Тухайлбал,

...Настан буурлууд, найз нөхөд
Найрлан цэнгэхдээ
Нанчид сархадыг уулгүй
Наана цаана бололгүй хэмээн сануулсан,
Үйлс бүтээл дэлгэрүүлсэн
Үр хүүхдээ хайрласан
Хүүгийн сэтгэлийг татсан
Хүн бүр бэлэгтэй

Хүндэлж өхөөрдөөд гоёхон байна хэмээн сайшаасан өнгө аяс ч цухалзана. Хүүхдийн сэвлэгний найрт хэлдэг ерөөл хадгалагдсан боловч халхчуудын ерөөл давамгай түгсэн учраас нэг хэв загварт шилжих байдал ажиглагдаж байна.

Хүүхдийн дахины найрт ерөөл, бэлгэ дэмбэрлийн үгс хэлэхээс гадна уртын дуу дуулдаг. Уртын дууны хувьд ая, үгийн утга санааны хувьд тодорхой журам мөрдөгдөж байв. Гэхдээ энэ журам ёс хэсэг мартагдаж байгаад сэргэх хандлагатай болсон бөгөөд хөдөө орон нутагт илүү язгуур чанартай байгаа бол хотод ямар нэг ресторан, хүүхдийн тоглоомын төв, гэрийг барууны хүүхдийн ойн баяр хэрэглэдэг бөмбөлөг, элдэв дүрс, тууз тэргүүтнээр засаж тэнд ерөөлч, уртын дуучигүй, харин хүүхдэд зориулсан зохиолын дуу, бүжигтэйгээр ёслон тэмдэглэдэг хандлага ажиглагдаж байна.

1.2. Судлагдахууны үйл явц, түүн дэх нэгэн биет зүйлийн тухай

Дөрвөдийн “Хашинцагаан хаан” гэдэг туульд хүүхдийн сэвлэг үргээх ёсны талаар нэлээд дэлгэрэнгүй дүрсэлсэн байдаг. Уг туульд, Хаан аав, хатан дүнгээ хоёрын нэг настай нялх үстэй хөвүүн нь хөхнөөсөө гараагүй байхдаа “дайснаа дарж дархан цолоо олно” гээд явах гэсэнд хаан аав нь татгалзаж “Тойн болсон толгойд чинь

хүйтэн иртэй мэс хүрээгүй байна” хэмээдэг. Тэгээд нялх балчир хөвгүүний толгойд “гар хүрэх” хүнийг адуучийн Аг сахал өвгөний азай буурал самганаар хүргэх болдог. “Ган иртэй хүйтэн мэсий нь аваад,

Алд шар хив (хадаг) зүүгээд
Далан хүн дамжлаад даашгүй
Далай цоохор хундганд нь
Ариун цагаан сүүгээ хийгээд
Ах дүү
Арван гурван хиануудын
Ахмад цагаан хиа нь тэврээд
Зүүн хойморын эхэнд суурьшсан
Адуучин аг сахал өвгөний
Азай буурал эмгэний өвөр дээр тавиад
Эмгэн буурал минь энэ хүүгийн толгойд
Хүйтэн мэс хүргээд өгөөч гэж
Хив шар хадгаа дэлгээд барив гэнэ”

Эмгэн хүүг баруун өвдөг дээрээ тавиад баруун хацрыг нь таалаад баруун араанд нь бал бурам хашин зажлуулаад, зүүн өвдөг дээрээ суулгаж зүүн хацрыг нь таалаад, зүсэн зүйлийн чихэр бурам зүүн араанд нь хашин зажлуулаад “хөвүүн чамд таван цагаанаараа бэлэг барья” гээд таван цагаан морь, таван цагаан хонь, таван цагаан үхэр, таван цагаан тэмээ, таван цагаан ямаа өгөхөөр амлана. Мөн “Тангад таван бүстэй, тавин мянган Хөхий нугийн эзэн болоод таван живаа албат иргэнээ захирсан Холын хортныг даран төрсөн эрийн сайн баатар эр болтугай!” гээд аман ерөөл тавьж баруун талын шанаанаас нь нэг атга үс хайчлан авч байгааг өгүүлнэ. Энэчлэн хаан аав нь хүүгийнхээ баруун, зүүн хацрыг үнсэж чихэр үзэм өгч “Хүү минь тавиан хөх нутгийг минь эзлээд тавин живаа албат иргэдийг минь захирсан Хашин зандан ширээн дээр минь хаан болж суугаад харийн хортон дайсныг даран төрсөн Эрийн сайн Хайр хар гэдэг нэртэй баатар болоод урт наслаад удаан жаргаж явахын билэг ерөөл орших болтугай!” гээд баруун талын шанаанаас нь бараг нэг атга үс хайчилж авсан, дараа нь хатан ээж нь удаад нь Адуучийн Аг сахал өвгөн бэлэг ерөөлөө тавьж үүрийн цолмонгоос үүссэн үрээ хүрэн морь бэлэглэж туг үс хайчилна.

Энэчлэн хааны түмэн живаа албат иргэд цөм тэр хөвүүний үснээс хайчилж аман ерөөлөө тавиад, “түүнээс үлдсэн үсээр нь хөх

л тэвэг” тавьсан тухай өгүүлжээ [Дөрвөд аман зохиолын чуулган, 2017. Х. 190-191]. Монгол тууль дахь хүүхдийн унаган үсийг авах ёслолыг ийнхүү дүрсэлсэн нь өнөө цагийн хүүхдийн үсний найртай үндсэндээ төстэй байдаг. Түүгээр үл барам тувачуудтай ч үндсэндээ адил байгааг судлаачдын бүтээлээс харж болно [Кара-оол, 2013. С. 34-36].

Бид халхчуудын сэвлэг үргээх найрны өнөө цагийн байдлыг ажиглахаар 2022 оны 5 сарын 3-ны өдөр Өвөрхангай аймгийн Уянга сумын Шуранга багийн Нарийны гол гэдэг газар зусаж буй Сүхбатын Эрдэнэсүвд, Даваадоржийн Баттогтох нарын ууган хүү, 5 настай Батчулууны даахины найрт оролцсон юм.

Уг найр өглөө, үүрээр 5 цагт эхэлнэ гэсэн тул бид ч сумын төвөөс эртлэн хөдөлж очиход хот айлынхан хэдийнээ бэлтгэлээ хангасан, гэрт хүмүүс цугларсан байлаа. Зүүн талаар эмэгтэйчүүд, баруун талаар эрчүүд сууцгаасан, ирсэн зочдод цай өгч, идээ амсуулав. Гэрийн баруун хойт талд өндөр сандлыг улаан өнгийн бөсөөр бүтээн түүн дээр шинэ дээлтэй хүүг суулгасан байв. Эхлээд лам ерөөл уншив. Нэлээд хугацаанд уншсаны дараа Э.Батчулуун хүүгийн нагац ах ивээл жилтэй гээд сэвлэвт нь эхлээд модон хутгаар хүрээд дараа нь баруун шанаанаас нь багц үс авч хадагны нэг үзүүрт зангидан боов. Дараа нь гэрийн зүүн хойно суусан ерөөлч Зузааны Даансүрэнгийн Амгалан (халх, эрэгтэй. 1958 онд төрсөн) даахины ерөөлийг хэлэхэд найрчид “тэр ерөөл бат сайхан орших болтугай!” хэмээн дэмжив. Дараа нь хүүгийн даахинаас аав, ээж, ах эгч нар нь төрөл төрөгсөд дэс дараалан хайчилж, бэлэг өгч байлаа. Бэлэг нь ихэвчлэн хүүхдийн тоглоом, хувцас, төгрөг зэрэг байв. Харин хүүгийн эмээ Цэдэннамжилын Эрдэнэням “Үлэмжийн чанар”, “Хүрэн толгойн сүүдэр” уртын дууг дуулав. Уртын дууг сайн дуулсан боловч утга агуулга нь бүрэн нийцтэй гэх аргагүй байсан болно. Гэхдээ сэтгэлээсээ дуулж байсан гэдэг нь эргэлзээгүй. Бид хүүд бэлэг өгч бэлгэ дэмбэрлийн үг хэлсэн.

Эцэст нь хүүхдийн үсийг нагац ах нь үсний машинаар машиндаж аваад шар тосоор тослож шинэ малгай өмсгөхөд хүү найзуудтайгаа шинэ

тоглоомоор тоглохоор гарч явав. Томчууд харин архи дарс ууцгаасангүй, лам найрт зориулан чанасан хонины чанасан маханд эхлээд хүрч найрчдад хишиг түгээв. Махыг жижиглэн хэрчиж тавган дээр тавиад тойруулахад хүмүүс түүнээс авч амсаж байв.

Хамгийн сонирхолтой нь, хүүгийн нэг ах, хижээл насны хүн хонины уураг сүүлэнд шаант чөмгийг шагайтай хэсгээр нь хатгаж түүнээ бурхан дээрээ залав. Уг хишгийг харахад хонины сүүл хэсэг нь дороо шаант чөмөг нь дээрээ завилгаатай хүн шиг харагдав. Юуны учир ийнхүү тавьсныг асуухад манай ёс ийм. Чухам ямар учиртай ингэж тавьдаг нарийн учрыг мэдэхгүй, хуриманд ч ингэж тавьдаг гэв.

Хүүхдийн сэвлэг авах, хуримын ёслолд уураг сүүл, шаант чөмгийг юуны учир ингэж тахил болгон тавьдгийг нэлээд хүмүүсээс лавлахад төв болон говийн халхчууд хурим найр, хүүхдийн үсний найранд бурхан тахилдаа ингэж залдаг, цагаан сарын баяраар бурхан тахилдаа, зарим тахилгын үед овооны тахилд ихэвчлэн хонины толгойг тавьдаг гэхээс учрыг нарийн хэлж мэдэхгүй байсан юм. Ямартай ч уураг сүүл, шаант чөмгийг наадам юм уу, тахилгад бус харин хурим, хүүхдийн найранд уураг сүүлтэй хамтатган тавьдаг нь тодорхой болж байна.

Шагайт чөмгийг хуримын зан үйлд хэрэглэдэг өөр ёстой холбон үзэж болно. Жишээ нь, хурим хийхэд бэр, хүргэн хоёрыг мандах нарны зүг хандуулан цагаан эсгий дээр суулган эрэгтэй бүдүүн хэсгээс, эмэгтэй шагайт талаас нь атгаад наранд гурвантаа мөргөдөг байснаас “шар наранд мөргөж, шагайд чөмөг атгах” гэдэг үг гарчээ. Энэ бол Хүннүгийн үеэс үүсэлтэй, нар эрхэмлэх заншлын тусгалаас гадна шаант чөмгийг эрхэмлэх ёсны илхэл юм.

Монголчууд хуримын үед бэр буулгах ёслолын үед “чөмөг гүйлгэх”, “шагайт чөмөг наадуулах” наадаан хийдэг бөгөөд бэр, хүргэний талын эрчүүд морьтойгоо хоёр тал болон зогсоно. Тэдний дунд нь хэн нэг хүн шагайтай хэсэгт хадаг уясан шагайт чөмгийг дээш шидэн хаяж өгнө. Баяд, дөрвөдөд чөмгийг авсан талынхаа өөрийн талын хүмүүст дамжуулдаггүй, харин халхчууд өөр хоорондоо шидэж дамжуулдаг, нөгөө тал энэ үед замаас нь

булаан авахыг хичээдэг. Чөмгийг барьсан хүн толгой дээрээ чөмгийг хадгийг намируулан давхиж өөрийн омог, талынхны хурд хүч, авхаалж самбаа, эрэмгий зоригоо гайхуулан нааддаг уламжлал бий.

Гэр бүлд анхны хүүхэд төрөхөд шаант чөмөг чанаж шөл гаргаад уг шөлийг бүлээсгэн хүүхдийг угааж, шагайг нь хүүхэд төрсний бэлгэдэл, анхны тоглоом болгон хадгалдаг. Тиймээс урианхай эмэгтэйн бүснээс унжих нарийн сур юм уу, хүүхдийн модон өлгийн дээгүүр татсан нарийн суранд шагайг хавчуулан зангиддаг. Хүн түүнийг хараад тухайн эмэгтэй, айл хэдэн хүүхэдтэй гэдгийг мэддэг байжээ.

Халхчууд мах чанаад хүүхдэд бараан мах буюу өөхгүй мах өгөхийг чухалчилж богтос, шаантны махыг идүүлэхийг эрмэлздэг. Энэ тухай эмэгтэйчүүдээс лавлахад батлан хэлж байгаа бөгөөд булчин мах нь хүүхдийн шүдний бэхжилтэнд сайн, шимтэй хоол болдог, бөхчүүд барилдах бэлтгэлийн үедээ чухамхүү булчин мах чанаж иддэг гэх мэт мэдээг өгүүлэв.

Чухамхүү хүүхдийн даахины найрт уураг сүүл, шаант чөмгийг хишиг болгон тахил болгон тавьж байгаа нь магадгүй эрт үеийн “ам барих ач” гэдэг домогзүйн сэтгэлгээний улбаа байж болох юм. Уг домгийн ёсоор бол өвөг эцэг нь өөр ертөнцөд одохын өмнө үр ачаа тойруулан суулгаж үг сургаалиа айлдсаны дараа ач нь өвөг эцгийн аманд уураг сүүл хийж араас нь шаант чөмгийн шагайтай, нарийн хэсгээр араас нь түлхэх байдлаар амьсгалыг нь бүтүүлэн “холын аян”-д нь мордуулдаг заншил байсан гэдэг [Ал-таа, 2020. Р. 46-55]. Энэ зан үйлтэй хамаарах домог, үлгэрийн олон жишээ, археологийн баримтууд бий. Жишээ нь, хүүхдийн оршуулга, булшинд (Өвөрхангай аймгийн Барзан уулын

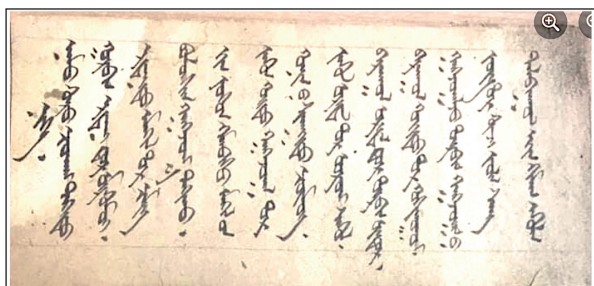
булш) шагай дагалдуулан оршуулдаг тухай археологичид олонтоо тэмдэглэжээ.

Халхчууд дээрхээс өөр үйлд бэлгэдлийн чанараар хэрэглэдэг өргөн дэлгэрсэн нэгэн ёс бол эрчүүд анд мордохын өмнө ганзагыг тахих ёсон хэмээн зүүн хойт ганзганд нь шагайт чөмөг, зүүн урд нь уураг сүүл (баруун урд нь дөрвөн өндөр, баруун хойно нь хошног) ганзаглаж 4 зүгт хүж зул сан тавиад “Ганзагын сан” уншдаг байжээ (Ганзагын сан оршвой. Гар бичмэл. Г.Ням-Очирын хувийн номын санд буй).

Монгол туульд гардагчлан эрэгтэй хүүхэд 3 нас хүрээд холын аянд мордож, хортон дайсантай тулалдаж нэр алдараа анхлан цуурайтуулсан тухай өгүүлдэг билээ. Тиймээс “Даахин дор унага, дахан дор эр” гэдэг үг буй. Судлаачид хүүхдийн даахь үсийг нь авсны дараа хүүхэд шинэ төрхтэй болж, түүний нэгэн шинэ үе эхэлж байгаа чухал ёслол гэж үздэг. Үнэндээ буриадад охидыг багад нь сэвлэгийг авсны дараа үсийг 6 салаа сүлжиж, 13-15 насанд нь гээг тавьж, чимэг зүүлт (сааж) зүүж, гэр бүл болмогц үсийг хоёр салаа сүлжин эхнэр үсний засалтаар самнадаг нь нэг ёсондоо насны үе шаттай холбоотой гэж үзэж болохоор байна.

Хүүхэд гэр бүлийнхээ бүрэн эрхт гишүүн нь болсон гэдгийг олон хүнээр “гэрчлүүлэн” ёслол үйлдэж буй сэвлэг үргээх ёслолыг нэг ёсны дом гэж үздэг. Тиймээс айлын энхрий хүүхдийн сэвлэгийг арай хожуу буюу 8, 9 насанд нь авдаг ёс бий. Түүнчлэн хүүхдийн даахины найрт уригдсан хүн ихээхэн бэлэгшээх бөгөөд хүүхдийн үсэнд хүрсэн бол хариуд нь заавал бэлэг өгч “мялаана”. Буриадууд сэвлэг авах ёслолыг “милаан” буюу мялаалга гэдэг. Тувачууд хүүхэд “...анхны, нялхын үсээ авахуулж байгаа нь хүүхэд өөр ертөнцөөсөө сая тусгаарлагдаж жирийн хүмүүсийн адил болж байгаа хэрэг... амьд хүмүүс л гөрмөл гээгтэй байдаг” [дам эш. Курбатовский, 2001. С. 57].

Өөр нэг ойлгомжтой тайлбар бол монголчууд хүний үс, ялангуяа толгой, тэргүүнийг ихэд эрхэмлэдэг учир хүүхдийн сэвлэг, даахинд сайн өдөр, ивээлтэй хүн нь хүрдэг, тусгай ёслол хийдэг, сэвлэг, гээг үсийг нандигнан хайрладаг

Монголчуудын хувьд, хүүхдийн сэвлэг үргээх зан үйл нь олон талтай, гүн утга агуулгатай ёслол юм.

заншилтай юм. Бид 2022 онд Дорнод аймгийн Цагаан-Овоо суманд очиж 91 настай, Улаалзай хүүдүүд Бадамын Лхамсүрэн гуайтай уулзаж хүүхдийн сэвлэг, даахины тухай асуухад охин байхдаа гэрээсээ авч ирсэн дэрэн дотроо хүүхдүүдийнхээ сэвлэгийг нандигнан боож хадгалсан байснаа үзүүлээд, хэрэв хүүхэд нь багадаа өвдвөл шатааж утдаг. Хэрэгтэй “зүйл” байгаа юм. Ер нь даахийг нь бүгдийг хадгалдаггүй, хэсгийг аваад, үлдсэнийг нь шатаачихна. Үнсийг нь хамаагүй хаядаггүй гэсэн юм.

Дүгнэлт

Халхчуудаас авсан санал асуулын дийлэнх нь хүүхдийн сэвлэг үрээх заншлын гол утга бол энэ ёслолоос хойш хүүхдийн амь нас бататжилаа гэсэн утгатай гэдэгт санал нийлж байлаа. Үүнийг нарийвчилбал, хүүхэд ээжээсээ эхлээд хүй, эхис зэргээс таслагдах үед тодорхой ёслолууд хийдэгтэй (хүй таслах, эрхис оршоох гэх мэт) нэгэн адил эхээс авч гарсан үсийг нь авах үед нэгэн адил ёслол хийж байгаа цуврал ёслолын нэг гэж болно.

Хүүхдийн унаган үсийг авах зан үйл монгол, буриад, халимаг, өвөрмонгол, тэрчлэн тувачуудад бага зэргийн ялгаа байх боловч нийтлэг шинжтэй, 2-3 нас хүртэл хүүхдийн үсийг нь хөнддөггүйн дээр сондгой тоог эх-арга тоо гэж эрэгтэй хүүхдэд, тэгш тоог билиг гэж эмэгтэй хүүхдэд хамааруулан үсийг нь нас болон улирлаар ялгаатай хөндөж байна. Энэ нь сондгой тоог арга, тэгш тоог билэг гэж үзэн эрэгтэй, эмэгтэйд хамааруулдаг монголчуудын уламжлалт ойлголттой холбоотой юм.

Хүүхдийн унаган үс зөөлөн, нарийн ширхэгтэй учир хонгор даахь, сэвлэг гэх мэт нэршилтэй байгаа бөгөөд түүнийг хусах зэргээр авч дахин ургуулснаар үс илүү бат бөх болдог гэдэгтэй хүмүүсийн санал нэг байна. Тиймээс монгол орны хатуу ширүүн байгалийн нөхцөлд нийцүүлэн, хүний үсийг шинэчилж байгаа үйл явц гэж болно. Бидний ажигласан айлын хүүхдийн толгойд шар тос түрхэж байгаагийн учрыг асуухад “шар тосоор мөнгөн толгойг нь (үсийг нь хуссан хүүхдийн толгойг өхөөрдөж ийн нэрлэв) мялааж байгаагаас гадна шинээр ургах үс нь илүү өтгөн бат бөх болдог” гэж тайлбарласан юм.

Хүүхдийн сэвлэг үргээх ёсны өөр нэг утга бол домын үйл юм. *Нэгд*, хүн, хүүхдийн тэргүүнийг ихэд хүндэтгэдэг монгол заншлаар хүний толгойд мэс хүргэнэ гэдэг онцгой зүйл бөгөөд багад нь энэхүү домьг хийснээр тухайн хүүхэд цаашид хутга мэсний аюулаас зайлнэ гэж үздэг. Нэлээд хүн багадаа даахиа хөндүүлээгүйгээс том болсон хойноо бие өвдөх, гай зовлон тохиолдоод байсан учраас ламд очиж энэ ёслолыг нөхөн үйлдүүлээд зүгээр болсон тухай хуучилж байлаа. Үүнийг “зүсээ өөрчлөх”, “үсээ хусуулах дом” хийлгэсэн гэж ярьдаг. *Хоёрт*, хүүхдийн сэвлэг буюу нялхын үсийг авахгүй бол хүүхэд ууртай, ухаан муутай болно гээд ирээдүйн амьдрал нь сайн сайхан байгаасай хэмээн энэхүү ёслолыг үйлддэг ажээ. Эдгээр нь монголчуудын үс, хялгасыг эрхэмлэх, тэдгээртэй холбоотой цээрийн ёстой холбогдож байна.

Хүүхдийн сэвлэг үргээх ёслол буюу найр нь өвөрмөц дэгээр хийгддэг бөгөөд найрын эзэн нь хүүхэд байж, хүндтэй байрыг эзлүүлнэ. Энэ найрт цагаалга, уураг сүүл, шаант чөмөг, хүүхдийг мялаах бэлэг зэрэг онцгой элементүүд бий. Хүүхдийн сэвлэгээс хайчлах хүн бүхэн цагаалгыг заавал амсдаг (зарим нутагт ламаар ном уншуулах, арц хүжээр ариулах г.м.) нь хүүхдийг сэвтээхгүй хэмээх өөрийгөө ариулж буй цээрийн ёс юм. Харин шаант чөмөг, уураг сүүл бол монголчуудын нэн эрт үеэс улбаатай, тэдний ахуй амьдралын түүхэн дэх соёлын чухал баримт болж байна.

Хүүхдийн сэвлэгний найрт ерөөлч хэмээх тусгай хүнийг урьж урт ерөөл хэлүүлэн, хүн бүхэн аман ерөөл хэлж, ургын дуу дуулдаг ёс социалст агуулагатай баяр гэдэг хэмжүүрээр нэг хэсэг тасарч байгаад хот суурин газар дахин дэлгэрч байна. Харин хөдөө орон нутгийнхан энэ уламжлалыг хадгалаж ирсэн гэж үзэхээр юм. Өөрөөр хэлбэл зан үйлийн аман зохиол нь ардын аман яруу найргийн эртний төрөл болж монголчуудын зан заншил, баяр ёслолын салшгүй хэсэг болж түүнийг учир утгыг нэмэн баяжуулдаг чанарыг хөдөө орон нутаг, түүний дотор малчид уламижлалыг залгагчийн үүрэг гүйцэтгэж байна.

НОМ ЗҮЙ

Alimaa, 2020: *Alimaa A.* Some connections between Ethnography and Folklore. Studies on Cultures along the Silk Roads. Vol. 2. Institute of Ethnology, Reserch Centre for the Humanities, Institute of Excellent of the Hungarian Academy of Sciences; Institute of Ethnic Literature, Chinese Academy of Social Sciences. Hungary- Budapest., 2020. P. 46-55

Балдандорж, 2015: *Наран хөвүүн хаан.* Туулийг хайлж бичигт буулгасан А. Балдандорж. Улаанбаатар: Соёмбо принтинг, 2015. 200 х.

Naran khövüün khaan. Tuuliig khailj bichigt buulgasan A. Baldandorj [Naran Khovuun Khaan. The epic found and written down by A. Baldandorj]. Ulaanbaatar: Soyombo printing, 2015. 200 p.

Дөрвөд аман зохиолын чуулган, 2017: *Дөрвөд аман зохиолын чуулган.* Эмхэтгэсэн Б.Катуу. Улаанбаатар: Соёмбо принтинг, 2017. 563 х.

Dörvöd aман zokhiolyn chuulgan. Emkhetgesen B. Katuu [Miscellanea of the oral literature of dorvod people. Compiled by B. Katuu]. Ulaanbaatar: Soyombo printing, 2017. 563 p.

Жуковская, 2002: *Жуковская Н.Л.* Кочевники монголии. Культура Традиции Символика. Учебное пособие. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2002. 247 с.

Zhukovskaia N.L. Kochevniki mongolii. Kul'tura Traditsii Simvolika. Uchebnoe posobie [Mongolian nomads. Culture Traditions Symbols. Tutorial]. M.: Publishing company "Eastern Literature" RAS, 2002. 247 p.

Кара-оол, 2013: *Кара-оол Ч.А.* Обряд первой стрижки волос в традиционной культуре тувинцев. Исторические науки. Вестник Череповецкого государственного университета. 2013. No. 4. Т. 3. С. 34-36

Kara-ool Ch.A. Obriad pervoi strizhki volos v traditsionnoi kul'ture tyvintsev [The rite of the first haircut in the traditional culture of the Tuvinians]. Istoricheskie nauki. Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta. 2013. No.4. T 3. S. 34-36.

Курбатовский, 2001: *Курбатовский Г.Н.* Тувинцы в своем фольклоре: историка-этнографические аспекты тувинского фольклора. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2001. 462 с.

Kurbatovskii G.N. Tyvintsy v svoem fol'klоре: istorika-etnograficheskie aspekty tyvinskogo fol'klora [Tuvinians in their folklore: Historical-ethnographic aspects of Tuvinian folklore]. Kyzyl: Tuva book publishing house, 2001. 462 p.

Монгол ардын зан үйлийн аман зохиол, 1987: *Монгол ардын зан үйлийн аман зохиол.* Эмхэтгэж хэвлэлд бэлтгэж, удиртгал, тайлбар сэлт үйлдсэн Х.Сампилдэндэв. Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар, 1987. 342 х.

Mongol ardyn зан үйлийн аман zokhiol. Emkhetgej khevleld beltgej, udirtgal, tailbar selt uildsen Kh.Sampildendev [Mongolian ritual folklore. Intro., comp., comm., ed, by H. Sampildendev]. Ulaanbaatar: State Publishing House, 1987. 342 p.

Нямбуу, 1976: *Нямбуу Х.* Өнөөгийн монгол ёс. Улаанбаатар, 1976. 237 х.

Nyambuу Kh. Öнөөгийн mongol yos [Actual Mongolian traditions]. Ulaanbaatar, 1976. 237 p.

Сампилдэндэв, 1985: *Сампилдэндэв Х.* Малчин ардын зан үйлийн уламжлал. Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар. 1985. 342 х.

Sampildendev Kh. Malchin ardyn зан үйлийн ulamjlal [Ritual traditions of herdsmen]. Ulaanbaatar: State Publishing House, 1985. 342 p.

Сарангэрэл, 2016: *Сарангэрэл Б.* Хүүхдийн даахь үргээх ёс. Улаанбаатар, 2016. 60 х.

Sarangerel B. Khüükhdiin daakhi ürgeekh yos [Traditional parenting]. Ulaanbaatar, 2016. 60 p.

Сүрьяа, 2018: *Сүрьяа Д.* Бадарчингийн инээдэмт паян. “Бадарчин Баадайн Инээдэмт Паян (Монгол ардын шог үлгэр) Улаанбаатар: “ДАС ихэр” сан, “Супержобс ХХК” хэвлэлийн газар, 2018. 153 х.

Sүriyaa D. Badarchingiin ineedemt payan. “Badarchin Baadain Ineedemt Payan (Mongol ardyn shog үlger) [Badarchin’s funny payan. “Badarchin Baadain Ineedemt Payan (Mongolian Folk Tale)] Ulaanbaatar: “DAS Iher” Foundation, “Superjobs LLC” Publishing House, 2018. 153 p.

Хан харангуй тууль, 2016: *Хан харангуй тууль.* Удиртгал бичиж, үгсийн тайлбар хийн орчин цагийн монгол хэлээр хөрвүүлж хэвлэлд бэлтгэсэн Б.Түвшинтөгс. Улаанбаатар-Санкт Петербург: Соёмбо принтинг, 2016. 209 х.

Khan kharangui tuuli. Udirtgal bichij, үgsiin tailbar khiin orchin tsagiin mongol kheleer khörvүүлj khevleld beltgesen B.Tүvshintögs [Khan kharangui tuuli. Intr., comm., transl. into modern Mongolian and ed by B. Tuvshintogs]. Ulaanbaatar –Saint-Petersburg: Soyombo printing, 2016. 209 p.

Халх тууль, 2013: *Халх тууль.* Эмхэтгэсэн А. Алимаа. Улаанбаатар: Соёмбо принтинг, 2013. 408 х.

Khalkh tuuli. Emkhetgesen A. Alimaa [Khalkh epic. Compiled by A. Alimaa]. Ulaanbaatar: Soyombo printing, 2013. 408 p.

Сайтууд

<https://mongoltoli.mn/dictionary>
https://www.youtube.com/watch?v=vt2iqFzUcPk&ab_channel=MongolianNationalBroadcaster.

ШУА-ийн Хэл зохиолын хүрээлэн, Монголын Үндэсний Олон нийтийн телевиз. “Билиг бэлгийн дээж” нэвтрүүлэг. С.Мөнхжаргал “Даахины ерөөл”. Өмнөговь аймгийн 5-р сургуулийн 5Д ангийн сурагч Д.Мөнгөнбаатар

https://www.facebook.com/permalink.php?story_fbid=pfbid048Aaq6WfRhpBkSD8YCPvg56bSTkYQPnhCdGoP4bs4fV6XxDd9w3cLRKGayKxjGEol&id=100008588716629

Ганзагын сан оршвой. Гар бичмэл. Г.Ням-Очир.

Уулзаж мэдээлэл өгсөн голлох хүмүүс
Зузаан овогтой Даваасүрэнгийн Амгалан (Эрэгтэй. Халх. 1958.05.19-нд төрсөн). Өвөрхангай аймгийн Уянга сум. Нарийны гол. 2022.05.03-нд уулзав.

Сүхбатын Эрдэнэсүвд, Даваадоржийн Баттогтох нарын ууган хүү, 5 настай Батчулууны даахины найр Улаалзай хүгдүүд Бадамын Лхамсүрэн (Эмэгтэй. 91 настай, буриад). 2022 он, Дорнод аймгийн Цагаан-Овоо сум. 2022.01.09-нд уулзав.

КУЛЬТУРНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ЦЕРЕМОНИИ СТРИЖКИ ВОЛОС ДЕТЕЙ-ХАЛХОВ В МОНГОЛИИ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ

Аюушжав АЛИМАА

Институт языка и литературы Монгольской академии наук

В статье на основе архивных и новых полевых материалов рассматривается ритуал стрижки волос в его связи с традицией. Монголы называют этот обряд по-разному – удаление (стрижка) волос у детей и т.д. Этот ритуал существует на протяжении длительного времени и ярко отражен в памятниках героического эпоса. Для первого удаления “девственных” волос на голове ребенка монголы не используют металлические или острые ножи. Сначала они делают вид, что удаляют волосы деревянными ножницами, затем подстригают волосы в нужном направлении, начиная с правой стороны головы. Обривается почти вся голова ребенка за исключением небольшого пучка волос (тав). Каждый участник ритуала произносит благословение и делает подарок этому ребенку. Для первой стрижки волос выбирают благоприятный день. Ритуал превращается в небольшой праздник, в ходе которого восхваляют всех членов семьи и дальних родственников. Этот ритуал остается актуальным для современных монголов и привлекает внимание не только этнографов и фольклористов, но и исполнителей произведений устного народного творчества. Автору статьи удалось принять участие в ритуале первой стрижки волос у детей в семье представителей этнической группы западные халха в сомоне Уянга Увурхангайского аймака. Также автором был обнаружен еще один интересный факт, связанный с исследованиями, проведенными в том районе. В ходе анализа источников удалось выяснить, что в современном ритуале первой стрижки волос ребенка у народа халха сохраняются древние элементы. Для подтверждения своей гипотезы автор привел сведения из дополнительных источников, а также материалы экспедиции в сомон Цагаан-Овоо аймака Дорнод.

Ключевые слова: Девственные волосы, первая стрижка волос у детей, обряд стрижки, монгольские ритуалы и устные традиции.

Об авторе: **Аюушжав Алимаа**, заведующая сектором фольклора, Института языка и литературы Монгольской Академии наук (Монголия, 13330, Улан-Батор, Район Баянзурх, Энхтайван пр., 54А). ORCID 0000-0002-3533-2000 (alimaa_mgl@yahoo.com).

THE CULTURAL SIGNIFICANCE OF THE CEREMONY OF CUTTING THE HAIR OF KHALKHA CHILDREN IN MONGOLIAN AT THE PRESENT TIME

Ayuushzhav ALIMAA

Institute of Language and Literature of the Mongolian Academy of Sciences

Based on archival and new field materials, the article examines the ritual of first hair cutting in its connection with tradition. The Mongols call this rite in different ways - removing (cutting) hair from children, etc. This ritual has existed for a long time and is clearly reflected in the monuments of the heroic epic. For the first removal of "virgin" hair on a child's head, the Mongols do not use metal or sharp knives. First, they pretend to remove the hair with wooden scissors, then cut the hair in the right direction, starting from the right side of the head. Almost the entire head of the child is shaved, with the exception of a small tuft of hair (тав). Each participant in the ritual pronounces a blessing and makes a gift to this child. An auspicious day is chosen for the first haircut. The ritual turns into a small celebration, during which all family members and distant relatives are praised. This ritual remains relevant for modern Mongols and attracts the attention of not only ethnographers and folklorists, but also performers of folklore. The author of the article managed to take part in the ritual of the first haircut for children in a family of representatives of the Western Khalkha ethnic group in the Uyanga somon of Uvurkhangay aimag. The author also discovered another interesting fact related to the research conducted in that area. During the analysis of sources, it was possible to find out that ancient elements are preserved in the modern ritual of the first haircut of a child among the Khalkha people. To confirm his hypothesis, the author cited information from additional sources, as well as materials from the expedition to the Tsagaan-Ovoo sum of the Dornod aimag.

Key words: Virgin hair, children's first hair cut, haircut rite, Mongolian rituals and oral traditions.

About the author: **Ayuushzhav ALIMAA**, Head of the Folklore Sector, Institute of Language and Literature of the Mongolian Academy of Sciences (54A, Enkhtayvan Ave, Bayanzurkh District, Ulaanbaatar, 13330, Mongolia). ORCID 0000-0002-3533-2000 (alimaa_mgl@yahoo.com).

Б. Х. Борлыкова, Б. В. Меняев
Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова

КАЛМЫЦКИЕ ПЕСНИ, ПОСВЯЩЕННЫЕ ОЙРАТСКОЙ ЗНАТИ XVII–XVIII ВЕКОВ

В данной статье рассматриваются тексты калмыцких исторических песен об ойратской знати XVII–XVIII вв., представленные в рукописном сборнике «Калмыцкие песни», хранящемся в рукописном отделе библиотеки Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Рассматриваемые тексты песен являются уникальными образцами песенного творчества калмыков.

Ключевые слова: калмыцкие исторические песни, сборник «Калмыцкие песни», Восточный отдел Научной библиотеки им. М. Горького СПбГУ, ойратская знать XVII–XVIII вв., Галдама, Мокуш нойон, Давачи.

Об авторах:

Борлыкова Босха Халгаевна — кандидат филологических наук, научный сотрудник, Научный отдел, Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова (Россия, 358000, Элиста, ул. Пушкина, 11). ORCID 0000-0001-9264-3430 (borlboskha@mail.ru)

Меняев Бадма Викторович — специалист, Международный научно-исследовательский центр «Ойраты и калмыки на Евразийском пространстве», Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова (Россия, 358000, Элиста, ул. Пушкина, 11). ORCID 0000-0002-9205-4537 (bmeuаev@mail.ru)

Благодарность. Проект реализован в рамках гранта Президента Российской Федерации для поддержки творческих проектов общенационального значения в области культуры и искусства.

© ИВР РАН, 2022
© Борлыкова Б. Х., 2022
© Меняев Б. В., 2022

Исследование калмыцкой народной песни как составляющей устного народного творчества калмыков актуально в контексте сохранения песенной традиции в современных условиях глобализирующегося общества. История письменной и звуковой фиксации песенного фольклора калмыков была заложена трудами известных ученых, путешественников, музыкантов прошлых веков: П. С. Палласа (1776), Н. Н. Страхова (1804), И. В. Добровольского (1816), Г. Балинта (1871–1872), А. Д. Руднева (1904, 1908), Г. Й. Рамстедта (1903, 1904), А. М. Листопадова (1902–1903), В. Д. Беневского (1921), А. В. Бурдукова (1937, 1939) и др.

Калмыцкие народные исторические песни (калм. *туукин дун*, *туужин дуд* ‘исторические песни’) редко привлекали внимание монголо-ведов. Одной из актуальных исследователь-

ских тем является соотношение песенного фольклора и исторической памяти, в частности проекция в песенном фольклоре событий и лиц исторического прошлого. В калмыцких исторических песнях нашли отражение наиболее значимые и переломные моменты народа (джунгарский период, вхождение калмыков в состав России («Алтан Хаңһан шилнь» («Отроги Алтая и Хангая»)), война калмыков с черкесами во второй половине XVIII в. («Харглуһин эһнд...» («У истока реки Харглу...»)), уход части калмыков в 1771 г. в Джунгарию («Эргн Мацг хоорнд» («Между Ергенями и Мочагами»)), «Машинән цэвдриһән көлглэд» («На игреневом коне нойона Маши»)), участие калмыков в русско-персидской войне 1796 г. («Дербен гидг балһснь...» («Город Дербент...»)), участие калмыцких полков в Отечественной войне 1812 г.

(«Маштг бор» («Низкорослый сивко»), «Сөм хамарта пранцуз» («Французы с носом длиною в пядь») и др.), которые прошли поэтическую обработку в рамках фольклорных традиций.

Наряду с основными историческими событиями в калмыцком песенном фольклоре нашли отражение исторические личности эпохи Джунгарского и Калмыцкого ханств — песни о Галдме-батыре (1635–1667), Шуно-батыре (Луузанг Шоно), Мазан-батыре (ум. 1683 г.), Митр нойоне (ум. 1725)¹ и др. На формирование калмыцких исторических песен значительное воздействие оказали жанры исторической прозы — предания и устные рассказы, в основе которых лежат конкретные факты общественно-политической жизни народа, а также подвиги ойратских предводителей, которые прошли поэтическую обработку в рамках устной народной традиции.

В настоящей статье рассматриваются калмыцкие народные песни об ойратской знати XVII–XVIII вв., представленные в рукописном сборнике «Калмыцкие песни», хранящемся в рукописном отделе библиотеки Восточного факультета СПбГУ под шифром Calm B 12². Все песни зафиксированы на ойратском письме «тодо бичиг» («ясное письмо»)³. Последующее сличение транслитерации и современного переложения на калмыцкий язык позволит осветить проблемы взаимовлияния устного и письменного текстов, фиксации и интерпретации фольклорного материала в диахроническом и сравнительном аспектах.

¹ Миитр нойн — нойон Миитр, его прототип Нитар-Дорджи (один из сыновей Чакдор-Джаба и внук Аюки-хана). Связанные с ним события, происходившие в 1722–1725 гг., в свое время были описаны историком М. Новолетовым. Интересны также сведения, собранные А.Г. Митириным. Нитар-Дорджи вел борьбу за ханский титул в пользу своего брата Дасанга. Отличался отчаянным характером. Нитар-Дорджи был убит в 1725 г.

² РО БВФ СПбГУ — Калмыцкие песни // Рукописный отдел библиотеки восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Шифр Calm B 12. Инв. № 1753. Прежний шифр Хул. 1238. Коллекция Голстунского (1857), № 19. 47 лл.

³ Ойратское письмо «тодо бичиг» («ясное письмо») было создано в 1648 г. ойратским просветителем Зая-пандитой (1599–1662). Письмо «тодо бичиг» использовалось калмыками России вплоть до 1924 г. и было впоследствии заменено кириллицей.

В каталоге В.Л. Успенского рукописный сборник «Калмыцкие песни» указан в последнем собрании коллекции профессора К.Ф. Голстунского. Однако точных сведений о происхождении сборника нет [Рукописи и ксилографы, 2014. С. 146]. Данная рукопись представляет собой сброшюрованную тетрадь. В каталоге приводятся следующие ее характеристики: «ойратская рукопись: книга — лл. 1а–24б; размеры 17,1 × 21,7 см, 16–17 строк; коллекция калмыцких песен» [Uspensky, 1999. С. 504]. Книги представляют собой продолговатые листы, сложенные вдвое и прошитые по линии сгиба. Название на титульном листе первой книги «Калмыцкие песни» написано на кириллице чернилами черного цвета. Над названием рукописи чернилами синего цвета указаны: инвентарный номер 1453/36, 1931 год, шифр Calm B 12; в правом верхнем углу листа имеется печать восточного отдела фундаментальной библиотеки ЛГУ; в левом нижнем углу карандашом синего цвета отмечен старый шифр Хул. 1238. Тексты песен начинаются со второго листа, написаны черными чернилами. Пагинация в тетради сквозная, проставлена арабскими цифрами на каждом листе над текстами песен (л. 1–47), листы разноязычны. На листах 1, 11, 47 проставлена печать восточного отдела фундаментальной библиотеки ЛГУ. На втором листе указан день записи песен «26 октября» без указания года. Рукопись содержит 101 текст калмыцких песен. Тексты песен не имеют названия. В тексте нет каких-либо исправлений, рукопись является белой. Анализ почерка позволяет сделать следующие выводы: тетрадь написана одним убористым почерком.

Ниже мы рассмотрим основных исторических деятелей из числа ойратской знати и их образы, отраженные в исторических песнях.

Галдама (1635–1667) — выдающийся военачальник и государственный деятель Джунгарии, хошутский нойон, сын Очирту Цецен хана⁴. В 1652 г. 17-летний Галдама убил в бою правителя Казахского ханства с 1643 по 1652 г., сына хана Ишима — Янгир-хана (казах. *Салқам Жәңгір-хан*

⁴ Цецен хан (ум. пригл. 1676–1680 гг.) — ойратский правитель (тайши) хошутов.

букв. ‘внушительный, могучий Жангир хан’) (1610–1652). В 1657 году вместе с двоюродным братом Цаганом, сыном Аблая, предотвратил военный конфликт враждующих группировок в Джунгарском ханстве между Сенге¹ и его братьями. В 1658 году Галдама, имея всего трехтысячный отряд, одержал победу над 38-тысячным войском бухарского Абида-Шукура, который во время празднования Белого месяца (Цаһан сар) напал на пограничные ойратские кочевья на реке Талас. Галдама активно участвовал в регулировании отношений между враждовавшими ойратскими ханами, предотвращая между ними конфликт. По преданию, Галдама был отравлен в 1667 г. мачехой Уде-Агас, дочерью торгутского тайши Хо-Урлюка (?–1644). Умер на [реке] Биджи, его тело было немедленно предано сожжению, а прах был отправлен в Баруун Тала [Тибет] [Норбо, 1999. С. 103].

Жизнь и деятельность Галдамы были подробно описаны известным российским востоковедом, выходцем из народа коми – Георгием Степановичем Лыткиным (1835–1907) в статье «Хошоутовский нойон Галдама». Настоящая статья была опубликована в 1860–1861 гг. в 12 номерах газеты «Астраханские Губернские ведомости» [Лыткин, 1860; 1861], а позже перепечатана в кратком виде А.В. Бадмаевым в книге «Лунный свет: калмыцкие историко-литературные письменные памятники XIV–XIX вв.» [Лунный свет, 2003. С. 390–400]. Г.С. Лыткин в «Материалах для истории ойратов» о хошутском нойоне Галдаме пишет следующее: «*Ни об одном из ойратских владельцев не осталось в потомстве столько живых, прекрасных воспоминаний, как о хошутском нойоне Галдаме, сыне Цецен хана от брака его с дочерью зюнгарского Ердени Батур хун тайчжия. Галдама был рыцарь без упрека или, как выражается ойратский историк эмчи Габан Шараб, он был непогрешителен даже в самомалейших поступках*» [Лунный свет, 2003. С. 390]. Действительно в устной памяти ойрат-монгольских народов сохранилось большое количество преданий,

¹ Сенге (1630–1671) — второй хунтайджи Джунгарского ханства с титулом Цецен-хунтайджи (калм. *цеци* — умный, мудрый; 1653–1671). Представитель рода Чорос, пятый сын и преемник Эрдэни-Батура.

легенд, устных рассказов и песен о храбром и благороднейшем хошутском нойоне Галдаме.

В 2018 году монгольскими учеными Б. Доржцэрэном и М. Ганболдом был составлен фольклорный сборник, посвященный Галдаме, в который вошли песни, легенды и предания об этом историческом деятеле, собранные среди монгольских народов Китая (в Синьцзян-Уйгурском автономном районе и Внутренней Монголии), Монголии и России (в Калмыкии, Бурятии) [Доржцэрэн, Ганболд, 2018]. Среди калмыцких вариантов песен представлены самые ранние тексты, записанные от нойона Малодербетовского улуса Цанджин-Убуши Тундутова (ум. 1866), владельца Хошутского улуса нойона Церенчжаб (Сереп-Джап) Тюменя (1881–1937) и опубликованные Г. С. Лыткиным в «Материалах для истории ойратов» [Лунный свет, 2003. С. 399–400].

В рассматриваемом нами рукописном сборнике содержатся два текста песен о батыре Галдаме. В первом тексте под номером 26 из сборника даётся характеристика ойратского военачальника Галдамы, отмечены его деловые качества, а также воспеваются его дружина, сидящая вместе с ним за арзой². Настоящая песня является вариантом песни, записанной Г. С. Лыткиным в 1859–1861 гг. от нойона Хошутского улуса Церенчжаб (Сереп-Джап) Тюменя³ [Лунный свет, 2003. С. 393–394] и песни, записанной в 1909–1910 гг. в Астраханской губернии калмыцким просветителем Номто Очировым [Очиров, 2006. С. 116].

Текст из сборника «Калмыцкие песни» содержит 12 строк, тексты Г.С. Лыткина и Номто Очирова — по 16 строк. В синоптической развёрстке трёх вариантов песни выявлено: 7 позиций (№ 1, 2, 5, 6, 7, 9, 10) совпадают текстуально и варьируются в незначительной степени; 4 текстуальных совпадений (2, 3, 4, 8) в первых двух вариантах песни, которые не имеют соответствий в третьем варианте песни, запи-

² Арза — крепкая молочная калмыцкая водка, дважды перегнанная.

³ В комментариях к тексту песни отмечено, что песня переложена на ноты М. Г. Новолетовым, помощником попечителя Багацохуровского улуса [Лунный свет, 2003. С. 453].

Текст песни из сборника «Калмыцкие песни»	Текст песни, записанный Г. С. Лыткиным	Текст песни, записанный Номто Очировым
1. <i>Мервн тоть шовун</i> ¹ Мервенгский (Бербенгский) по- пугай ²	1. <i>Беребенген тоти шубун</i> Бербенгский попугай	1. Берин бенз тоть шовун Бербенгский попугай
2. <i>Бенз модн туурта суудг.</i> Сидит на наседке-тур ³ из дерева бензе.	2. <i>Бензе модун туртай суудак би:</i> Сидит на наседке-тур из дерева бензе.	2. <i>Бензрлэ моднднь товр тээхн суудгви.</i> Сидит на наседке-тур из дерева бензе.
3. <i>Беклсн алдр мини</i> Крепкий и славный наш [Галда- ма]	3. <i>Бекелексен Алдар мани</i> Крепкий и славный наш [Гал- дама]	3. <i>Беклзгч Галдма</i> Крепкий и славный Галдама
4. <i>Төр нольшиг эмтэ суудгви.</i> Пребывает с обходительными сподвижниками.	4. <i>Тиоро голишик алита суу- дак би.</i> Пребывает с обходительными сподвижниками.	4. <i>Тиим сээхн зэрлгтэ суудг.</i> Пребывает с такой безупреч- ной речью.
5. <i>Алтн амта шаазцднь</i> В чаше с золотой каёмкой	5. <i>Алтан амта шазанду</i> В чаше с золотой каёмкой	5. <i>Алтн амта шаазцднь</i> В чаше с золотой каёмкой
6. <i>Арзинтн туңлгнь мелм- лзнэ.</i> Блестит чистая арза.	6. <i>Арзайнган тунгулагни мель- мельзене:</i> Блестит чистая арза.	6. <i>Арзинтн туңлгнь мелм- лзэд.</i> Блестит чистая арза.
7. <i>Амрг-иньгин дурнднь</i> Вместе с друзьями	7. <i>Амарак-инагийинан дуран- ду</i> Вместе с друзьями	7. <i>Амрг-иньгинэн дурнд</i> Вместе с друзьями
8. <i>Ода таварн нээрлий.</i> Будем сейчас праздновать в пол- ное удовольствие.	8. <i>Одо таваран найиралай!</i> Будем сейчас праздновать в полное удовольствие.	8. <i>Эн сөңгигэн эдлит!</i> Испейте из этой чаши!
9. <i>Мөңгн амта шаазцднь</i> В чаше с серебряной каёмкой	9. <i>Мйонгон амта шазанду</i> В чаше с серебряной каёмкой	9. <i>Мөңгн амта шаазцднь</i> В чаше с серебряной каёмкой
10. <i>Мөңкитн арзнь мелмлзнэ.</i> Вечно блестит арза.	10. <i>Мйонкиндан арзани мель- мельзене,</i> Вечно блестит арза.	10. <i>Мөн арзнь мелмлзэд.</i> Вечно блестит арза.
11. <i>Гээхшигтэ Галдма</i> Прекрасный Галдама	11. <i>Мйон инагийинан дуранду</i> Вместе с истинными друзьями	11. <i>Мөн иньгинэн дуранд</i> Вместе с истинными друзьями
12. <i>Гагц сээхн зэрлгтэ суудг.</i> Обладает безупречной речью.	12. <i>Одо таваран найиралай!</i> Будем сейчас праздновать в полное удовольствие.	12. <i>Эн сөңгигэн эдлит!</i> Испейте из этой чаши!
13. —	13. <i>Гайхамшикта Галдама</i> Прекрасный Галдама	13. <i>Хала амта шаазцднь</i> В чаше с жестяной каёмкой
14. —	14. <i>Гачис сайхан зарликта:</i> Обладает безупречной речью.	14. <i>Хар арзнь мелмлзэд,</i> Блестит прозрачная арза.
15. —	15. <i>Го инагийинан дуранду</i> Вместе с прекрасными друзьями	15. <i>Хээрлдг иньгинэн дурнд</i> Вместе с милыми друзьями
16. —	16. <i>Одо таваран найиралай!</i> Будем сейчас праздновать в полное удовольствие.	16. <i>Хэрүлл уга эдлит.</i> Испейте [из этой чаши] до кон- ца!

¹ Мервн (Беребенген) тоть шовун — попугай буддийского монастыря Беребенг (Брайбунг) в Тибете.

² Здесь и далее тексты приводятся в переводе авторов статьи.

³ Тур — особо устроенная наседка, к которой привязываются ястребы, соколы и попугаи.

санном Н. Очировым. Синоптический анализ, сравнение одновременных записей вариантов одной песни показывают их текстуальную близость. Выявленные текстуальные совпадения в разных позициях свидетельствуют о сохранении текста песни во времени.

Второй текст песни о Галдаме, представленный в сборнике «Калмыцкие песни» по содержанию относится к песням-плачам, который строится по принципу восхваления лучших качеств ойратского военачальника Галдамы. Сыновья лучших людей (зайсангов) следовали за ним и защищали его своим мечом и грудью, дорожа дружбой и одобрением молодого своего молодого храброго нойона. Последняя строка из 4 и 5 куплета указывает на значимость потери и глубину трагедии: *Босхмжс уга Галдма мини* 'О, Галдама, невозможно [тебя] возродить'.

Вариант рассматриваемой нами песни, был записан Г.С. Лыткиным от владельца Малодербетовского улуса нойона Санчжи Убуши Тундутова. Однако при синоптической развёрстке двух текстов текстуальных совпадений нами не обнаружено.

Мокуш нойон — это Цеван-Даши (1738–?), младший сын Галдан Церена, правившего в 1727–1745 г. Из истории известно, что после смерти Галдан Церена в 1745 г. в Джунгарии началась смута. Ханская власть переходит несколько раз от одного претендента к другому. Старший сын Галдан Церена, рожденный от наложницы, Лама-Дорджи, в 1749 г. захватив власть, убивает законных наследников, своих сводных братьев Цеван Дорджи и Цеван Даши (второе его имя *Мөөкш* 'Мокуш'). По преданиям олётов Текеса и сарт-калмыков Киргизии Цеван Даши выжил, его выходили лекари, и он

<p><i>Усна көвэд Хоңһлзур сөөһһэтэ, Улсын дунднь Галдма лувчтэ. Эр төрсн Галдма баатр.</i></p>	<p>На берегу реки на приколе стоит [скакун] Хонголзур, Среди народа Галдама в богатырские доспехи облачен Единственный витязь Галдама батыр.</p>
<p><i>Нуурин көвэд Хоңһлзур идиштэ, Нойдудын дунд Галдма лувчтэ. Эр төрсн Галдма баатр.</i></p>	<p>На берегу озера пасется [скакун] Хонголзур, Среди нойонов Галдама в богатырские доспехи облачен Единственный витязь Галдама батыр.</p>
<p><i>Саринэн сээһинь сэкжс морддг, Сээдүдин көвүдинь шагшулн морддг. Эр төрсн Галдма баатр.</i></p>	<p>Выбрав лучший месяц, отправляется в поход, Сыновей сайдов ведёт он за собой. Единственный витязь Галдама батыр.</p>
<p><i>Эрг нурдг, элсн болдг. Ээжс көгширв, өвгн болв. Босхмжс уга Галдма мини.</i></p>	<p>Берег рушится, становится песком. Мать постарев, старушкой становится О, Галдама, невозможно [тебя] возродить.</p>
<p><i>Ээрг буслдг, эрк болдг. Аавчн көгширв, өвгн болв. Босхмжс уга Галдма мини.</i></p>	<p>Айран вскипев, становится аракой. Отец твой, постарев, стариком стал. О, Галдама, невозможно [тебя] возродить.</p>
<p><i>Бэрсн өргэчн бертэһэн бээһэ. Бер Дегжжитн хадмудтаһан бээһэ. Эр төрсн Галдма баатр.</i></p>	<p>В воздвигнутой тобою юрте до сих пор жена твоя живет. Невестка Дегджит живет со свекром и свекровью. Единственный витязь Галдама батыр.</p>
<p><i>Өдрин сээһинь онцлжс морддг, Улсын көвүдинь шагшулн морддг. Эр һагц Галдма баатр.</i></p>	<p>Выбрав лучший день, отправляется в поход, Сыновей народа ведёт он за собой. Единственный витязь Галдама батыр.</p>

через перевал Мосун-Дава бежал в Конгурей (ныне территория Республики Хакасия. Сюжет перехода Мокуш нойоном ледяного перевала Мосун-дава объединяет все варианты песни, записанные в России (Калмыкия), Китае (Синьцзян) и Киргизии (Иссык-Кульская область). В вариантах песни описываются трудности пути Цэван-Даши через ледяной перевал Мосун-Дава, его внешность (*мөлркн хамрта* 'с тупым

носом', *улахн самсата* 'с красным носом', букв. 'с красными крыльями нос', *цахахн самсата* 'с белым носом', букв. 'с белыми крыльями нос'), головные уборы (*дерсн махла* 'шляпа из камыша', *хурсх махла* 'шапка из каракуля'), указывается его возраст (*мөңк биш залушг насдан* 'не вечный юный возраст'); герой именуется при помощи уважительных формульных конструкций (*Мөкуш нойн* 'Мокуш-нойон', *Мөки таниһэн* 'Вас Мокуш).

Калмыцкий текст песни из сборника «Калмыцкие песни»	Ойратский текст песни, записанный Б. В. Меняевым в Или-Казахской автономной области Синьцзяна	Сарт-калмыцкий текст песни, записанный Б. В. Меняевым в селе Чельпек Ак-Суйского района Иссык-Кульской области Киргизии
1. <i>Мөңгн тахта мөөкһр бор</i> Серко с серебряной подковой	1. <i>Мөңгн тахта жора бор</i> Серый иноходец с серебряной подковой	1. <i>Мөңгн тахта жора бор</i> Серый иноходец с серебряной подковой
2. <i>Мөснднь юһинь хальтрдгви</i> Скользит на льду	2. <i>Мөсн даванд хальтрдгви</i> Скользит на ледяном перевале Мосун-Дава,	2. <i>Мөсн давахар давдгнь</i> Скользит на ледяном перевале Мосун-Даван,
3. <i>Мөңк биш залушг насдан</i> В невечном юном возрасте	3. <i>Мөлур хамрта Мөкуш нойн</i> Тупоносый Мокуш-нойон	3. <i>Һурвн хөөнэ һурвн хавсн</i> Три ребра трехлетнего барана
4. <i>Анжатн юун эд мартдгви?</i> Почему не забывается Анджата-тан?	4. <i>Мөсн давахар давдгнь юунви?</i> Зачем переходит ледяной перевал Мосун-Дава?	4. <i>Һурвн сөөһин хонг болва.</i> Стали пищей трех ночей.
5. <i>Мөсн деерк мөр билэ,</i> Был конем на льду,	5. <i>Һурвн хөөнэ һурвн хавсн</i> Три ребра трехлетнего барана	—
6. <i>Мөлркн хамрта Мөки таниһэн</i> Вас тупоносый Мокуш	6. <i>Һурвн сөөһин хонг болвал.</i> Стали пищей трех ночей	—
7. <i>Мартхнь мел гемтэ</i> Если забуду Вас,	7. <i>Һулжң төрсн Мөкуш нойн</i> Своенравный Мокуш-нойон	—
8. <i>Эс болдгви?</i> Буду виноватым.	8. <i>Мөсн давахар давдгнь юунви?</i> Зачем переходит ледяной перевал Мосун-Дава?	—
9. <i>Усн деерк унаһр</i> [Был] жеребёнком на воде	9. <i>Дөрвн хөөнэ дөрвн хавсн</i> Четыре ребра четырехлетнего барана	—
10. <i>Улахн самсата Мөки таниһэн</i> Мокуш с красным носом	10. <i>Дөрвн сөөһин хонг болвал,</i> Стали пищей четырех ночей,	—
11. <i>Мартдг болхнь</i> Если забуду Вас,	11. <i>Дөлэхн төргсн Мөкуш нойн</i> Спокойный Мокуш-нойон	—
12. <i>Насдан гемтэ болдв?</i> На всю жизнь буду виноватым.	12. <i>Мөсн давахар давдгнь юунви?</i> Зачем переходит ледяной перевал Мосун-Дава?	—

Калмыцкий текст песни из сборника «Калмыцкие песни»	Ойратский текст песни, записанный Б. В. Меняевым в Или-Казахской автономной области Синьцзяна	Сарт-калмыцкий текст песни, записанный Б. В. Меняевым в селе Чельпек Ак-Суйского района Иссык-Кульской области Киргизии
13. <i>Цасн деерк цагда</i> [Был] сайгачонком на снегу	13. <i>Шавр бээшн сүүдр болвал</i> Глинобитная хижина стала [для вас] укрытием,	—
14. <i>Цаһахн самсата Мөкш таниһэн</i> Мокуш с белым носом	14. <i>Шаңгин хотнь хот болвал,</i> Казенная еда стала [для вас] пищей,	—
15. <i>Мартдг болхнь</i> Если забуду Вас,	15. <i>Шаргад мордгсн Мөкүш нойн</i> Со звоном выехавший Мокуш-нойон	—
16. <i>Мел гемтэ ил болдв?</i> На всю жизнь буду виноватым.	16. <i>Мөсн даваһар давдгнь юнви?</i> Зачем переходит ледяной перевал Мосун-Дава?	—
—	17. <i>Дерсн махла сүүдр болвал</i> Камышовая шляпа стала [для вас] тенью	—
—	18. <i>Деңгин хот хот болвал,</i> Еда, взвешенная на китайских весах, стала [для вас] пищей,	—
—	19. <i>Дергэд мордгсн Мөкүш нойн</i> Внезапно выехавший Мокуш-нойон	—
—	20. <i>Мөсн даваһар давдгнь юнви?</i> Зачем переходит ледяной перевал Мосун-Дава?	—
—	21. <i>Хурсх махла сүүдр болвал,</i> Каракулевая шапка стала [для вас] тенью	—
—	22. <i>Хурин усн ундн болвал,</i> Дождевая вода стала [для вас] питьем	—
—	23. <i>Хурад мордсн Мөкүш нойн</i> Собравшись, выехавший Мокуш-нойон	—
—	24. <i>Мөсн даваһар давдгнь юнви?</i> Зачем переходит ледяной перевал Мосун-Дава?	—

Калмыцкий вариант песни о Мокуш нойоне, представленный в сборнике «Калмыцкие песни» — единственный, зафиксированный в фольклоре калмыков. Он содержит 16 строк. Вариант песни олётв Синьцзяна — 24 строки, а сарт-калмыцкий — всего 4 строки. При синоптическом сличении текстов выявлено: 2 позиции (№ 1, 2) совпадают текстуально и варьируются в незначительной степени; 4 строчные позиции сарт-калмыцкого варианта песни (№ 1, 2, 3, 4) совпадают с разными строчными позициями (№ 1, 2, 5, 6) олётского текста. Выявленные текстуальные совпадения в разных позициях сближают сарт-калмыцкий текст с олётским, что вполне объяснимо, так как олётты Или-Казахской автономной области Синьцзяна являются самыми ближайшими сородичами сарт-калмыков Киргизии¹.

Давачи (Даваца) (ок. 1723–1759) — последний правитель Джунгарского ханства (1753–1755), представитель рода Чорос, сын Намджил-Даши. После воцарения на джунгарском престоле Ламы-Дорджи был вынужден бежать в Средний казахский жуз к Аблаю, туда же ушёл другой ойратский нойон Амурсана. В 1753 г. Даваца и Амурсана объединившись, внезапно напали на ставку Лама-Дорджи и убили его. Новым ханом Джунгарии на три года становится Даваца [Златкин, 1964. С. 435]. Однако в это время ханство было уже в полосе упадка, что проявлялось раньше всего в подрыве единства ойратского государства, чем и воспользовались маньчжуры. В исторической науке достаточно подробно изучены обстоятельства воцарения Даваца [Златкин, 1964; Санчилов, 1987; Чимитдоржиев, 2002]. Казахский исследователь-китаевед пишет, что «судьба была милостива к Давачи, позволив ему сесть на трон могущественной кочевой империи, и одновременно безжалостна, заставив быть свидетелем ее гибели. Его удел находился на территории Восточного Казахстана по соседству с казахскими кочевьями и севернее удела его сторонника, превратившегося во врага — Амурсаны» [Хафизова, 2015].

¹ Бурдуков А. В. Калмыки и сарт-калмыки для народов СССР / А. В. Бурдуков // Архив востоковедов ИВР РАН. Ф. 165. Оп. 1. Ед. хр. 2. С. 3.

Рукопись сборника «Калмыцкие песни», хранящаяся в рукописном отделе библиотеки Восточного факультета СПбГУ, содержит единственный текст песни о последнем хане Джунгарского ханства Давачи (Даваца) (№ 51). Варианты настоящей песни авторами статьи не обнаружены в калмыцком песенном фольклоре, а также в устном народном творчестве других ойратских народов Монголии и Китая. В тексте песни воспеваются нойон Давачи, который совершает поход в целях укрепления Джунгарского ханства. Из источников известно, что Давачи стремился установить прочные связи с Тибетом, получить его поддержку в духовно-сакральном значении и политическое признание. Лхаса могла помочь прекратить вражду между вождями и объединить разрозненные монгольские племена [Хафизова, 2016. С. 283].

<i>Шил гиж шилви.</i>	Горный хребет
<i>Хо буһин шилви.</i>	Где обитают белые олени.
<i>Сидтэ нойн Давач, хээрхн,</i>	Хайрхан ² , волшебный нойон Давачи,
<i>Шажихэн сергж мордв гилэ.</i>	Говорят, [что он] отправился в поход для возрождения своей религии.
<i>Туңһг гүүнэ уһһн гилэ,</i>	Говорят, [что его скакун] был жеребенком перво-жерёбой кобылицы,
<i>Туулн халтриһэн көлгж гилэ.</i>	Говорят, [что он] сел верхом на мухортого пятилетку.
<i>Туңһлг ухата Давач, хээрхн,</i>	Хайрхан, с ясным умом Давачи,
<i>Шажихэн сергэхэр мөрлж гилэ.</i>	Говорят, [что он] отправился в поход для возрождения своей религии.

Предварительное рассмотрение рукописно-го сборника «Калмыцкие песни», хранящегося в рукописном отделе библиотеки Восточного факультета Санкт-Петербургского государ-

² Хайрхан — междометие, букв. 'О, боже'.

ственного университета, выявило редкие на сегодняшний день четыре образца калмыцких исторических песен «туужин дуд», воспевающие ойратскую знать XVII–XVIII вв. Авторы статьи предполагают, что данные песни были привезены на Волгу в первой половине XVIII в. ойратами, бежавшими из Джунгарского ханства. Синоптический анализ, сравнение калмыцких песен с песнями других ойратоязычных народов (ойратов Синьцзяна, сарт-калмыков Киризии) показали их текстуальную близость. В калмыцких песнях повествование ведется от лица народа, который славит лучшие качества своих военачальников. В композицию песен широко введены образы из мира природы, также служившие средством художественного

раскрытия исторической личности. Одним из таких чисто народных композиционных приемов является психологический, или образный параллелизм. Широко используются в песнях средства художественного изображения: эпитеты, сравнения, метафоры, параллелизмы и др.

Таким образом, исследование текстов калмыцких исторических песен из рукописного сборника «Калмыцкие песни», позволило установить, что настоящие тексты песен являются уникальными образцами калмыцкого песенного творчества. В дальнейшем предстоит более глубокий комплексный анализ всех текстов песен, представленных в рукописном сборнике «Калмыцкие песни».

Использованная литература

Доржцэрэн, Ганболд, 2018: *Доржцэрэн Б., Ганболд М.* Галдамбаа: дуу, домог. Улаанбаатар: Соёмбо принтинг, 2018. 128 с.

Dorzhtseren B., Ganbold M. Galdambaa: duu, domog [Galdambaa: songs and legends]. Ulaanbaatar: Soembo printing Publ., 2018. 128 p.

Златкин, 1964: *Златкин И.Я.* История Джунгарского ханства. (1635–1758). М.: Наука, 1964. 482 с.

Zlatkin, I.Ia. Istoriia Dzhungarskogo khanstva. (1635–1758) [History of Dzhungar Khanate. (1635–1758)]. Moscow: Nauka Publ., 1964, 482 p.

Лунный свет, 2003: Лунный свет: Калмыцкие историко-литературные памятники: пер. с калм. / сост., ред., вступ. ст., предисл., коммент. А. В. Бадмаева. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2003. 477 с.: ил.

Lunnyi svet: Kalmytskie istoriko-literaturnye pamiatniki: per. s kalm. / sost., red., vstup. st., predisl., koment. A. V. Badmaeva [Moonlight: Monuments of Kalmyk history and literature: trans. Kalm. into Russ. / comp., ed., foreword, comment. by A. V. Badmaev]. Elista: Kalmyk book publishing house, 2003. 477 p.

Лыткин Ю., 1860; 1861: *Лыткин Ю.* Хошоутовский нойон Галдама // Астраханские Губернские ведомости. Астрахань, 1860, № 45–46; 1861, № 7–8, 13, 15, 16, 18, 20, 22, 26–29.

Lytkin Yu. Khoshoutovskii noion Galdama [Galdama, the noyon of Khoshout ulus] // Astrakhanskii Gubernskie vedomosti. Astrakhan', 1860, № 45–46; 1861, № 7–8, 13, 15, 16, 18, 20, 22, 26–29.

Норбо, 1999: *Норбо Ш.* Зая-пандита (материалы к биографии) / пер. со старописм. монг. яз. Д. Н. Музраевой, К. В. Орловой, В. П. Санчирова. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1999. 335 с.

Norbo Sh. Zaia-pandita (materialy k biografii) / per. so staropis'm. mong. iaz. D. N. Muzraevoi, K. V. Orlovoi, V. P. Sanchirova [Zaya Pandita (materials for a biography) / transl. with old mong. lang. by D. N. Muzraeva, K. V. Orlova, V. P. Sanchirov]. Elista: Kalmyk book publishing house, 1999. 335 p.

Очилов, 2006: *Очилов Н.* Живая старина = Мөңк дееж: из литературного наследия / Номто Очилов; сост., вступ. ст., коммент. Б.А. Бичеева. Элиста: Калмыцкое кн. изд-во, 2006. 397 с.

Ochirov N. Zhivaia starina = Mönk deej: iz literaturnogo naslediiia / Nomto Ochirov; sost., vstup. st., koment. B.A. Bicheeva. [Living antiquity = Monk deej: from the literary heritage / Nomto Ochirov; comp., intro., comment. by B. A. Bicheev]. Elista: Kalmyk book publishing house, 2006. 397 p.

Санчиров, 1987: *Санчиров В. П.* Джунгарский хан Давац: правитель и пленник // XVIII-я научная конференция «Общество и государство в Китае». Ч. II. М.: Наука, 1987. С. 144–146.

Sanchirov V. P. Dzhungarskii khan Davatsi: pravitel' i plennik [Dzungar Khan Davatsi: Ruler and Captive] // XVIII-ia nauchnaia konferentsiia "Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae". Pt. II. Moscow: Nauka Publ., 1987. P. 144–146.

Рукописи и ксилографы, 2014: Рукописи и ксилографы на восточных языках в Научной библиотеке им. М. Горького СПбГУ / Под редакцией В. Л. Успенского. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2014. 176 с.

Rukopisi i ksilografiy na vostochnykh iazykakh v Nauchnoi biblioteke im. M. Gor'kogo SPbGU [Manuscripts and woodcuts in oriental languages in the Scientific Library. M. Gorky St. Petersburg State University] Edited by V. L. Uspensky. St. Petersburg: Faculty of Philology of St. Petersburg State University Publ., 2014. 176 p.

Хафизова, 2015: Хафизова К. Ш. Джунгарский хан Даваца // Республиканский общественно-политический журнал «Мысль». URL: <https://mysl.kazgazeta.kz/news/6702>.

Khafizova K. Sh. Dzhungarskii khan Davatsi [Dzungar Khan Davatsi] // Republican socio-political magazine «Thought». URL: <https://mysl.kazgazeta.kz/news/6702>.

Хафизова, 2016: Хафизова К. Ш. Хан Даваца и буддизм // Буддизм Ваджраяны в России: Традиции и новации. Коллективная монография. Научное издание / Отв. ред. А. М. Алексеев-Апраксин; сост. В. М. Дронова. М.: Алмазный путь, 2016. 700 с.

Khafizova K. Sh. Khan Davatsi i buddizm [Khan Davatsi and Buddhism] // *Buddizm Vadzhraiany v Rossii: Traditsii i novatsii. Kollektivnaia monografiia* [Vajrayana Buddhism in Russia: Traditions and Innovations. Collective monograph] Ed. by A. M. Alekseev-Apraksin; comp. by V. M. Dronova. M.: Diamond Way, 2016. 700 p.

Чимитдоржиев, 2002: Чимитдоржиев Ш. Б. Национально-освободительное движение монгольского народа в XVII–XVIII вв. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2002. 214 с.

Chimitdorzhiev Sh. B. Natsional'no-osvoboditel'noe dvizhenie mongol'skogo naroda v XVII–XVIII vv. [The national liberation movement of the Mongolian people in the 17th–18th centuries]. Ulan-Ude: Buryat Scientific Centre of the Siberian Department of the Russian Academy of Sciences Publ., 2002. 214 p.

Uspensky, 1999: *Uspensky V.* Catalogue of the Mongolian Manuscripts and Xylographs in the St. Petersburg State University Library / Compiled by V. L. Uspensky with assistance from O. Inoue. Edited and Foreword by T. Nakami. Tokyo: Institute for the Study of Languages and Cultures of Asia and Africa, 1999. XV, 530 p.

THE KALMYK SONGS DEDICATED TO THE OIRAT NOBILITY OF THE 17TH–18TH CENTURIES

Boskha Kh. BORLYKOVA, Badma V. MENYAEV

Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov

The article discusses the texts of Kalmyk historical songs about the Oirat nobility of the 17th–18th centuries, presented in the handwritten collection “Kalmyk Songs”, stored in the handwritten department of the Library of the Faculty of Asian and African Studies of St. Petersburg State University. The lyrics observed are unique examples of Kalmyk song creation.

Key words: Kalmyk historical songs, collection “Kalmyk songs”, Eastern Department of the M. Gorky Scientific Library of St. Petersburg State University, Oirat nobility of the 17th–18th centuries, Galdama, Mokush noyon, Davachi.

About the authors:

Boskha Kh. BORLYKOVA — Cand. Sc. (Philology), Researcher, Scientific Department, Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov (11, Pushkin St., Elista, 358000, Russia). ORCID 0000-0001-9264-3430 (borlboskha@mail.ru).

Badma V. MENYAEV — Specialist, International Research Center “Oirats and Kalmyks in the Eurasian Space”, Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov (11, Pushkin St., Elista, 358000, Russia). ORCID 0000-0002-9205-4537 (bmeyae@mail.ru).

Ганболд БЯМБАРАГЧАА
Институт истории и этнологии МАН

МОНГОЛЬСКАЯ ИГРА В БАБКИ НА ЛЬДУ

Игра представляет собой один из видов развлекательной деятельности человека. Игра отражает историческое развитие этноса: его представление о социуме, истории, культуре. Для скотоводческого общества игра является особенно важным элементом культуры, имеющим функцию социальной сети, ее можно назвать нитью, соединяющей людей, «клеем», скрепляющим общество. Игра вобрала в себя элементы обряда, традиции, она связывает человека с прошлым, воссоздает, моделирует поведение человека более ранних исторических периодов. Игра — это одна из форм драматургии, формирует краткосрочные связи между членами общества, тем самым объединяя общество. Игра в бабки (монг. шагай) на льду — одна из распространенных традиционных игр монголов. Она является единственной традиционной игрой у них в зимнее время, напрямую зависит от традиционного образа жизни народа, включает в себя ряд религиозных элементов. Известно, что эта игра была наиболее развита у западных халха-монголов, однако, до настоящего времени генезис этой игры точно не выяснен. В статье дается характеристика игры, ее значение, описание, правила, особенности.

Ключевые слова: монголы, культура, развлечения, игра в бабки на льду

Об авторе: Ганболд БЯМБАРАГЧАА, магистр, завсектором Социальной и культурной антропологии, Института истории и этнологии МАН (Монголия, 13330, Улан-Батор, Баянзурх район, Энхтайван пр. 54А). (Byambaragchaag@mas.ac.mn).

© ИВР РАН, 2022

© Бямбаргчаа Г., 2022

Традиционная народная игра являлась элементом культуры сотен народов мира на протяжении многих веков их развития. Из древних источников известно, что главы разных племен и родов организовывали во время деловых встреч и собраний пиры и игры. Игра была одним из элементов переговоров, средством преодоления и разрешения споров и противоречий. Пространство игры строго устроено, участники составляют четко организованное сообщество, правила и обычаи жестко зафиксированы. На пространстве игры становятся возможными и активизируются многосторонние отношения в обществе, она дает возможность установить контакт между людьми с разными мнениями. Кроме того, игра становится связующей нитью между традиционным и современным обществом, в ней сохраняется и передается историко-культурное наследие сообщества.

Среди монголов игра и традиция, связанная с ней, стала важным культурным элементом. Игра — это не только забава, она несет знание о глубоких основах общества, становится неким «зеркалом», отражающим народную культуру. Известные исследователи-этнологи Монголии С. Бадамхатан и Б. Нямдорж предлагали рассматривать игры не только в развлекательном контексте, но и как источник знаний о психологии, педагогике [Бадамхатан С. Нямдорж Б. 1998].

Так как любая игра рождается и развивается в определенной исторической сфере этноса, она может стать одним главным объектом исследования этнологии и общественно-культурной антропологии. Немало объектов, связанных с играми были обнаружены среди археологических находок, которые показывают особенности похоронов, жертвоприношений и разных ритуалов как материальные памятники.

ки народов на возвышенности Центральной Азии. В том числе, лодыжки мелких и крупных скот с разными метками и чертами внутри погребений детей хунского периода были обнаружены на территории Монголии. Существует обычай делать некоторых костей домашних животных как объект верования, уважения и духовной культуры в рамках монгольской этнической культуры. Такими костями являются лопатки [Эрдэнэбаатар. 2002] и лодыжки мелких и крупных скот.

Любая игра рождается и развивается в определенный исторический период формирования этноса, поэтому она может стать одним из главных объектов исследования этнологии и социальной антропологии. Немало артефактов, связанных с играми, было обнаружено среди археологических находок при раскопках погребений и жертвенников на возвышенности Центральной Азии. На территории Монголии в погребениях детей хунского периода были найдены бабки (они же — альчики) мелкого и крупного скота с разными метками и чертами. У монголов существует обычай делать ритуальные объекты из некоторых костей домашних животных. Для этих целей используются лопаточные [Эрдэнэбаатар. 2002] и таранные кости (т.е. лодыжки) мелкого и крупного скота.

Исследование способов применения таких костей по данным раскопок археологических памятников древних монгольских племен приводит к выводам о разных формах почитания и использования костей в качестве игровых предметов [Эрдэнэбаатар. 1994]. Археологических свидетельств об игре в бабки мало, что может говорить о том, что игра появилась позже. Но обнаружение при археологических раскопках погребений костей домашних животных, в том числе бабок, занимающих важное место среди игр монголов, позволяет думать, что игра в бабки существовала уже тогда.

В качестве доказательств можно привести следующие результаты исследований по этой теме: на склоне горы Баянзурх бригады Хантай сомона Хутаг-Ундор Булганского аймака в погребении №2 были обнаружены 22 таранные кости крупного домашнего скота; в погребении ребенка №3, сопутствующего погребению

№1 хунского аристократа в урочище Балгасан тал бригады Хануй сомона Ундор-Улан Архангайского аймака было найдено более 250 таранных костей овец и коз; в хунском погребении, раскопанном Ю. Д. Талько-Гринцевичем, Г. П. Сосновским и П. Б. Коноваловым — 52–53 таранные кости овец и коз. Эти кости при захоронении играли роль погребального инвентаря. Использовались они и для детских игр. В детских погребениях обнаруживали наибольшее количество бабок, например, в погребении №1 группы хунских погребений на сопке Наран близ горы Барзан в сомоне Улзийт, Убурхангайского аймака в 1998 году найдено более 400 бабок овец и коз.

Традиционные монгольские игры, их разновидности, правила, распространение среди монголов и некоторые другие аспекты часто становились предметом интереса исследователей. Этнологи С. Бадамхатан и Б. Нямдорж занимались изучением игр и забав монголов на западе и востоке страны. С. Бадамхатан в своей работе по традиционным играм и забавам на востоке Монголии подробно описывала виды, правила и особенности игр этнической группы Дариганга. Этот труд занимает значимое место в этнологии Монголии, в частности, в исследовании истории культуры на примере игр [Бадамхатан С. Сүхбаатар Ж. 1962]. Для истории изучения темы также важным является труд Н. Намжилдоржа в двух томах о традиционных играх на доске [Намжилдорж Н. 1963, 1966].

Игры и забавы как элемент культуры этноса рождаются и живут в тесной связи с особенностями быта, с нравом и менталитетом народа, с климатическими условиями, в которых живет то или иное сообщество. Исследователи делят традиционные игры монголов по различным видам техники, игровым предметам и действиям игроков. Исследователь Х. Дарамбазар выделил следующие виды:

1. Спортивные игры
2. Словесные игры
3. Игры в бабки
4. Игры на доске
5. Игры в пальцы
6. Игры в петли

7. Игры с деталями и задвижками
8. Головоломки по сборке деталей
9. Головоломки по складыванию и резанию
10. Игры в картинки
11. Игра по сборке юрты
12. Игры по сборке других предметов
13. Магические игры [Дарамбазар Х. 1979].

И исследователи Ш. Сүхбат и Ш. Нарантуяя разделили монгольские игры на следующие виды по их содержанию и признакам:

- Игры в слова
- Головоломки по сборке
- Спортивные игры
- Игры на доске
- Игры с фигурами [Сүхбат Ш., Нарантуяя Ш., Өлзийсайхан И. 2012].

Игра в бабки (шагайн наадаан) является самой распространенной из монгольских традиционных игр. Она выросла из основных занятий и образа жизни монголов под влиянием климатических и географических особенностей региона. Для игры используются таранные косточки овец, коз, оленей. Игроки кидают их «щелчками», предварительно складывая определенным образом. Кроме того, бабки из оленьих косточек расставляют на деревянной доске, образуя мишень в виде квадрата, куба, круга или овала. В зависимости от местности

в игре может использоваться биток из тонкой маленькой прямоугольной кости оленя. В игре льду, одной из разновидностей игры в бабки, в качестве битка применяют маленький плоский кусок свинца. Самое раннее упоминание об игре в бабки на льду у монголов можно обнаружить в «Сокровенном сказании». О том, что Тэмужин и Жамуха играли в бабки на льду реки Онон в раннем детстве, в памятнике пишется так: «Жамуха дал одиннадцатилетнему Тэмужину лодыжку оленя, а Тэмужин дал в ответ ему лодыжку с дырками в знак начала дружбы, и они играли в стрельбу в игральные лодыжки на льду, отмечая дружбу» [Дамдинсүрэн Ц. 2000]. Это дает основание заключить, что уже в конце XII века игра в бабки была распространена у монголов, и таранные косточки скота использовали как игральные кости. Позже, когда в территориально-административном устройстве появились аймаки и хошуны, по рассказам местных жителей игра в бабки была популярна в хошуне Заяя.

Традиция этой интересной игры сохраняется на западе Монголии и в Архангайском аймаке и разнится в зависимости от географических и климатических особенностей. Изданные и введенные в научный оборот исследования этой игры очень малочисленны. Игра в баб-

Рис. 1. Игра в бабки: метание битка

ки на льду называется по-монгольски 'шагалцах', бабки для игры на льду — 'мөсөн шагай', стрельба по очереди, которой придерживаются игроки — 'өрөг харвах'. В игре используются 4 бабки, шарик размером с кулак (хушга), биток (зах) и доска, засыпанная пеплом для записи очков. Хушга делали из кожи яичек быка, которую надували и сушили. В наше время этот полый шарик делается из разных материалов, в том числе и из бумаги. Зах делали из рога дикого барана или латуни. Сейчас биток отливается из свинца, стали или латуни, он может покрываться латунью, иметь желобки с обеих сторон или быть полым; в таком случае внутри помещается маленький кусочек свинца или 120-граммовый патрон.

Биток при броске зажимается в руке определенным образом: указательный палец помещается в желобок с передней стороны битка, средний — в желобок сзади и придерживается большим пальцем с левой стороны и безымянным — с правой. Рука, которая держит зах должна быть опущена прямо вниз, согнутая противоположная нога ставится вперед, рука держится над этой ногой. Другая нога отводится немного назад, торс устремляется вперед и делается небольшое углубление во льду для ноги, чтобы не поскользнуться. В момент броска нога, находящаяся сзади, резко выпрямляется, рука с битком делает замах и бросок. После броска битка тело игрока скользит по льду по инерции. Рука, держащая биток, при броске держится прямо, а большой палец придает ускорение битку. Маленький кусок свинца внутри битка утяжеляет его и увеличивает скорость и дальность броска. Свинец выбран из-за его большого удельного веса, который составляет 11,34 г/см³. Кусочек свинца, ударяясь о переднюю стенку битка, изменяет центр его тяжести, за счет этого бросок становится более точным. Путь, пройденный битком, называют 'аваа', что дословно означает 'препятствия и изъезы льда'.

Традиционно в одной команде могла быть от 2 до 24 игроков. Сейчас — строго двое. В одну партию каждый игрок совершает 4 броска. После этого игрок идет к мишени (өрөг), то есть бабкам и шарикам, в которые стреляют.

Игроки двух команд договариваются о количестве партий. Обычно играют 9 партий. Два игрока одной команды стреляют по очереди и после бросков уходят к мишени. Человек у мишени следит за брошенным битком игрока своей команды и считает его очки. Этого человека, ответственного за битки, называют 'зах маллагч'.

Существуют разные способы расположения мишеней, роль которых выполняют шарики (хушга), бабки непосредственно по обе стороны от шарика (цовхи) и остальные бабки. Бабки могут быть расставлены так: между цовхи и шариком оставляется щель в два пальца, между цовхи и крайней бабкой — в пядь, а под бабки кладется волос коровы, чтобы обозначить положение и увидеть смещение. При установке шарика (хушга) делается маленькое углубление под ним во льду. Если игрок попадает в бабку на самом краю, то он получает 1 очко. Если биток проходит между цовхи и крайней бабкой, то игрок также получает очко. Если биток попадает в шарик (хушга), игроку дается три очка.

Если биток попадает и в хушга-шарик, и в цовхи-бабку, то такой бросок называется 'парнайдсан', и игрок получает 1 очко. Как отмечал в своих исследованиях Ш. Баасанжав, «...в древности один из видов попаданий назывался 'парнайдах', а в современности правила игры в бабки на льду изменились, и при парнайдах перестали давать очко». Кроме парнайдах между шариком-хушга и соседней бабкой оставляется щель, размером чуть больше битка. Это пространство называют 'зулбаа'. Когда биток проходит здесь и не задевает ничего, такой бросок также называют 'зулбаа'. Игроки не любят делать броски в позицию зулба. Если биток попадает в шарик-хушга и соседнюю бабку в позиции зулба, то игрок получает 3 очка [Шаравын Баасанжав. 2013].

При фиксации очков начинают рисовать фигуру храма по одной черте за каждое очко. Выигрывает та команда, у которой рисунок с силуэтом храма получается более ясный и законченный. Путь битка отмечается линией — 'шав'. После девятикратного попадания в мишень ставится одна точка. После 25 бросков все баллы суммируются и записываются. На-

бравший самое большое количество баллов называется 'богатым', занявший второе место — 'пузатым' (гүзээ). После 20 бросков число бабок сокращается, промежутки между ними уменьшаются. В начале игры общая длина расставленных в качестве мишеней бабок достигает одной маховой сажени (почти двух метров), затем уменьшается до полутора аршин (около одного метра). После этого бабки подсчитываются, и очки игроков сравниваются. Используется всего 5 мишеней. Хушга-шарик, являющийся центральной мишенью, размещается на уровне челюсти игрока. Раньше бросали с дистанции в 36 луков (один лук — 160–200 см); в настоящее время — 70–80 метров. Главного игрока в команде называют 'дуйжаа' (кит. компаньон, член одной команды, наш человек). Второго члена своей команды дуйжаа зовет 'эх', означающим по-монгольски 'начинающий', потому что он начинает каждую партию. Дуйжаа и эх совершают броски по очереди. Последние 4 броска делает дуйжаа. Эту партию называют 'дашийн дуйжаа' (от тиб. 'даш', что означает 'счастливый') [Гомбын Баатарцогт. 2014]. Все хотят быть дуйжаа и иметь право участвовать в партии Даш, так как тот, кто стреляет последним четыре раза, обязательно выигрывает.

В Монголии в бабки на льду играли издавна. Это подтверждается документами о наличии традиции игры в 4 кости в церемониях открытия и закрытия сезона игр на льду. Игроки собираются и проводят церемонию открытия сезона игр в бабки на льду, когда на реке вста-

ет лед. Это обычно происходит в середине ноября; определенный день открытия сезона не установлен, главное условие — лед на реке должен встать полностью.

Весной, когда лед начинает таять, устраивается последнее в году соревнование, во время которого проводится церемония закрытия сезона. Это состязание считается самым важным. В этот день готовятся угощения, накрывается стол, само соревнование поэтому называется 'игра во время пира'. За игру каждый участник бросает биток 4 раза, того, кто попал в мишень больше всех раз, называют 'лама'. Ламе оказывают почести, сажают первым в ряду игроков. Справа от ламы сидит занявший второе место, а слева — занявший третье. Попавший в мишень меньше всех именуется 'приносящий барана', его обязанностью становится приготовление баранины для игроков и прислуживание на пиру. Лама раздает всем куски баранины в определенном порядке, и начинается пир.

Таким образом, монгольская игра в бабки на льду, как каждая народная игра имеет свою историю происхождения, особенности развития, свое пространство и значение в культуре. Будучи забавой, развлечением, она в то же время является частью истории культуры своего народа. Верования и религиозные ритуалы находят свое отражение в происхождении этой игры и ее историческом развитии, а общественные и культурные процессы влияют на ее содержание.

Использованная литература

Бадамхатан С., Сүхбаатар Ш. Дарьгангын хүүхдийн тоглоом. Улаанбаатар, 1962. [Badamkhatan S., Sukhbaatar Zh. Children's games in Dariganga]. Ulaanbaatar. 1962.

Бадамхатан С, Нямдорж Б. Өөлдийн уламжлалт тоглоом. Ховд., 1998 [Badamkhatan S, Nyamdorj B. The traditional game in Uuld group]. Khovd., 1998.

Дамдинсүрэн Ц. Монголын нууц товчоон. Улаанбаатар, 2000 [Damdinsuren Ts. Secret History of Mongolia]. Ulaanbaatar, 2000.

Дарамбазар Х. Монголын уламжлалт тоглоомын системийн хөгжлөөс. // Studia Historica. Tomus XIV, Fasc. 1-16. Улаанбаатар, 1979 [Darambazar Kh. On the systems of the Mongolian traditional game // Studia

Historica]. Tomus XIV, Fasc. 1-16. Ulaanbaatar, 1979.

Намжилдорж Н. Хөлөгт тоглоом I, II. Улаанбаатар, 1963, 1966 [Namjildorj N. Game in the ship I, II]. Ulaanbaatar, 1963, 1966.

Сүхбат Ш, Өлзийсайхан Ш. Монгол тоглоом. Улаанбаатар, 2012 [Sukhbat Sh, Ulziisaikhan Sh. Mongolian game]. Ulaanbaatar, 2012.

Эрдэнэбаатар Д. Монгол нутгийн дөрвөлжин булш, хиригсүүрийн соёл. Улаанбаатар, 2002. [Erdenebaatar D. The culture of the square tomb and a thip in Mongolia]. Ulaanbaatar, 2002.

Эрдэнэбаатар Д. Монголчуудын шагай, шагай чөмөг эрхэмлэх ёсны тухай (VII–XIV зуун). // Түүхийн судлал. Том XXVII, Fasc. 10. Улаанбаатар,

1994 [*Erdenebaatar D.* On the ankle and ankle for cheaters of the Mongols (VII-XIX century) // *Studia Historica*]. Tom XXVII, Fasc 1-10. Ulaanbaatar, 1994.

Информанты

1. Гомбо Баатарцогт — муж., 53 г.
2. Шарав Баасанжав — муж., 65 лет.

MONGOLIAN KNUCKLEBONES GAME PLAYED ON ICE

Ganbold BYAMBARAGCHAA

Institute of History and Ethnology of the Mongolian Academy of Sciences

A game is one of the types of human entertainment activities that reflects the historical development of an ethnic group — its idea of society, history, culture. For a nomadic pastoral society, the game is an especially important element of culture. It performs the function of a social network, a thread connecting people, a “glue” that holds society together. The game has incorporated elements of ritual and tradition. By connecting a person with the past, it recreates and models the behavior of people of earlier historical periods. Being one of the forms of drama, it creates short-term connections between members of society, thereby consolidating it. The knucklebones (Mong. шарай) is one of the most common traditional games of the Mongols. The article describes knucklebones game played on ice — the only traditional game which is played by the Mongols in winter time. This game is directly related to the traditional way of life of the Mongols. At the same time it includes a number of religious elements. It is known that the game was most widespread among the Western Khalkha Mongols. However, to date, the origin of this game remains unclear.

Key words: Mongols, culture, entertainment, knucklebones game played on ice

About the Author: **Ganbold BYAMBARAGCHAA**, M.D., Head of the Sector of Social and Cultural Anthropology, Institute of History and Ethnology of MAN (54A, Enkhtaivan pr., Bayanzurkh dist., Ulaanbaatar, 13330, Mongolia). (Byambaragchaag@mas.ac.mn).

Ю. А. Иоаннесян

Институт восточных рукописей Российской академии наук

ГЕРАТСКИЙ ПРЕДЛОГ TA(Y)-YE / TEY-YE: ФОНЕТИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ИЛИ КОНТАМИНАЦИЯ ДВУХ ПРЕДЛОГОВ?

В статье рассматривается предлог гератского диалекта, полностью совпадающий по семантике и грамматическим функциям с персидским предлогом *tu-ye*, но фонетически более сходным с предлогом *ta(h)-e*. На основе анализа, сопоставления с аналогами в других персидских и иранских диалектах автор приходит к выводу, что с высокой долей вероятности можно предположить, что указанный гератский предлог исторически представляет собой контаминацию *tu-ye* и *ta(h)-e*, чему способствовали фонетическая близость и отчасти перекликающийся круг грамматических значений обоих предлогов. При этом, с синхронной точки зрения, данный предлог в гератском вполне корректно рассматривать как диалектный вариант персидского *tu-ye*.

Ключевые слова: персидская диалектология, иранская диалектология, персидские диалекты Хорасана.

Об авторе: Иоаннесян Юлий Аркадьевич, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт восточных рукописей РАН (Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18). ORCID 0000-0003-2936-1128 (youli19@gmail.com).

© ИВР РАН, 2022

© Ю. А. Иоаннесян, 2022

В гератском диалекте персидского языка, принадлежащем к диалектам хорасанской группы, широко представлен предлог *ta(y)-ye* / *tey-ye*, который, по-видимому, является местным вариантом *tu-ye*, обычно используемым в современном разговорном персидском языке (но не в афганском персидском — дари). Он выражает весь спектр значений, передаваемых *tu-ye* в персидских диалектах на территории Ирана, однако фонетически звучит гораздо ближе к *ta(h)-e* (образовано от *ta(h)* — «низ, вниз»). Совпадающий с ним по форме и семантике предлог отмечен И. М. Оранским в таджикском говоре группы «кавол» Гиссарской долины Средней Азии, носители которого являются сравнительно недавними переселенцами из Афганистана [Оранский, 1983. С. 24, 28, 163]. Изафетный предлог, образованный от *ta(h)* — «низ, вниз», приводится в форме *taui* в Таджикско-русском диалектном словаре (юго-восточный Таджикистан) А. З. Розенфельд [Розенфельд, 1982. С. 198]. Правда, в го-

ворах указанного региона, как явствует из данного словаря, этот предлог семантически тесно связан с существительными *ta(h)* и *tag* — «низ, вниз» и закономерно означает «под». Значения же фонетически совпавшего или схожего с ним предлога в гератском диалекте персидского и в «кавол» (одно из которых направительное) другие. Оранский не обошел вниманием это обстоятельство в говоре «кавол» и, очевидно, по причине его отличной семантики от слова *ta(h)* — «низ, вниз» справедливо допустил этимологическую связь предлога прежде всего с персидским *tu-ye*. Так, Оранский указывает: «*taui* – предлог с направительным значением. К персидскому *tu*, *tu-y-i* (?) или *tāh-i* (?)» [Оранский, 1983. С. 163].

В гератском диалекте, исследованию которого на основе собранных нами в Афганистане полевых материалов посвящена серия наших работ, предлог в форме *tu-ye* не отмечен, а весь круг его значений передается посредством *ta(y)-ye* / *tey-ye*. Правда, В. Иванов указывает

на единичный пример употребления *tu* в качестве предлога (без *изафета*) в языке трактата А. Ансари (*Табакат ас-суфийа*)¹ под сильным влиянием гератского диалекта (сочинение датируется лишь приблизительно — ранним средневековьем): مجرد تو جهان توئى [Ivanow, 1923. P. 363] «одинок ты в этом мире». Иванов видит в сочетании *tu jahân* тот же предлог *tu(-ye)*, широко распространенный в современном полуофициальном персидском языке Ирана и его диалектах. Однако, несмотря на ценность данного примера как такового, едва ли можно по единичному случаю, к тому же, в тексте рукописи, в котором не исключены искажения и ошибки переписчика, делать обобщающий вывод о его употреблении в средневековом гератском диалекте. Не случайно и Ж. Лазар, использовавший этот трактат Ансари в числе источников для своего труда о языке ранних новоперсидских памятников, обходит молчанием данный предлог².

В современном гератском диалекте, как уже отмечалось, предлогу *tu-ye* полностью соответствует предлог, выступающий в форме *ta(y)-ye / tey-ye*, что наглядно иллюстрируется примерами в нижеследующей таблице:

Фразы из гератского диалекта	Примеры из литературного персидского и других персидских диалектов
Ваџе <i>dor³ raf tey-ye sanduġ</i> — «юноша залез в ящик»	<i>Tu-ye sanduġ ċiz-i nab-ud⁴</i> — «в сундуке ничего не было» [Рубинчик, 1985. Т. 1. С. 405]
Šarap amitô aftâd tey-ye ċâ — «шлеп – упал в колодец»	<i>Tu ċâ oftâd⁵</i> — «он упал в яму» [Пейсиков, 1960. С. 88].

¹ См. об этом трактате также [Lazard, 1963. P. 110].

² Этот автор упоминает его лишь раз как принадлежащего исключительно к современному разговорному персидскому [Lazard, 1963. P. 386].

³ Стяжение из *darun* (*darun > dorun > doru > dor*).

⁴ Латинская транскрипция наша.

⁵ Латинская транскрипция наша.

Фразы из гератского диалекта	Примеры из литературного персидского и других персидских диалектов
<i>Ta-ye otâġ-e to mišinom</i> — «я посижу у тебя в комнате»	...Ваџе <i>tu otâġ-e pâin bâše... bisar-o sedâtar-e⁶</i> — «если ребенок будет нижней комнате, то будет спокойнее» [Lazard, 1957. P. 248].
<i>Did ke aks-e az i be tey-ye⁷ ou</i> — «он увидел, что в воде ее отражение»	(биржандский диалект): <i>yak âks-i az surât-e xu tu ow di⁸</i> — «она увидела отражение своего лица в воде» [Ivanow, 1928. P. 257].
<i>Bəm⁹ tey-ye xunε</i> — «в доме»	<i>Tu xune</i> — «дома, в доме» [Пейсиков, 1960. С. 90].
<i>Pulâ-r bəm tey-ye kisa xo kardom</i> — «я положил деньги себе в карман»	(мешхедский диалект): <i>gâdâ pulâ-râ gâruf râx tu-yâ kisâš¹⁰</i> — «нищий взял монеты, ссыпал себе в карман» [Massé, 1925. P. 95].
<i>I bə sar-e ġar u am bə sar-e ġar, didi yak sang bə tey-ye sar mə bezana inâ</i> — «этот раздражен, тот тоже раздражен, того и гляди, они стукнут меня камнем по голове»	<i>Sar-am dard mikone mese inke ċakoš tuš¹¹ mizanan</i> — «голова у меня болит, как будто молотком по ней бьют» [Пейсиков, 1960. С. 124].

В высшей степени примечательно, что в отрывке из хорасанской сказки, которая записана

⁶ Транскрипция слегка изменена.

⁷ Как и *tu(-ye)* в персидском, включая его диалекты, который может образовывать составные предлоги (*dâr tu-ye, âz tu-ye*), так и *ta(y)-ye / tey-ye* в гератском может использоваться с *bε / bə* и *az*.

⁸ Транскрипция слегка изменена.

⁹ В гератском диалекте в поставокальной (чаще конечной) и интервокальной позициях может происходить наращение носовых *n* или *m*: *bεm / bəm* — предлог (*bε / bə + m*).

¹⁰ Транскрипция изменена.

¹¹ Стяжение предлога *tu (-ye)* с местоименной энклитикой 3-го лица *-eš*.

нами в гератской версии и существующая также в бирджандийском варианте, опубликованном Ивановым, предлог (be) tey-ye встречается там, где в бирджандийской версии употреблен (dä) tu-yi:

(Гератский): ...did ou az om dur yak du dâna suÿâyi âmad nezdik âmad, did ke yak-ê bačê pâdšâ-ye, yak-ê bačê wazir-ε, inâ bæ aspâ sowâr âmadan be šekâr, bačê pâdšâ âmad awal did ke... öu xord did ke aks-e az i be tey-ye öu... — «она увидела две черные фигуры, идущие издалека, [когда они подошли ближе], она увидела, что один из них был сыном короля, другой — сыном его министра; приехали на охоту верхом, царский сын [сошел с коня] и пошел [к воде], первый увидел... выпил воды и увидел, что ее (красивой девушки) отражение в воде»;

(Биржандский): ...did äz dur de tâ asp säwâr päydâ šu. Inâ kî näzdik bu – hič – amči raf bæ sär-e diraxt amči lisk. I de säwâr kî âmadâ yak puser-ı pâdšâh bu, yak puser-ı wazil-ı xu, biumâdân läw-ı ow. Pâin âmadâ äz asp. Pâin âmadâ läw-ı ow benišâstâ di dâ tu-yi ow yak aks-ı mâ-yi eftidâ...¹ — «...она увидела, что издалека приближаются два всадника. Когда они подошли близко, ну она тотчас же полезла на дерево, потому что была голая. Те всадники, которые прибыли, подошли к воде; один был сыном царя, другой сыном его министра. Они спустились с коней. Они спустились и сели на берегу, увидели в воде отражение луны» [Ivanow, 1928. P. 257, 269].

Теперь рассмотрим ситуацию шире, обратившись к другим иранским диалектам. В диалектах Фарса имеется предлог (в разных говорах): täi, a täi, a ti, который, как отмечают авторы соответствующего раздела капитального многотомного труда «Основы иранского языкознания», выделяется (сравнительно с современным персидским) своим значением направления: budü täi gälä «иди (букв.: беги?) к стаду», häz rüz a ti bâzâre Isfahün a râ mîšo «каждый день ходил (он) на исфаганский базар» [ОИЯ, 1982. С. 358]. При этом, в данном труде упомянутый предлог возводится к классическому персидскому tak, tah «низ, нижняя часть, дно». Однако нельзя не отметить, что в тех же

диалектах отмечается переход ü > i : rîe — соответствует лит. перс. ru-(y)e «на поверхности», sî — соответствует лит. перс. su-(y)e. Соответственно, теоретически можно было бы допустить и аналогичный переход tûe > tie. Tû < tûe «внутри, посреди» также представлен в этих диалектах. И он семантически сильно переключается, если не совпадает с täi, так как также используется в направительном значении и тоже может использоваться совместно с ä, ср.: mä sël ä tû dâftäre bâvâ-m bânom «я посмотрю в тетрадь своего отца» [ОИЯ, 1982. С. 358, 359].

В лурских и бахтиарских диалектах отмечен предлог: tēi (от tē «дно»), ср. там же указанный выше фонетический переход: rîe — соответствует лит. перс. ru-(y)e «на поверхности», mäimîn — соответствует лит. перс. meumîn «обезьяна». Он также используется в направительном значении: mäimîn râht tēi zâne mullâ näsrâddin «обезьяна пошла к жене Муллы Насреддина» [ОИЯ, 1982. С. 309–310]. Несмотря на сложность выведения этого значения из семантики слова «низ; дно», данный предлог и здесь сопоставляется в указанном труде со словом «дно» (соответствует новоперсидскому tah), хотя направительное значение больше соответствует семантическому кругу персидского tu(-ye), ср.: sar-am dard mikone mese inke čakoš tuš mizanan – «голова у меня болит, как будто молотком по ней бьют» [Пейсиков, 1960. с. 124, ср. Lazard, 1957. P. 73].

Неразрывно связан с данной темой и белуджский послелог -tā с той же семантикой — указанием на нахождение внутри, (по) среди и движение вовнутрь с оттенком направительного значения. Он широко представлен в фольклорных текстах на языке белуджей Туркмении, опубликованных И. И. Зарубиным и послуживших основой для грамматического очерка этого языка, написанного С. Н. Соколовым. Приведем ряд примеров использования данного послелога: (нахождение внутри) gisäi-tā ništ² «сидела дома» [Зарубин, 1932. С. 20], če ast šisägai-tā? «ну что в склянке?» (там же); (движение вовнутрь с оттенком направительного значения) gisäi-tā šut «вошел в дом» (там же).

¹ Транскрипция изменена.

² Здесь и далее транскрипция слегка изменена.

Соколов, хоть и с осторожностью и не без доли сомнения, склоняется к мысли о возможной этимологической связи этого послелога с taḥā «дно»¹, видя в послелоге стяжение из последнего, приводя пример, в котором taḥā означает «среди»: rinday taḥā «среди рындов» [Соколов, 1956. С. 78]. Отметим, что если в отдельных случаях значение указанного послелога и может соответствовать семантике обоих персидских предлогов tu-ye и tāh-e, например, когда речь идет о сосуде, в котором «внутри» может одновременно означать и «на дне» (ср.: če ast šisāgai-tā?, что может быть понято и как «ну что в склянке?», и как «ну что на дне склянки?»), то в других случаях связь между -tā и словом taḥā «дно» (ср.: gisāi-tā šut «вошел в дом») выглядит крайне проблематичной с точки зрения семантики. Укажем также, что значение «среди» характерно и для персидского tu-ye. Так, в речи иранцев можно услышать сочетания: tu(ye) mārdom «среди людей», tu(ye) esfahāni(h)ā «среди исфаханцев» и т.п.

Нам представляется, что ни в одном из рассмотренных выше диалектов соответствующий предлог (в белуджском языке послелог) не может быть *безоговорочно* отнесен или возведен к слову «низ; дно» при игнорировании его семантики, не согласующейся с указанным словом. С другой стороны, выражение направительного значения, как уже отмечалось выше, — одна из главных функций предлога tu(-ye) персидского языка и его диалектов на территории Ирана. Поэтому, сомнения Оранского и осторожность в суждениях Соколова в данном вопросе (см. выше) весьма обоснованы. Это обстоятельство (т. е. невозможность однозначного отнесения предлога к существительному «низ; дно») особенно справедливо в случае с гератским ta(y)-ye / teu-ye, на что указывает как полное функциональное совпадение гератского предлога с tu-ye персидского и его диалектов, включая хорасанские, так и отсутствие tu-ye в гератском, несмотря на то, что он также входит в хорасанскую группу.

Вышеперечисленные обстоятельства свидетельствуют о тесной связи гератского ta(y)-ye/

teu-ye с tu-ye. Фонетический переход tu-ye > ta(y)-ye / teu-ye не представляется невероятным, учитывая отмеченную в данном диалекте частую замену лабиализованных гласных заднего ряда неогубленными гласными переднего ряда после переднеязычных согласных, особенно, d, t, s, š. Однако вполне допустимо также предположить, что предлог этот образовался в результате контаминации tu-ye с ta(h)-e. В гератском h регулярно выпадает, и если это происходит в интервокальной позиции, то на месте h для устранения зияния возникает вставной y. Таким образом, появление форм ta(y)-ye / teu-ye из ta(h)-e для данного диалекта вполне закономерно.

Если гипотеза о контаминации верна, то какие факторы могли поспособствовать этому процессу? На примерах использования предлогов tu(-ye) и tāh-e в современном персидском можно увидеть, что при всей разности передаваемых ими значений, у них есть и точка семантического пересечения или близости. Так, если первый среди прочего означает «внутри, вовнутрь», то второй — «в глубине», ср.: tu-ye bāḡ «внутри/вовнутрь сада», tāh-e bāḡ «в глубине/в глубину сада», tu-ye māšin «в машине/вовнутрь машины», tāh-e māšin «в глубине машины/в глубину машины». Показателен в данном отношении фрагмент из двух фраз фольклорного текста на бирджандском диалекте, опубликованного Ивановым (в бирджандском, как и в других хорасанских диалектах Ирана используются как tu-ye, так и ta(h)-e). В рамках короткого отрывка из двух предложений употреблены два эти предлога с одним и тем же словом (ta² čāy = tu-yi čāh)³, в одном контексте и без изменения смысла: ... i gul-e pāmbā bād wer-dāš bur tā ta čāy. Gul-e pāmbā ki bād bebur duxtār beraf tu-yi čāh [Ivanow, 1928. P. 256–257]. Примечательно, что Иванов оба случая (ta čāy и tu-yi čāh) переводит одинаково, придав обоим предлогам направительное значение: «... the wind blew away a piece of cotton-wool, carrying it to the hole. When the wind blew away the piece of cotton-wool, the girl went to the hole» [Ivanow,

¹ Соответствует персидскому tāh.

² Здесь имеет место выпадение изафета: ta(y)-e > ta.

³ Здесь и далее транскрипция несколько изменена.

1928. P. 259. (подчеркнуто нами)] — «... ветер сдул кусок хлопка, унеся его к яме. Когда ветер сдул кусок хлопка, девушка пошла к яме».

Основание для того, чтобы заподозрить возможность контаминации, дает и лингвистический материал диалектов зороастрийцев Центрального Ирана (габри). Так, Иванов, отмечая использование в этих диалектах предлога tu (без изафета) «в, внутри», широко употребительного, по его наблюдениям, в разговорном персидском, приводит и существительное tug, tuk, tûg в значении «дно, на дне, внизу» (bottom, at the bottom, below), но сопоставляет его не с классическим персидским tû(y)¹, а со словом tah [Ivanow, 1939. P. 37].

¹ Существительное tu (tû) «внутренность, внутренняя часть», к которому возводят персидский предлог tu-ye [Horn, 1898–1901. P. 162, ОИЯ II, 1997. С. 417, Рубинчик, 1985. С. 405], во многих словарях представлено в той же словарной статье, что и tu «слой» [ср.: Vullers, 1855. P. 474; Шукуров и др., 1969. С. 381; Фарханг-е фарси-йе Амид и др.]. Их рассмотрение в качестве одной лексемы не случайно и вполне оправдано как семантически, так и фонетически (полное совпадение). Понятия «внутренность» и «слой» логически тесно связаны между собой, что подтверждается другим предлогом с тем же кругом значений: lâ-ye «в, внутри, между», образованным от синонима tu, существительного lâ «слой». Взаимозаменяемость предлогов tu-ye и lâ-ye можно было бы подтвердить множеством примеров, которые ради краткости изложения мы здесь опустим. Слово tu исторически имело и другие фонетические варианты, что также отражено в некоторых словарях: tûy и tûh [Рубинчик, 1985. С. 412; Vullers, 1855. P. 474; Mo'in, 1977–1978. Vol. 1. P. 1158; Логатнаме-йе Деххода]. При этом, Вуллерс указывает в своем словаре, что гласный в данном слове — *маджгульный*: ô [Vullers, 1855. Там же]. В таджикском толковом словаре: *Фарҳанги забони тоҷикӣ*, отражающем язык классический персидской литературы, данная лексема представлена также с *маджгулем*, как он отображается в таджикской кириллической графике [Шукуров и др., 1969. С. 381]. С учетом этой поправки, исходная форма слова должна быть tōh/tōy/tō. Это позволяет сопоставить его с tōf «слой» среднеперсидского языка [MacKenzie, 1971. P. 83]. Возникновение h на месте исторического f отмечается в персидском в некоторых словах в поствокальной позиции: kuh < kōh, ср. среднеперсидское kōf «гора», dahân, ср. среднеперсидское dahân < *dafân- [ОИЯ, 1982. С. 81; MacKenzie, 1971. P. 51]. Существование вариантов tōh/tōy/tō закономерно и имеет аналоги в истории новоперсидского языка, ср.: kōh/kō «гора», gurōh/gurō «группа», farbih/farbi «жир» [Lazard, 1963. P. 171], худāh/худāy «господин» [Lazard, 1963. P. 169].

Проведенный в статье анализ позволяет констатировать следующее. С высокой долей вероятности можно предположить, что из-за контаминации tu-ye и ta(h)-e в гератском диалекте персидского на каком-то этапе его истории возник единый предлог, фонетически более сходный с ta(h)-e, но вобравший в себя всю семантику tu-ye. Этой контаминации способствовали фонетическая близость и отчасти перекликающийся круг грамматических значений обоих предлогов. При этом, с синхронной точки зрения, данный предлог в гератском вполне корректно рассматривать как диалектный вариант персидского tu-ye. Однако, чтобы определить, применима ли подобная гипотеза и к соответствующему предлогу (или послелогу) в других рассмотренных выше иранских диалектах и белуджском языке, необходимы дальнейшие исследования.

Использованная литература

- Зарубин, 1932: Белуджские сказки, собранные И. И. Зарубиным // Труды Института востоковедения Академии наук СССР. IV. Л.: Издательство Академии наук СССР, 1932.
- Zarubin. Belughskiye skazki, sobrannye I. I. Zarubinyim [The Balutchi tales collected by I. I. Zarubin] // Trudy Instituta vostokovedeniia Akademii nauk SSSR. Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1932.
- Логатнаме-йе Деххода <https://www.vajehyab.com/dehkhoda/%D8%AA%D9%88%DB%8C-2>
(дата обращения: 04.05.22)
Loghatname-ye Dehxoda [Dictionary by Dehxoda] <https://www.vajehyab.com/dehkhoda/%D8%AA%D9%88%DB%8C-2>
(accessed: 04.05.2022)
- Оранский, 1983: Оранский И. М. Таджикиязычные этнографические группы Гиссарской долины (Средняя Азия): этнолингвистическое исследование. М.: Наука, 1983.
- Oranskiy I. M. Tadzhiokoiazychnye etnograficheskie gruppy Gissarskoi doliny (Sredniaia Aziia): etnolingvisticheskoe issledovanie [Tajiki-speaking ethnographic groups of the Hissar valey (Central Asia): an ethnographic-linguistic study]. Moscow: Nauka, 1983.
- ОИЯ, 1982: Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: западная группа, прикаспийские языки. Отв. ред. В. С. Расторгуева. М.: Наука, 1982.
- Osnovy iranskogo iazykoznaniiia. Novoiranskiye iazyki: zapadnaia gruppy, prikaspiyskie iazyki. Novoiranskiye iazyki: zapadnaia gruppy. [The basics of Iranian linguistics. New Iranian languages: the western group, Caspian languages]. Edited by V. S. Rastorgueva. Moscow: Nauka, 1982.
- ОИЯ, 1997: Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: северо-западная группа. II. М.: Восточная литература, 1997.
- Osnovy iranskogo iazykoznaniiia: Novoiranskiye iazyki: severo-zapadnaia gruppy [The basics of Iranian linguistics. New Iranian languages: the north-western group]. II. Moscow: Vostochnaia literatura, 1997.
- Пейсиков, 1960: Пейсиков Л. С. Тегеранский диалект. М.: Издательство ИМО, 1960.
- Peysikov L. S. Tegeranskiy dialect [The Tehrani dialect]. Moscow: IMO, 1960.
- Розенфельд, 1982: Розенфельд А. З. Таджикско-русский диалектный словарь. Л.: Изд-во ЛГУ, 1982.
- Rozenfeld A. Z. Tadzhiisko-Russkii dialektnyi slovar' [A Tajiki-Russian dialectal vocabulary]. Leningrad: Leningrad University Publ., 1982.
- Рубинчик, 1985: Персидско-русский словарь. В 2 томах. Ред. Рубинчик Ю. И. Изд. 3-е, стер. М.: «Русский язык», 1985.
- Persidsko-Russkii slovar' [A Persian-Russian dictionary]. In 2 Volumes. Edited by I. I. Rubinchik. 3rd edition. Moscow: Russkii iazyk, 1985.
- Соколов, 1956: Соколов С. Н. Грамматический очерк языка белуджей Советского Союза // Труды Института языкознания АН СССР. Т. 6. М.: Издательство Академии Наук СССР, 1956.
- Sokolov S. N. Grammaticheskii ocherk iazyka beludzhei Sovetskogo Soiuz [A Grammar sketch of the language of the Balutchi's of the Soviet Union] // Trudy Instituta iazykoznaniiia Akademii Nauk SSSR. Vol. 6. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1956.
- Фарханг-е фарси-йе 'Амид <https://www.vajehyab.com/?q=%D8%AA%D9%88%DB%8C>
(дата обращения: 04.05.22)
Farhang-e farsi-ye 'Amid [The Persian dictionary by 'Amid] <https://www.vajehyab.com/?q=%D8%AA%D9%88%DB%8C>
(accessed: 04.05.2022)
- Шукуров и др. 1969: Шукуров М. Ш., Капранов В. А., Хошим Р., Маъсуми Н. А. Фарҳанги забони тоҷикӣ (аз асри 10 то ибтидои асри 20). Ҷ. 1. М, 1969.
- Šukurov M. Š., Kapranov V. A., Xošim R., Ma'sumi N. A. Farhangi zaboni tojiki (az asri 10 to ibtidoi asri 20) [A Tajiki language dictionary (10th–20th centuries)]. Vol. 1. Moscow, 1969 (in Tajiki).
- Vullers, 1855: Vullers I. A. Lexicon persico-latinum etymologicum. T. 1. Bonnae ad Rhenum [New York?]: Impensis Adolphi Marci, 1855.
- Horn, 1898–1901: Horn P. Neupersische Schriftsprache. In: Grundriss der iranischen Philologie. Herausgeg von W. Geiger, E. Kuhn. Strassburg, 2 Abt., 1898–1901.
- Ivanow, 1923: Ivanow W. Tabaqat of Ansari in the Old Language of Herat // Journal of the Royal Asiatic Society, 55. Cambridge, 1923. P. 1–34, 337–382.

Ivanow, 1928: Ivanow W. Persian as Spoken in Birjand // *Journal and Proceedings, Asiatic Society of Bengal*, N.S. Vol. XXIV. Calcutta: Asiatic Society of Bengal, 1928, pp. 235–351 (in English).

Ivanow 1939: Ivanow W. The Gabri Dialect Spoken by the Zoroastrians of Persia. Part IV // *Rivista degli studi orientali*. Vol. 17. Roma: Tipografo della R. Accademia d'Italia, 1939. P. 1–58.

Lazard, 1963: Lazard G. La Langue des plus anciens monuments de la prose persane. Paris: Librairie C. Klincksieck, 1963.

Lazard, 1957: Lazard G. Grammaire du persan contemporain. Paris, 1957.

MacKenzie, 1971: MacKenzie D. N. A Concise Pahlavi Dictionary. London: Oxford University Press, 1971.

Massé, 1925: Massé H. Contes en Persan Populaire. *Journal Asiatique*. Recueil de Memoire et de notice relatifs aux études publié par la Societe Asiatique. T. CCVI, Paris, 1925.

Mo'in, 1977-1978. Mo'in M. A Persian dictionary. Vols. 1–6. Tehran: Sepehr printing house, 1977–1978.

THE HERATI PREPOSITION TA(Y)-YE / TEY-YE: PHONETIC TRANSFORMATION OR CONTAMINATION OF TWO PREPOSITIONS?

Youli A. IOANNESYAN

Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences

This article deals with a preposition in the Herati dialect, which completely coincides in semantics and grammatical functions with the Persian preposition tu-ye, but is phonetically more similar to the preposition ta(h)-e. Based on the analysis, comparison with analogues in other Persian and Iranian dialects, the author comes to the conclusion that with a high degree of probability it can be assumed that the Herati preposition historically represents a contamination of tu-ye and ta(h)-e, which was facilitated by phonetic proximity and partly echoing circle of grammatical meanings of both prepositions. At the same time, from a synchronic point of view, this preposition in Herati is quite correct to consider as a dialectal variant of the Persian tu-ye.

Key words: Persian dialectology, Iranian dialectology, the Khorasani Persian dialects.

About the author: **Youli A. IOANNESYAN**, Cand. Sc. (Philology), Leading Researcher, Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences (Dvortsovaya Emb., 18, St. Petersburg, 191186, Russia). ORCID 0000-0003-2936-1128 (youli19@gmail.com).

Н. Е. Васильева

ИЗУЧЕНИЕ РУКОПИСИ «МАДЖМУ‘ АТ-ТАВАРӢХ» И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭТНОГРАФИИ НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ

В статье говорится о том, как во второй половине XX века А. Т. Тагирджанов обратил внимание ученых на новый рукописный источник сведений лингвистического, фольклорного, исторического и этнографического характера, в изучение которого активно включились историк В. А. Ромодин, а также лингвист и литературовед В. М. Жирмунский. Рукопись «Маджму‘ ат-таварӢх» («Собрание историй») — список с источника XVI в., написана на таджикском языке в XVIII в. Всеми учеными рукопись была признана уникальной, требующей опубликования. К изучению рукописи В. А. Ромодин подключил своих учеников, однако до сих пор опубликованы только отдельные фрагменты рукописи.

Ключевые слова: «Маджму‘ ат-таварӢх» («Собрание историй»), А. Т. Тагирджанов, В. А. Ромодин, В. М. Жирмунский, «Манас», племена «илатийа».

Об авторе: Васильева Нина Ефимовна, независимый исследователь (vasilieva_nina@mail.ru).

© ИВР РАН, 2022

© Васильева Н.Е., 2022

Занимаясь в конце 1950-х годов описанием рукописей библиотеки Восточного факультета ЛГУ (СПбГУ), А. Т. Тагирджанов (1907–1983) обратил внимание на рукопись под № 963 — «Маджму‘ ат-таварӢх» («Собрание историй»), написанную на таджикском языке в XVI в. и переписанную на рубеже XVIII–XIX вв.

Оценив рукопись как новый источник лингвистических данных, фольклорных и этнографических сведений, относящихся к XVI–XIX вв., А. Т. Тагирджанов поделился своими соображениями с коллегами. Сообщение А. Т. Тагирджанова вызвало живой интерес ученых и в 1959 г. состоялись три заседания:

- 7 октября 1959 г. в иранском кабинете ЛО ИВ АН СССР (ныне — ИВР РАН)¹;
- 12 ноября 1959 г. на совместном заседании восточной комиссии отделения этнографии и Всесоюзного географического общества СССР;

¹ В каталоге А. Т. Тагирджанова «Описание таджикских и персидских рукописей Восточного отдела Библиотеки ЛГУ, т. 1. История, биографии, география», опубликованном в издательстве ЛГУ в 1962 г., подробное описание указанной рукописи занимает семь страниц: 153–159.

- 27 ноября 1959 г. на заседании кафедры иранской филологии Восточного факультета [Хроника, 1960. С. 168–169].

В изучение материалов источника активно включились историк В. А. Ромодин (1912–1984) и филолог В. М. Жирмунский (1891–1971)².

В. А. Ромодин, особенно заинтересованный этнографическими и фольклорными материалами, после частной беседы с А. Т. Тагирджановым проверил, нет ли подобного сочинения в собрании Рукописного отдела ЛО ИВ АН СССР. Он обнаружил список аналогичного содержания, значащийся под названием «Джамӣ ‘ ат-таварӢх» («Собрание летописей»). При обсуждении 7 октября 1959 г. описания рукописи «Маджму‘ ат-таварӢх» В. А. Ромодин обратил внимание собравшихся на рукопись такого же содержания в собрании Рукописного отдела ЛО ИВ АН СССР под номером В — 667, под названием «Джамӣ ‘ ат-таварӢх». Этот список

² С А. Т. Тагирджановым В. М. Жирмунский был знаком еще со времени аспирантуры в Ташкенте (1944–45 гг.), где Абдурахман Тагирович преподавал аспиранту В. М. Жирмунскому персидский язык

был известен В. В. Бартольд (1869–1930), который 11 марта 1899 г. на заседании археологического общества сделал сообщение о сочинении «*Джәмӣ ‘ ат-таварӣх*» («Собрание летописей»), указав имя автора и время написания сочинения — X в.х., что соответствует XVI в. н.э. Причем название рукописи было приписано рукой переписчика в колофоне. В. В. Бартольд полагал, что история касанских шейхов Ферганы, изложенная в данной рукописи с большим числом анахронизмов, не представляет интереса для науки [Бартольд, 1899–1900. С. V–VI].

Однако в 40-х гг. XX в. значительно продвинулось изучение киргизского эпоса «Манас», впервые записанного Ч. Валихановым (1835–1865) в 1856 г. и В. В. Радловым в 1862 и 1869 гг. Упоминание имени героя эпоса в источнике XVI в. вызывало большой интерес исследователей. В. А. Ромодин обратил внимание ученых на открытие А. Т. Тагирджанова и на ценный этнографический и фольклорный материал, содержащийся в рукописи.

Изучив материалы по спискам двух рукописей, В. А. Ромодин 12 ноября 1959 г. сделал доклад «Новые историко-этнографические данные о киргизах и вопросы происхождения эпоса «Манас»». Он представил собравшимся сводные генеалогические таблицы киргизских племен и прокомментировал содержащиеся в рукописи фольклорные материалы из киргизского эпоса «Манас». При обсуждении доклада В. М. Жирмунский прокомментировал эпизоды из эпоса «Манас», использованные автором рукописи «*Маджмӯ‘ ат-таварӣх*», Ахсикенти, и подчеркнул значение этого материала для изучения истории сложения эпоса, особенно для изучения казахско-ногайского слоя [Жирмунский, 1960. С. 153].

27 ноября 1959 г. на заседании кафедры иранской филологии Восточного факультета ЛГУ А. Т. Тагирджанов представил доклад «Сочинения XVI в., содержащие версию о „Манасе“». Проведя глубокий источниковедческий анализ, А. Т. Тагирджанов дал развернутую характеристику рукописи «*Маджмӯ‘ ат-таварӣх*» как исторического источника, уточнил датировку ее написания — первая четверть XVI в., исследовал эпизоды из эпоса «Манас» и выска-

зал ряд ценных наблюдений. Доклад вызвал дискуссию по вопросам соответствия изложенных в рукописи эпизодов эпоса и имен его героев с действительными историческими лицами и фактами из жизни киргизских народов, причем особенный интерес вызвали материалы, связанные с событиями, происходившими за пределами Тянь-Шаня.

В. М. Жирмунский, принимавший активное участие во всех заседаниях, с разрешения В. А. Ромодина, использовал результаты его исследования для своей статьи «Новые материалы о киргизском эпосе „Манас“» [Жирмунский, 1960. С. 153–155]. Он прокомментировал эпизоды эпоса в сопоставлении с сюжетами из «*Маджмӯ‘ ат-таварӣх*». Манас, его соплеменники *кыбчаки* и золотоордынский хан Тохтамыш представлены в источнике участниками борьбы с ханами Моголистана: Камар ад-Дин, Инка-тора и другими, с которыми в XIV в. воевал Тимур. Несколько эпизодов описывают борьбу Манаса с калмыцким ханом Джолоем, ставка которого находилась в местности Кырк-куль («Сорок озер»). Джолой, напав на Кара-кишлак, увел в плен отца Манаса, Якуб-бека (в эпосе Джакыпа). Двенадцатилетний Манас во главе «сорока каркаринских молодцев» обратил врагов в бегство и освободил отца из плена. (В эпосе описаны подвиги Манаса в более раннем возрасте). Далее описаны два поединка Манаса с Джолоем. Во втором поединке Манас выходит победителем, убив противника и т.д. [Жирмунский, 1960. С. 153–155; Жирмунский, 1962. С. 325].

В своих публикациях А. Т. Тагирджанов, В. А. Ромадин и В. М. Жирмунский указали, что открытие нового исторического источника имеет чрезвычайно важное значение для науки: для лингвистики, для исследования истории сложения эпоса, изучения киргизского фольклора, исторической этнографии, топонимики. Материалы рукописи не дают основания считать Манаса историческим лицом XIV в. В указанной рукописи Манас выступает на фоне вымышленных событий, являющихся импровизацией автора сочинения, основанной в его повествовании на переплетающихся легендарных сюжетах эпоса и известных исто-

рических событиях. Причем при описании событий упоминаются имена и действительных исторических лиц, и героев эпоса.

В. А. Ромодин подчеркнул, что благодаря открытию А. Т. Тагирджанова в научный оборот вводится новый интересный источник и высказал пожелание скорейшего его опубликования [Хроника, 1960. С. 218–219].

А. Т. Тагирджанов сделал подробное описание рукописи, перечислил названия ее разделов и высказал мнение, что это «уникальное по языку и содержанию сочинение» представляет интерес: 1) для истории таджикского языка, 2) как версия поэмы «Манас», а также 3) как источник сведений по этнографии Средней Азии. В 1960 г. он подготовил к изданию фотографическую репродукцию отрывков текста из указанной рукописи, написав обширное введение и составив указатели: 1. имен собственных, 2. более ста родовых, племенных и народных названий и 3. географических названий. Работа была закончена 15 апреля 1960 г. [Тагирджанов, 1960. С. 55]. А 11 августа 1960 г. на заседании Двадцать пятого международного конгресса востоковедов в Москве В. А. Ромодин сделал доклад «Некоторые источники по истории Ферганы и Кокандского ханства (XVI–XIX вв.) в рукописных собраниях Ленинграда» [Ромодин, 1960. С. 1–15], опубликованный в виде статьи в 1963 г. [Ромодин, 1963, С. 58–66], в которой отметил, что во-первых, знакомством с содержанием рукописи «*Маджмӯ‘ ат-таварӣх*» наука обязана А. Т. Тагирджанову, а во-вторых, что в «Предисловии» рукописи в числе источников, которыми пользовался ее автор, Ахсиканти, он указал два сочинения: «*Таварӣх-и Моголия*» и «*Таварӣх-и Зубдат ал-Башара*», не сохранившиеся до нашего времени. Причем «Предисловие» сохранилось только в списке № 963 библиотеки ВФ ЛГУ, тогда как в списке Института востоковедения В — № 667 от «Предисловия» уцелел лишь небольшой фрагмент [Ромодин, 1963. С. 58]. В. А. Ромодин указал на оба списка «*Маджмӯ‘ ат-таварӣх*» как на источник сведений, связанных с распространением ислама в Восточном Туркестане. Он сделал описание рукописи по списку В — № 667, отметив, что сюжетная линия прослеживает жизнеописание касанских шейхов

вплоть до 1539 г., переплетенные с легендарными и историческими событиями конца XIV — начала XV вв. и содержит множество анахронизмов. Он также отметил, что подвиги Манаса, героя киргизского эпоса, описываются в исторической обстановке XIV в. Манас показан смелым воином и богатырем, но не обладающим сверхъестественной силой, как в более поздних версиях. Автор подчеркнул, что батальные сцены описаны в рукописи весьма натуралистично (например, в тексте встречаются такие выражения, как: «поражает противника копьем в живот, сжигает труп» и т.п.), упоминаются некоторые виды оружия: копьё, сабли, палицы.

В повествовании указывается даже местожительство Манаса — поселение Кара-Кышлак в Таласе. Этническое название населения *иля*, подвластного Манасу, называется терминном *кыбчак*. В. А. Ромодин пришел к выводу, что приведенные в сочинении названия племен и местностей представляют интерес для этнографии киргизов и других тюркских племен, а также для изучения исторической топонимики Тянь-Шаня. Кроме того, несмотря на изложение сюжетов эпоса в мусульманском освещении, упоминание их, зафиксированное в сочинении XVI в. представляет научный интерес для исследования исторического сложения эпоса, известного уже в XVI в., для изучения киргизского фольклора, поскольку первые известия об эпосе «Манас» были собраны Чокан Валихановым в 1856 г.

Особо В. А. Ромодин отметил, что в сочинении «*Маджмӯ‘ ат-таварӣх*» содержится много данных по генеалогиям киргизских племен. В приложении к статье В. А. Ромодин привел сводные данные по родословным ветвям киргизских племен и хронологическую таблицу Мингских правителей XVIII — начала XIX в. Через некоторое время, на Бартольдских чтениях 1974 г. В. А. Ромодин вновь обратился к проблеме этнической истории в докладе «Некоторые вопросы этнической истории Средней Азии в трудах В. В. Бартольда и после него», в котором отметил заслугу В. В. Бартольда в постановке вопроса об исследовании списков узбекских племен в изучении истории тюркских народов. Однако, как показали материалы,

его гипотеза о том, что список 92 «узбекских родов» отражает «постепенное распадение» прежде существовавших 32 «родов» оказалась несостоятельной. В. А. Ромодин указал, что сопоставление этих списков выявило, что список 32 племен содержит названия основных компонентов, вошедших в состав кочевых узбеков Средней Азии и, что список 92 племен (который, видимо, существовал параллельно с первым списком) представляет большее число этнических групп кочевников (узбекских и других), населявших обширные территории Средней Азии от Урала до Инда [Ромодин, 1974. С. 49].

В. А. Ромодин тщательно изучал рукопись XVI в., неоднократно обращался к ней в своих исследованиях. В 1973 г. в сборнике «Материалы по истории киргизов и Киргизии» опубликованы его переводы с таджикского языка извлечений из «*Маджмӯ' ат-тавәриҳ*», относящихся к преданиям о нашествии кара-китаев. Перевод снабжен вступительной статьей, комментариями и приложением «Перечня 92 племен *илатийа* или „узбекских“» по трем рукописям, содержащим эти списки, поскольку автор считал необходимым исследовать историко-этнографические данные, приведенные в рукописи, хотя и в легендарных рассказах, но отражающих в какой-то мере родоплеменную структуру и «народные представления о происхождении основных ветвей киргизской народности», которые, он полагал, необходимо сопоставить с этнографическими материалами, собранными в экспедициях, а также и с позднейшими записями народных преданий о происхождении отдельных киргизских племен и их групп. Два списка, приведенные для сопоставления со списком из указанной рукописи, зафиксированы в рукописях XIX в., причем названия племен перечислены в той же последовательности, что и в источниках, и представлены в русской и арабской графике [Ромодин, 1973. С. 202, 210–214]. В. А. Ромодину принадлежит также постановка вопроса о правомочности легенды, связывающей киргизов с Ферганой и Тянь-Шанем в домонгольское время, а также изучение сведений по исторической топонимике Тянь-Шаня.

А. Т. Тагирджанов во «Введении» к изданию отрывков текста из «*Маджмӯ' ат-тавәриҳ*» установил, что в сочинении представлена жизнь не только касанских шейхов Ферганы, но и ширкентских шейхов Наманганского района [Тагирджанов, 1960]. Он указал, что это сочинение — единственный экземпляр среди сохранившихся рукописей, запечатлевший формы разговорного таджикского языка. Кроме того, сочинение интересно также для истории киргизского эпоса «Манас». По мнению А. Т. Тагирджанова, сочинение было написано с целью популяризации ширкентских шейхов среди народа. Именно поэтому оно написано в форме эпических сказаний на понятном народу языке, сохранившем формы разговорного языка. И это единственный пример в суфийской литературе. А. Т. Тагирджанов привел свидетельства того, что авторами двух частей сочинения были отец и сын, владевшие также и литературным языком. Когда автор сочинения ссылался на письменные источники, в славословии Саййид Мир Джалила, а также при описании походов Тимура, то использовал принятый в то время литературный стиль изложения. Основная часть, содержащая версию «Манас», написана муллою Сайф ад-Дином ибн дамулла Шах Абассом Ахсиканти по просьбе друзей и с разрешения его духовного наставника Мавлана А'зам Саййид Мир Джалила. Автор описал историю имамов, начиная от Джа'фар Садика (88–148/702–765) до времени Саййид Мир Джалила, соединив популярные в его время эпические сказания со сведениями четырех исторических сочинений. Повествование доведено до рождения Захир ад-Дина Бабура (888–937/1483–1530).

Вторая часть написана его сыном, Нур-Мухаммадом (Навруз-Мухаммадом — в рукописи ИВР АН) ибн Муллою Сайф ад-Дином Ахсиканти и содержит жизнеописание суфийских шейхов. Наряду с рассказами о духовных подвигах и чудесах, в ней приведена генеалогия и линия преемственности шейхов, а также рассказы мемуарного характера об интригах и вражде между шейхами, чего не встречается в других источниках. А. Т. Тагирджанов заметил, что биографию Саййид Мир Джалила он не

встречал в других источниках. По известным источникам А. Т. Тагирджанов привел хронологию жизни Мухаммада Кази и других шейхов, доказав, что во второй части сочинения даты не отличаются точностью и автор ее очевидно не пользовался историческими источниками.

В книге А. Т. Тагирджанова, вышедшей в 1960 г. (вскоре после конгресса), приводится тщательное исследование указанного письменного памятника. Из текста рукописи он выяснил, что первая часть сочинения была написана между 909–920/1503–1514 гг., а вторая — между 1550–1565 гг. [Тагирджанов, 1960]. А. Т. Тагирджанов также установил, что по языку обе части почти не отличаются друг от друга и написаны простым языком сознательно, чтобы сделать сочинение доступным простому народу.

А. Т. Тагирджанов выявил особенности разговорного таджикского языка XVI в., привел примеры с точным указанием на листы рукописи и пришел к заключению, что разговорный таджикский язык, зафиксированный в рукописи XVI в. почти не отличается от современного ему разговорного таджикского языка, а рукопись «*Маджму' ат-таварйх*» является уникальным памятником.

Большой интерес представляет и содержание сочинения, включающее версию эпоса «Манас» и важные этнографические данные. Пересказав содержание основной части сочинения, А. Т. Тагирджанов установил, что она написана под влиянием киргизских эпических сказаний и поставил вопрос, исполнялись ли эти сказания первоначально в прозаической или поэтической форме? И как они впервые были записаны? Ч. Валиханов полагал, что первоначально сказания имели прозаическую форму, а позднее сложились в поэму [Валиханов, 1904. С. 72]. А. Т. Тагирджанов считал, что данное сочинение не дает оснований для решения этого вопроса, так как в тексте встречаются и прозаические повествования и стихотворные, возможно переложения из поэмы *Манас*. Не исключал он и того, что автор сочинения изложил в поэтической версии прозаический перевод эпоса. По мнению А. Т. Тагирджанова, в исторической части сочинения герой киргизского эпоса Манас с целью возвеличивания

ширкентских шейхов представлен участником исторических событий, происходивших в Средней Азии (на территории Киргизии) после смерти Тулуя (ок. 1193–1232) и до появления Тимура (1370–1405). Но с именем Манаса в сочинении произвольно связаны события и известные исторические лица, деятельность которых относится к XI–XV вв., и в них соединены вместе киргизские и кипчакско-казахские эпические сказания, сложившиеся в Семиречье и распространившиеся не только среди киргизов, но также в Семиречье и Фергане. Они были известны и таджикам Наманганского района. Проведя подробный анализ текста, А. Т. Тагирджанов пришел к заключению, что данная версия эпоса заимствована именно у киргизов, чему не противоречат исторические события. Он считал, что для науки эта версия поэмы представляет значительный интерес как наиболее ранняя из известных записанных версий эпоса «Манас».

Кроме того, А. Т. Тагирджанов исследовал все исторические материалы, связанные с описанными в сочинении событиями и пришел к выводу, что под именами Якуб-бек, (отец Манаса) и Манас подразумеваются какие-то исторические деятели. Он также проследил некоторые факты из истории борьбы между Хубилаем и правителями Чагатайского улуса, и обратил внимание на тот факт, что *чагатаи*, переселившиеся в Мавераннахр и утратившие чистоту кочевнических традиций, называли *чагатаев* Семиречья *джете* (*чэтэ*), то есть разбойниками. *Джете* считалось также синонимом Моголистана. Таким образом, А. Т. Тагирджанов установил, что в указанном сочинении отразились исторические события XI–XV вв.

Не остались без внимания А. Т. Тагирджанова и этнографические данные сочинения. В указателе родовых, племенных и народных названий, представленном в алфавитном порядке с указанием страниц рукописи, приведено сто пятнадцать названий [Тагирджанов, 1960. С. 76–86].

В начале 1970-х гг., тогда аспирант В. А. Ромодина, Т. И. Султанов в кандидатской диссертации «Основные вопросы истории казахского народа в XV–XVII вв. по персидско-таджикским

и тюркским источникам» [Султанов, 1971] и в статье «Опыт анализа традиционных списков 92 «племен илатийа»», изучая состав узбекских племен, обратился к указанному сочинению Ахсиканти, считая, что сочинение «Маджмӯ‘ ат-тавārīх» «заслуживает самого пристального внимания, поскольку автор приводит названия 92 племен узбекских кочевников — «племен илатийа», отметив при этом, что Ахсиканти ссылается на источник, не дошедший до нас, что делает сочинение Ахсиканти еще более ценным [Султанов, 1977. С. 165–176].

Выявив еще один список «Маджмӯ‘ ат-тавārīх» — рукопись из сектора Манасоведения Института языка и литературы Киргизстана (г. Фрунзе, ныне — Бишкек),

Т. И. Султанов впервые предпринял попытку анализа 92 «узбекских» племен по трем спискам указанного источника. Он опубликовал список названий 92 племен узбекских кочевников — «племен илатийа» в сопоставлении трех рукописей, указал на наличие общих родоплеменных названий и высказал предположение, что традиционный генеалогический список включает названия большинства тюркских и нетюркских племен, обитавших на территории Средней Азии, Казахстана и смежных областей. Названия 92 племен перечислены в списке ИВР РАН, в списке СПбГУ отсутствуют два названия. В рукописи из сектора Манасоведения приводится 91 название, притом, название *мангыт* указано в этом списке дважды. Всего же в трех списках приведено 95 названий племен.

Т. И. Султанов полагал, что переписчики могли заменять одни названия другими, переставлять местами, учитывая личные воззрения, место переписки, положение, которое занимало то или иное племя в определенный период и так далее.

Т. И. Султанов указал, что традиционное деление на 92 рода упоминается в стихах узбекского поэта XVII в. Турди и поскольку в сочинении Ахсиканти упоминается не дошедший до нас источник, то можно предположить, что деление на 92 рода относится к первой половине XVI в., а может быть, и к более раннему времени [Султанов, 1982. С. 27]. Он отметил, что генеалогическая традиция деления узбеков Дешт-и Кипчака

на 32 рода, которые ранее объединялись с Фуладом, а позднее покорились Токтамыш-хану, упоминается в «Маджмӯ‘ ат-тавārīх» Ахсиканти [В — № 667, л. 68а; Тагирджанов, 1960. С. 92]. Т. И. Султанов привел упоминания у некоторых авторов XIX в. о 32 племенах узбеков Средней Азии даже тогда, когда они вели пастушескую жизнь. Но, отметил он, ни в одном источнике не приводятся названия самих племен. Единственный вариант (хивинский) списков 32 «узбекских» племен содержится в труде А. Вамбери [Вамбери, 2003].

Т. И. Султанов выявил, что в составе казахов встречаются названия не менее двадцати племен, включенных в список 92 «узбекских племен». Кроме того, в списках Ахсиканти встречается ряд родоплеменных названий общих у узбеков, казахов, киргизов, каракалпаков, ногаев, башкир, алтайцев, что позволяет предполагать, что традиционный список 92 племен *илатийа* включает названия большинства тюркских и нетюркских племен, обитавших на территории Средней Азии, Казахстана и смежных областей. Однако, как полагает исследователь, на данном этапе невозможно распределить эти 92 племени по разным народностям (по вхождению в ту или иную народность) ввиду их постоянных перемещений, перекочевков, слияния и расхождения. Сопоставив названия племен и родов в трех рукописях, Т. И. Султанов пришел к выводу, что традиционным в делении на 92 рода осталось лишь число, а общий состав названий имел произвольный характер. «Порядок перечисления названий племен в списках был явлением не случайным, но имел известную логику, зависел во многом от политических аспектов и отражал, при этом, значимость и влияние этих племен в политической жизни местности составления списка» [Султанов, 1982. С. 173].

Т. И. Султанов также обратил внимание на проблему общественной организации казахов-кочевников и разделением общества на группы по социально-экономическим признакам, а также соединенные с этими признаками различия прав и обязанностей.

Другой ученик В. А. Ромодина, Анварбек Мокеев, проходивший в 1970-е годы стажиров-

ку в ЛО ИВ АН СССР и ставший приверженцем ленинградской школы востоковедения, использовал рукопись Ахсикенти «*Маджмӯ' ат-таварӣх*» в кандидатской диссертации «Политическая и этническая история северо-восточной части Средней Азии в XVII — первой половине XVIII вв.» [Мокеев, 1979].

Рассматривая материалы народной этнографии для анализа вопросов этнической истории киргизского народа, отражавшего свои представления о родственных, дружеских или враждебных отношениях с другими народами и племенами в произведениях устного народного творчества¹, А. Мокеев при попытке историко-этнографического анализа этнонимов и связанных с ними народных представлений имеющих в тексте четырехтомного издания эпоса «Манас», сопоставил и подверг тщательной критической проверке и оценке этнонимы, зафиксированные в сочинении XVI в. Сайф ад-Дина Ахсикенти. Автор составил список племен и народов, родственных киргизам; племен и народов, по народным представлениям считавшихся их союзниками; племен и народов, считавшихся в представлении киргизов их врагами; перечень племен и народов, входивших по ситуации то в состав киргизских племен, то в состав вражеских племен. Например, этноним — *Уул*, на что указал еще В. А. Ромодин. Этноним *каракытай*, встречающийся в «*Маджмӯ' ат-таварӣх*», по мнению автора, первоначально относился к племенам *каракитаев (киданей)*, а возможно и к многочисленным тюркским племенам, пришедшим в Семиречье с *каракитаями*. Этноним *солоон* по результатам исследователей [Мокеев, 1979. С. 23] относится к потомкам ранних манджуров эпохи цзинской династии, разгромленных монголо-татарскими войсками Чингизхана в 1204 г. А. Мокеев указал, что по сведениям некоторых источников предками *солоон* были *кидани*. В «*Маджмӯ' ат-таварӣх*» среди главных врагов Манаса кроме *калмаков*, упоминаются *солонь* и *шива*. [Собрание историй, 1960. ЛЛ. 466, 50а, 53а, 54а, 60а].

На основании анализа сведений из агиографического сочинения «*Бахр ал-асрар*» и сопо-

ставления этих данных с материалами письменных источников: исторического сочинения XV в. «Аноним Искандара» и агиографического сочинения XVI «*Маджмӯ' ат-таварӣх*», А. Мокеев пришел к заключению, что значительная часть киргизских племен на рубеже XIV–XV вв. занимала территории между степью Дашт-и Кипчак и Алтаем, сохраняя свою этническую и политическую самостоятельность на протяжении XV в. Под натиском *калмаков* с востока и правителей Дашт-и Кипчак с северо-запада эти племена переселились на территорию Моголистана, составив определенную часть киргизской народности.

Вывод автора сводился к тому, что термины *каракытай*, *шиве (шибэ)* и *солоон*, зафиксированные в источнике начала XVI в. в названиях враждебных киргизам народов, по всей видимости, связаны с событиями IX–XV вв., происходившими на территории Средней Азии.

В 1991 г. в Бишкеке на Межреспубликанской научной конференции «Источники по средневековой истории Кыргызстана и сопредельных областей Средней и Центральной Азии», посвященной памяти В. А. Ромодина, А. Р. Атаханов сделал доклад ««*Маджму ат-таварих*» — как исторический источник» [Атаханов, 1991. С. 14–15].

В 2009 г. в журнале «Письменные памятники Востока» в статье С. В. Плоских сообщается, что в 1970–х гг. Институт языка и литературы случайно приобрел на юге Кыргызстана копию таджикской рукописи XVI в. «*Маджмӯ' ат-таварӣх*» («Собрание историй») Муллы Сайф ад-Дина на 123 страницах (переписчик — Низармат), которая хранится в фондах Национальной академии наук Кыргызской Республики (Рукоп. фонды, № 167–а) [Плоских, 2009. С. 192–193, 199].

В статье приводятся выводы ленинградских исследователей 1960–х гг., упомянуты переводы В. А. Ромодина, сделанные по рукописи № 667 (из ЛО ИВ АН СССР), которые хранятся в Бишкеке и на которые даны такие сноски:

1) Извлечения из «*Маджмӯ' ат-таварӣх*». Пер., введ. и коммент. В. А. Ромодина. Л., 1963. Инв. № 5154.

2) «Собрание историй» *Маджмӯ' ат-таварӣх*. ЛГУ, 1960 // Извлечения из «*Маджмӯ'*

¹ Как утверждали С. М. Абрамзон и Л. П. Потапов (1975).

ат-таварӣх». Пер. В. А. Ромодина. Л., 1963. Рук. фонды, инв. № 5154.

Подводя итог, отметим, что фотографическое издание фрагментов текста «Маджмӯ‘ ат-таварӣх» — «Собрание историй», подготовленное А. Т. Тагирджановым и вышедшее в издательстве ЛГУ в 1960 г. (тиражом 500 экз.) является важным источником по этнографии народов Средней Азии, по истории эпоса «Манас» и по истории таджикского языка, на что указал А. Т. Тагирджанов в обширной исследовательской статье во «Введении». В настоящее время

эта ценная публикация стала библиографической редкостью. История изучения данного источника показывает, что интерес к рукописи вызывал дискуссии, исследования разных ученых, каждый из которых смог извлечь из него ценный материал и сделать исторические выводы, публикации и перевод фрагментов текста на русский язык. К сожалению, источник до сих пор полностью не переведен и не опубликован, даже материалы, связанные с эпосом «Манас», переведенные В. А. Ромодиным и хранящиеся в Архиве в Бишкеке, не все опубликованы.

Использованная литература

Абрамзон, Потапов 1975: *Абрамзон С. М., Потапов Л. П.* Народная этногония как один из источников для изучения этнической и социальной истории (на материале тюркоязычных источников) // Советская этнография. 1975. № 6. С. 1–29.

Abramzon, Potapov 1975: *Abramzon S. M., Potapov L. P.* Narodnaia etnagoniia kak odin iz istochnikov dlia izucheniia etnicheskoi i sotsial'noi istorii (na materiale tiurkoiazыchnykh istochnikov) // [Folk ethnogony as one of the sources for the study of ethnic and social history (on the material of Turkic sources)] // Sovetskaia etnografiia. 1975. № 6. P. 1–29.

Абрамзон, 1990: *Абрамзон С. М.* Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Фрунзе: «Кыргызстан», 1990.

Abramzon, 1990: *Abramzon S. M.* Kirgizy i ikh etnogenetiicheskie i istoriko-kul'turnye svyazi [Kirghiz and their ethnogenetic, historical and cultural ties] Frunze: “Kyrgyzstan” Publ., 1990.

Атаханов, 1991: *Атаханов А. Р.* «Маджму ат-таварих» — как исторический источник // Источники по средневековой истории Кыргызстана и сопредельных областей Средней и Центральной Азии. Тезисы докладов и сообщений Межреспубликанской научной конференции, посвященной памяти В. А. Ромодина. Бишкек, 1991. С. 14–15. (Кыргызский государственный университет. Мин-во народного образования респ. Кыргызстан).

Atakhanov, 1991: *Atakhanov A. R.* “Madzhmu at-tavariikh” — kak istoricheskii istochnik [«Majmu at-tavariikh» — as a historical source] // Istochniki po srednevekovoi istorii Kyrgyzstana i sopredel'nykh oblastei Srednei i Tsentral'noi Azii. Tezisy докладov i soobshchenii Mezhrеспубликанской nauchnoi konferentsii, posviashchennoi pamiati V. A. Romodina. Bishchkek, 1991. P. 14–15. (Kyrgyzskii gosudarstvennyi

universitet. Min-vo narodnogo obrazovaniia resp. Kyrgyzstan).

Бартольд, 1899–1900: *Бартольд В. В.* Сообщение // Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества. Т. XII. 1899. СПб., 1900. С. V–VI.

Bartold V. V. Soobshchenie [Report] // Zapiski Vostochnogo otdeleniia Imperatorskogo Russkogo arkheologicheskogo obshchestva [Notes of the Eastern Branch of the Imperial Russian Archaeological Society]. Vol. XII. 1899. St. Petersburg, 1900. P. V–VI.

Валиханов, 1904: *Валиханов Ч.* Сочинения Чокана Чингисовича Валиханова // Записки имп. Русского Географического Общества по отделению этнографии. СПб., 1904. Т. XXIX. С. 72.

Valikhanov Ch. Cochineniia Chokana Chingisovicha Vlikhanova [Works by Chokan Chingisovich Valikhanov] // Zapiski imp. Russkogo Geograficheskogo Obshchestva po otdeleniiu etnografii [Notes imp. Russian Geographical Society in the department of ethnography]. St. Petersburg, 1904. Vol. XXIX. P. 72.

Вамбери, 2003: *Вамбери А.* Путешествие по Средней Азии. М.: Наука, 2003.

Vamberi, 2003: *Vamberi A.* Puteshchestvie po Srednei Azii [Traveling through Central Asia]. Moscow: Nauka Publ., 2003.

Жирмунский, 1948: *Жирмунский В. М.* Введение в изучение эпоса «Манас». Фрунзе: КирФАН СССР, 1948.

Zhirmunskii V. M. Vvedenie v izuchenie epasa „Manas“ [Introduction to the study of the epic “Manas”]. Frunze: KirFAN SSSR, 1948.

Жирмунский, 1960: *Жирмунский В. М.* Новые материалы о киргизском эпосе «Манас» // Известия АН

СССР, Отделение литературы и языка. Т. XIX, вып. 2, март–апрель. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 152–155.

Zhirmunskii V. M. Novye materialy o kirgizskom epose "Manas" [New materials about the Kyrgyz epic "Manas"] // Izvestiia AN SSSR, Otdelenie literatury i iazyka. Vol. XIX. Is. 2. March–April. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, 1960., P. 152–155.

Жирмунский, 1962: *Жирмунский В. М.* Народный героический эпос. Сравнительно-исторические очерки. М.; Л.: Гос. изд-во художественной литературы, 1962.

Zhirmunskii V. M. Narodnyi geroicheskii epos. Sravnitel'no-istoricheskie ocherki. [Folk heroic epic. Comparative historical essays]. Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury, 1962.

Мокеев, 1979: *Мокеев А. М.* Политическая и этническая история северо-восточной части Средней Азии в XVII — первой половине XVIII в. Автореферат дисс... к.и.н. Ташкент, 1979.

Mokeyev A. M. Politicheskaja i etnicheskaja istorija severo-vostochnoi chasti Srednei Azii v XVII — pervoi polovine XVIII v. [Political and ethnic history of the north-eastern part of Central Asia in the 17th — first half of the 18th centuries]. Avtoreferat diss... k.i.n. Tashkent, 1979.

Молдобаев, 1991: *Молдобаев И. Б.* Исторические воззрения В. А. Ромодина на эпос «Манас» // Источники по средневековой истории Кыргызстана и сопредельных областей Средней и Центральной Азии. Тезисы докладов и сообщений Межреспубликанской научной конференции, посвященной памяти В. А. Ромодина. Бишкек, 1991. С. 14–15. (Кыргызский государственный университет. Мин-во народного образования респ. Кыргызстан).

Moldobaev I. B. Istoricheskie vozzreniia V. A. Romodina na epos „Manas“ [Historical views of V. A. Romodin on the epic "Manas"] // Istochniki po srednevekovoi istorii Kirgызstana i sopredel'nykh oblastei Srednei i Tsentral'noi Azii. Tezisy докладov i soobshchenii Mezhrеспублиkanskoj nauchnoi konferentsii, posviashchennoi pamiati V. A. Romodina. Bishchkek, 1991. P. 14–15. (Kyrgyzskii gosudarstvennyi universitet. Min-vo narodnogo obrazovaniia resp. Kirgызstan).

Плоских, 2009: *Плоских С. В.* Памятники письменности Кыргызстана в рукописном фонде Национальной Академии Наук // Письменные памятники Востока. 2009. № 2(11). С. 192–203.

Ploskikh S. V. Pamiatniki pis'mennosti Kirgызstana v rukopisnom fonde Natsional'noi akademii nauk [Monuments of written language of Kirgызstan in the manuscript fund of the National Academy of Sciences] // Pis'mennye pamiatniki Vostoka. 2009. No. 2(11). P. 192–214.

Ромодин, 1960: *Ромодин В. А.* Некоторые источники по истории Ферганы и Кокандского ханства (XVI–XIX вв.) в рукописных собраниях Ленинграда // XXV международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР. М., Изд-во восточной литературы, 1960. С. 1–15.

Romodina V. A. Nekotorye istochniki po istorii Ferгany i Kokandskogo khanstva (XVI–XIX vv.) v rukopisnykh sobraniiax Leningrada [Some sources on the history of Ferghana and the Kokand Khanate (XVI–XIX centuries) in the manuscript collections of Leningrad] // XXV mezhdunarodnyi kongress vostokovedov. Doklady delegatsii SSSR. Moscow: Izdatel'stvo vostochnoi literatury, 1960. P. 1–15.

Ромодин, 1963: *Ромодин В. А.* Некоторые источники по истории Ферганы и Кокандского ханства (XVI–XIX вв.) в рукописных собраниях Ленинграда // Труды двадцать пятого конгресса востоковедов. Москва, 9–16 августа 1960. Т. III. Заседания секций X, XI, XIII. М., Изд-во восточной литературы, 1963, С. 58–66.

Romodina V. A. Nekotorye istochniki po istorii Ferгany i Kokandskogo khanstva (XVI–XIX vv.) v rukopisnykh sobraniiax Leningrada [Some sources on the history of Ferghana and the Kokand Khanate (XVI–XIX centuries) in the manuscript collections of Leningrad] // Trudy dvadtsat' piatogo kongressa vostokovedov. Moskva, 9–16 avgusta 1960. Vol. III. Zasedaniia sekcii X, XI, XIII. Moscow: Izdatel'stvo vostochnoi literatury, 1963, P. 58–66.

Ромодин, 1973: *Маджмӯ' ат-таварӣх* (пер. с таджикского В. А. Ромодина) // Материалы по истории киргизов и Киргизии. Вып. 1. М.: Наука; ГРВЛ, 1973. С. 200–214.

Romodina V. A. Madzhmu at-tavarikh (per. s tadjikskogo V. A. Romodina) [Majmū' at-tavārih (translated from Tajik by V.A. Romodin)] // Materialy po istorii kirgizov i Kirgizii. Vol. 1. Moscow: Nauka; GRVL Publ., 1973. P. 200–214.

Ромодин, 1974: *Ромодин В. А.* Изучение истории средневекового Востока В. В. Бартольдом и состояние науки // Бартольдовские чтения 18–20 марта 1974 г. Тезисы докладов и сообщений. М.: Наука, 1974. С. 48–49.

Romodina V. A. Izuchenie istorii srednevekovogo Vostoka V. V. Bartol'dom i sovremennoe sostoianie nauki [Study of the history of the medieval East by W. Barthold and the state of science] // Bartol'dovskie chteniia 18–20 marta 1974 g. Tezisy докладov i soobshchenii. Moscow: Nauka Publ., 1974. P. 48–49.

Султанов, 1977: *Султанов Т. И.* Опыт анализа традиционных списков 92 «племен илтийа» //

Средняя Азия в древности и средневековье (история и культура) М.: Наука, 1977. С. 165–176.

Sultanov T. I. Opyt analiza traditsionnykh spiskov 92 “plemion *ilatiia*” [An attempt in the analysis of traditional lists of 92 “*ilatiya* tribes”] // *Sredniaia Aziia v drevnostii i srednevekov’e (istoriia i kul’tura)*. Moscow: Nauka Publ., 1977. P. 165–176.

Султанов, 1982: Султанов Т. И. Кочевые племена Приаралья в XV–XVII вв. (вопросы этнической и социальной истории). М.: Наука; ГРВЛ, 1982.

Sultanov T. I. Kochevye plemena Priaral’ia v XV–XVII vv. (voprosy etnicheskoi i sotsial’noi istorii). [Nomadic tribes of the Aral Sea region in the 15th–17th centuries. (questions of ethnic and social history)]. Moscow: Nauka; GRVL Publ., 1982.

Тагирджанов, 1960: «Собрание историй» «Маджмӯ‘ ат-таварӣх». Фотографическая репродукция отрывков рукописного текста, введение, указатели, подготовка к изданию: А. Т. Тагирджанов. Л.: Изд-во ЛГУ, 1960.

“Sobranie istorii” “Madzhmu at-tavarikh”. Fotograficheskaia reproduksiia otryvkov rukopisnogo teksta, vvedenie, ukazateli, podgotovka k izdaniuu: A. T. Ta-

girdzhanov [„Collection of stories“ „Majmu‘ at-tavāriḥ“. Photographic reproduction of fragments of the handwritten text, introduction, indexes, preparation for publication: A. T. Tagirdzhanov]. Leningrad: Izdatel’stvo LGU Publ., 1960.

Тагирджанов, 1962: Тагирджанов А.Т. Описание таджикских и персидских рукописей восточного отдела библиотеки ЛГУ. Т. 1. История, биография, география. Л.: Изд-во ЛГУ, 1962.

Tagirdzhanov A. T. Opisanii e tadzhikskikh i persidskikh rukopisei vostochnogo otdela biblioteki LGU. T. 1. Istorii, biografii, geografii. [Description of Tajik and Persian Manuscripts of the Faculty of Asian and African Studies of the Leningrad State University Library. T. 1. History, biography, geography] Leningrad: Izdatel’stvo LGU, 1962.

Хроника, 1960: Хроника (В. М. Жирмунский) // Проблемы востоковедения. М., Изд-во АН СССР, 1960. № 2. С. 218–219.

Khronika [Chronicle] (by V. M. Zhirmunskii.) // Problemy vostokovedeniia. Moscow: Izdatel’stvo AN SSSR, 1960. № 2. P. 218–219.

Список сокращений

ВФ — Восточный факультет
КирФАН СССР — Киргизский филиал Академии наук СССР
ЛГУ — Ленинградский государственный университет

ЛО ИВ АН СССР — Ленинградское отделение института востоковедения Академии наук СССР (ныне — ИВР РАН)
СПбГУ — Санкт-Петербургский государственный университет

THE STUDY OF THE MANUSCRIPT “MAJMU‘ AT- TAVĀRĪH” AND ITS MEANING FOR THE HISTORICAL ETHNOGRAPHY OF THE PEOPLES OF CENTRAL ASIA

Nina VASSILYEVA

The article describes how, in the second half of the 20th century, A. T. Tagirdzhanov drew the attention of scientists to a new handwritten source of information of a linguistic, folklore, historical and ethnographic nature. The historian V. A. Romodin and the philologist V. M. Zhirmunsky were actively involved in the study of the manuscript. Manuscript “*Majmū‘ at-tavāriḥ*” (“Collection of stories”), a handwritten copy from a 16th century source, was written in colloquial Tajik in the 18th century. All researchers recognized the manuscript as unique, requiring publication. V. A. Romodin involved his students in the study of the manuscript, but only separate fragments of the manuscript have been published so far.

Key words: “Majmū‘ at-tavāriḥ” (“Collection of stories”), A. T. Tagirjanov, V. A. Romodin, V. M. Zhirmunsky, “Manas”, lists of 92 “*ilatiya* tribes”, Uzbek tribes, Kyrgyz tribes.

About the author: **Nina E. VASSILYEVA**, Independent Researcher (vasilieva_nina@mail.ru).

УДК 009
DOI 10.25882/9fe3-0a25

О. Н. Полянская
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «БАНЗАРОВСКИЕ ЧТЕНИЯ», ПОСВЯЩЕННАЯ 200-ЛЕТИЮ ДОРЖИ БАНЗАРОВА И 90-ЛЕТИЮ БГПИ — БГУ (РОССИЯ, УЛАН-УДЭ, 30-31 МАРТА 2022 Г.)

Сведения об авторе: Полянская Оксана Николаевна — кандидат исторических наук, доцент, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова (Россия, 670000, Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а), ORCID 0000-0003-1483-2441 (polgrab@mail.ru).

About the author: **POLYANSKAYA Oksana Nikolaevna** — Cand. Sc. (History), Associate Professor, D. Banzarov Buryat State University) (24a, Smolina St., Ulan-Ude, 670000). ORCID 0000-0003-1483-2441 (polgrab@mail.ru).

Благодарность. Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ 20-59-44008 Монг_а «Мировое на российское монголоведение: национальные школы, концепции, персоналии» и гранта Бурятского государственного университета имени Доржи Банзарова 2022 г. № 22-07-0502 «Отечественное монголоведение на переломе эпох (начало XX в. — 1920-е гг.): традиции, преемственность, направления».

© ИВР РАН, 2022
© Полянская О.Н., 2022

В марте 2022 г. в Бурятском государственном университете имени Доржи Банзарова (БГУ) состоялась Международная научная конференция «Банзаровские чтения», посвященная значимым датам в истории отечественной науки и образования: 200-летию со дня рождения ученого-востоковеда, стоявшего у истоков научного монголоведения в России и 90-летию со дня образования высшего учебного заведения Бурятии — Бурятского государственного педагогического института, позже преобразованного в — Университет имени Доржи Банзарова. Организаторами конференции вместе с БГУ выступили ведущие центры академического и университетского востоковедения современной России — Институт восточных рукописей РАН (ИВР РАН, Санкт-Петербург), Казанский (Приволжский) федеральный университет (КФУ), Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (ИМБТ СО РАН). Научная конференция «Банзаровские чтения» была инициирована директором ИМБТ СО

РАН академиком РАН Б. В. Базаровым и проводилась в возглавляемом им Институте с определенной регулярностью в течение нескольких лет. В декабре 2018 г., после возвращения имени ученого Бурятскому государственному университету, утраченное при реорганизации Бурятского государственного педагогического института в университет, стало актуальным возобновление «Банзаровских чтений» на базе Бурятского госуниверситета. Опыт организации Чтений в университете уже был: в 2012 г. общественность Республики Бурятии отмечала 190-летие со дня рождения ученого.

«Банзаровские чтения-2022» проходили в двух форматах — очном и онлайн. В работе конференции приняли участие 350 человек из научных и образовательных учреждений семи стран, среди которых: Монголия, Казахстан, Киргизия, Франция, Азербайджан, Республика Молдова. Впечатляет и география российских участников: от Санкт-Петербурга до Владивостока. С докладами выступили исследователи

Участники конференции перед зданием Бурятского государственного университета имени Доржи Банзарова

из Москвы, Иркутска, Элисты, Читы, Кызыла, Челябинска, Братска, Казани, Новосибирска, Красноярска, Томска, Уфы, Хабаровска, Абакана. В частности, Санкт-Петербург был представлен востоковедами ИВР РАН, исследователями-архивистами и хранителями фондов Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербургского филиала Архива РАН, Государственного Эрмитажа, Института истории материальной культуры Российской академии наук (Санкт-Петербург). Столь авторитетное представительство участников подтверждает уникальность жизни и деятельности Доржи Банзарова, феноменальные результаты его становления как признанного ученого и показывает широту диапазона его исследований.

Доржи Банзаров (1822–1855) — востоковед, монголовед, первым из бурят получил европейское образование в стенах Казанского университета. Его становление проходило под влиянием авторитетных ученых России первой половины XIX в., в первую очередь, востоковеда, основоположника научного монголоведения Осипа Михайловича Ковалевского (1801–1878), обозначившего круг основных проблем научного изучения наследия монгольских народов. Доржи Банзаров в 1842 г. окончил Казанскую гимназию с золотой медалью и поступил в Казанский университет. В университете с 1842 по 1846 гг. изучал восточные языки: монгольский, калмыцкий, маньчжурский, санскрит, турецкий. Банзаров свободно

читал на немецком, английском, французском и латинском языках. В 1848 г. работал с фондами Публичной библиотеки и Азиатского музея Академии наук в Санкт-Петербурге. Был избран член-корреспондентом Императорского русского археологического общества. В 1848–1850 гг. работал в канцелярии Казанской губернии. Доржи Банзаров — яркий пример человека, прошедшего все ступени в структуре востоковедного образования России первой половины XIX в. Сначала он получил начальное образование в «Русско-монгольской войсковой школе» Троицкосавска, «Положение» о которой было разработано О. М. Ковалевским во время его пребывания в Восточной Сибири (1828–1833 гг.). Вернувшись в Казань, О. М. Ковалевский обращается с предложением к попечителю Казанского учебного округа принять несколько подростков из бурят в Казанскую гимназию, мотивируя, что это будет полезным для всего бурятского народа, среди которого появятся первые европейски образованные его представители. Благодаря содействию профессора О. М. Ковалевского четверо талантливых бурятских мальчиков, после окончания этой школы были направлены для обучения в европейскую гимназию в Казань, среди них был и Доржи Банзаров. О. М. Ковалевский видел в Банзарове, человека, который должен был посвятить себя изучению религиозных верований монголов, по возможности заняться познанием буддизма. Однозначно и то, что главную роль Д. Банзарову О. М. Ковалевский

Участники конференции «Банзаровские чтения»

отводил в изучении шаманизма, предложив ему тему «Черная вера» или шаманство у монголов», подчеркивая, что никто не сделает это лучше, чем природный бурят. Доржи Банзаров в 1846 г. закончил успешно Казанский университет, представив к защите работу «Черная вера» или шаманство у монголов». Диссертация Д. Банзарова, как одна из лучших, по решению Совета университета, в том же году была напечатана в «Ученых записках Казанского университета».

Перечисление основных вех из биографии Доржи Банзарова показывает, что его жизнь тесным образом была связана с историей отечественного монголоведения, становлением системы российского образования и с отдельными научными направлениями в востоковедении, такими как шаманизм, материальная и духовная культура, фольклор, письменные памятники монгольских народов.

Эта тематика определила формирование проблематики четырнадцати секций Международной научной конференции «Банзаровские чтения»: «Доржи Банзаров, его научное наследие в контексте становления и развития научного монголоведения», «Этнопространство языка и культур: прошлое и настоящее», «Литературоведение и фольклористика», «Центральная Азия: социально-политические процессы в исторической динамике», «Языки и литература стран Восточной Азии». Три секции были посвящены вопросам права, в историческом и современном аспектах, другие — педагогиче-

ским проблемам, это и истории развития образования, и современные педагогические исследования, а также вопросы профессиональной подготовки педагогических кадров. Значимой составляющей в работе конференции стало обсуждение вопросов языкознания и методики обучения языкам. Программа Международной научной конференции «Банзаровские чтения» опубликована на сайте Бурятского государственного университета имени Доржи Банзарова¹.

Доклады пленарного заседания посвящены темам, отражающим основные направления работы конференции. В первую очередь это выступления, обобщившие общеизвестные и предложившие малоизвестные факты из биографии монголоведа Д. Банзарова, его научной деятельности в контексте становления научного монголоведения России: Казани и Санкт-Петербурге. В докладе «Монголоведение России в XIX — начале XX в.: особенности становления и развития» кандидат ист. наук, доцент О. Н. Полянская (Улан-Удэ) отметила важность многонационального фактора в становлении монголоведения. Буряты сыграли важную роль в достижении существенных результатов в монголоведческих исследованиях в первой половине XIX в. В 1830–1840 гг. в Казани жили и сотрудничали с Доржи Банзаровым Галсан Гомбоев и Алексей Бобровников. О них более подробный разговор состоялся на секции «Доржи Банзаров, его научное наследие

¹ <https://www.bsu.ru/news/25729/>

Д.и.н. Р. М. Валеев вручает Оргкомитету конференции книги Казанского федерального университета

в контексте становления и развития научного монголоведения», на которой о А. Бобровникове сообщила О. Н. Полянская, о Г. Гомбоеве — независимый исследователь Г. И. Мададаева.

Пленарные доклады доктора истор. наук, профессора Казанского федерального университета Р. М. Валеева, и доктора филол. наук, главного научного сотрудника Института восточных рукописей РАН И. В. Кульганек были посвящены жизни и деятельности Д. Банзарова в Казани и Санкт-Петербурге. И. В. Кульганек дала краткую характеристику научной жизни Петербурга того времени, показала роль в жизни Доржи Банзарова фондов, архивов, рукописных собраний, научной среды столицы, заключив, что, годы, проведенные им в Петербурге были чрезвычайно плодотворными, имели большое значение для российской востоковедной науки и для самого Доржи Банзарова. Докладчик утверждает, что документы говорят о большом внимании и беспрецедентном поощрении правительством России молодого ученого.

О результатах его непродолжительной работы в Азиатском музее в Петербурге рассказала на заседании первой секции кандидат ист. наук, ведущий научный сотрудник ИВР РАН Т. А. Пан. В докладе «Каталог маньчжурских книг Азиатского музея, составленный Доржи Банзаровым» исследователь отметила ценность каталога, создание которого стало воз-

можным благодаря знакомству Д. Банзарова с востоковедами и профессурой Петербурга.

На пленарном заседании прозвучали выступления о литературном наследии монгольских народов: о средневековой летописи «Алтан тобчи» (доклад доктора филол. наук, профессора, ведущего научного сотрудника Института языкознания РАН П. П. Дамбуевой «Разноуровневые средства выражения модальности в «Алтан тобчи») и современном художественном произведении (доклад доктора филол. наук, ведущего научного сотрудника Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН Е. Е. Балданмаксаровой «Своеобразие художественной интерпретации буддийской легенды о Шамбале в романе «Гэгээнтэн» монгольского писателя Г. Мэнд-Ооёо»).

Доклад «Взаимоотношение Богдо-гэгэна — VIII с духовными лидерами бурят начала XX века» доктора истор. наук, профессора, главного научного сотрудника Института международных исследований Академии наук Монголии (Улан-Батор) Оохнойн Батсайхана посвящен одному из интересных, противоречивых и насыщенных событиями периодов в истории Монголии, привлекающих внимание исследователей.

Доктор истор. наук, профессор Байкальского государственного университета (Иркутск) Ю. В. Кузьмин своим выступлением «Современное мировое и российское монголоведение:

основные тенденции и проблемы» подвел итоги сделанного и обозначил приоритетные направления дальнейшей научной работы монголоведов.

Конференция стала дискуссионной площадкой по вопросам социокультурных процессов Центральной Азии в условиях глобализации, истории российско-монгольских отношений, языка и межкультурной коммуникации, истории образования и современной педагогики — местом встречи более 350 зарубежных и российских участников: историков, социологов, политологов, филологов, лингвистов, философов, педагогов, архивистов. Примечательно, что в работе конференции приняли участие исследователи из Казани, Петербурга, Иркутска, которые дали названия трем периодам жизни ученого. Деятельность Д. Банзарова — важное звено в большой цепи развития научного востоковедения в России, в котором

значимое место занимало монголоведение. Показательный пример удачного формирования структуры востоковедного образования является деятельность авторитетных российских ученых: О. М. Ковалевского, проявившего себя прекрасным педагогом и организатором научного монголоведения, и Доржи Банзарова, открывшего ряд новых направлений в монголоведении.

Материалы «Банзаровских чтений» опубликованы¹. Их использование поможет при разработке концепции и ключевых проблем истории отечественного и европейского востоковедения XIX–XX вв., методологии, историографии, источниковедения, культурологии и социологии российской и всеобщей истории, в научно-просветительской работе и при написании новых монографических и обобщающих исследований.

¹ Банзаровские чтения. Материалы международной научной конференции, посвященной 200-летию Д. Банзарова и 90-летию БГПИ-БГУ. В 2-х ч. Ч. I. Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2022. 356 с. <https://www.bsu.ru/university/publisher/publication/publications/?id=125>
Дата обращения: 5.07.2022.

Цэрэнчимэдийн Саранцацрал
Монгол улсын их сургууль

“РЕПИНИЙ АКАДЕМИЙН ШАДАР 3” ТУСТАЙ ҮЗЭСГЭЛЭН

Об авторе: Саранцацрал Ц. – доктор филологических наук, профессор, Монгольский Государственный Университет, почётный профессор Московского Государственного Университета им. М. В. Ломоносова (Монголия, 14200, Улаанбаатар хот, Сухбаатар дуурэг, Бага тойруу, Их сургуулийн гудамж, 1) ORCID 0000-0001-6804-3013 (ts.sarantsatsral@gmail.com).

About the autor: Ts. SARANTSATSRAL — Dr. Sc. (Philology), Professor. Mongolian State University, Honorary Professor of the Moscow State University after M.V. Lomonosov (Ikh surguuliin gудамж, 1, Baga toiruu, Sukhbaatar duureg Uлаанбаатар, 14201, Mongolia) ORCID 0000-0001-6804-3013 (ts.sarantsatsral@gmail.com).

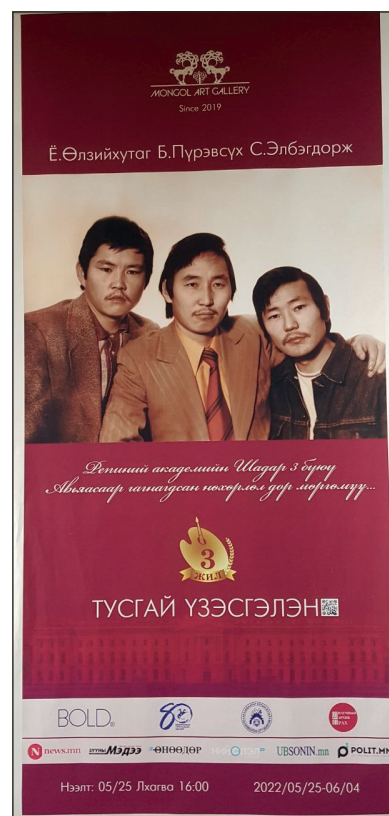
© ИВР РАН, 2022

© Саранцацрал Ц, 2022

Монгол Арт галерейгаас санаачлан Монголын Урчуудын Эвлэлийн 80 жилийн ойг тохиолдуулан 2022 оны 5-р сарын 25-наас өдрүүдэд Улаанбаатар хотноо “Репиний академийн шадар 3” тусгай үзэсгэлэнг өргөн олон нийтэд дэлгэн барив. Үзэсгэлэнгийн нээлтэнд зураачдын гэр бүл, үр хүүхдүүд, оюутан цагийн анд нөхөд, шавь нар, Улаанбаатар хот дахь “Русский дом”-ын захирал, ОХУ-ын ЭСЯ-ны хэвлэл мэдээлийн атташе, уран бүтээлийг нь бишрэн шүтэгчид нь ирсэн байв.

Энэхүү үзэсгэлэн нь монголын уран зургийн 1970-1990 оны нэрт төлөөлөгч Монгол Улсын төрийн шагналт зураач Батцэндийн Пүрэвсүх, зураач Сэнгэравдангийн Элбэгдорж, МУЭ-ийн шагналт зураач Ёндонгийн Өлзийхутаг нарын дурсгалд зориулсан юм. Хөгжим бүжгийн дунд сургуулийн уран зургийн ангийг 10 хүүхэд төгссөнөөс Б. Пүрэвсүх, Ё. Өлзийхутаг, С. Элбэгдорж нар огт салаагүй. Цаг үргэлж хамтдаа явдаг тэднийг нөхөд нь “Хамтын 3” гэдэг байж. “Хамтын 3” сургуулиа төгсөөд Урчуудын эвлэлийн Улаанбаатар хотын салбарт хамтдаа очиж, дараа нь дэлхийн шилдэг уран бүтээлчдийг төрүүлдэг алдарт Репиний академид 1971–1977 онд сурч, Б. Пүрэвсүх ардын зураач В. М. Орешниковын, Ё. Өлзийхутаг, С. Элбэгдорж нар ЗХУ-ын

ардын зураач Е. Е. Моисеенкогийн урланд тус тус суралцаж төгссөн түүхтэй. Тэд өөр өөрийн уран бүтээлийн замаар явсан ч найз нөхдийн харилцаагаа таслаагүй юм.

«Репиний академийн шадар 3» тусгай үзэсгэлэн

«Репиний академийн шадар 3» үзэсгэлэнгийн нээлт

И. Е. Репиний академийг Монголоос төгсөгчдийн анхдагч нь Ардын зураач Л. Гаваа. Түүний гаргасан энэхүү замаар 70 гаруй монгол уран бүтээлч замнасны гурав нь Б. Пүрэвсүх, С. Элбэгдорж, Ё. Өлзийхутаг нар юм. Хэн хэн нь хорвоод богинохон насалсан ч хосгүй бүтээлүүдийг Монголын дүрслэх урлагт тамгалж, уран зургийн хөгжилд өрнийн соёлыг нэвтрүүлж чадсан гайхалтай уран бүтээлчид билээ.

Б. Пүрэвсүх агсны хувьд түүхэн сэдэвт уран зургийн гол төлөөлөгч, киноны зургийн мастер. “Мандухай цэцэн хатан”, “Мөнх тэнгэрийн хүчин дор” киноны ерөнхий зураачаар ажилласан. Түүний уран бүтээлийн онцлог, зурах арга барилын талаар ДУА-ийн уран зургийн багш Г. Лхагвасүрэн “Тэрбээр бүтээл бүртээ өнгө зохиомжийн хөг нийлсэн сүрлэг дайчин давшин-

гүй хөдөлгөөнт шийдлээр түүхэн үйл явдлын эгзэгтэй хором агшныг оновчтой сонгож цаг хугацаа орон зайн нөхцөлд түүхэн бодит хүмүүсийн эх оронч, тэмцэлд уриалан дуудагч дүрийг харуулж чаддаг. Энэ нь түүний уран зурагт мэргэшсэн их мастер уран чадвар түүхийн үнэ цэнийг эрхшээсэн чинад сэтгэлийн нь илрэл болдог юм” хэмээн онцолжээ.

Харин Орос, Европын уран зургийн уламжлалт аргыг гайхалтай эзэмшсэн зураач С. Элбэгдоржийн хувьд Монголын дүрслэх урлагийн сан хөмрөгт “Ард Аюуш”, “Их ялалтын эхэн”, “Хот айл” зэрэг томоохон бүтээлийг үлдээсэн юм. Тэрбээр хөрөг зургийн мастеруудын нэг байжээ. Үнэхээр ч түүний олонд алдаршсан “Эрдэмтэн зохиолч Ц. Дамдинсүрэн”, “Зураач-багш О. Цэвэгжав”, “Зураач-багш Б. Чогсом”, “Миний төрсөн нутаг” (“Өөрийн хөрөг”) зэрэг

Өлзийхутаг Унага тамгаласан нь

Пүрэвсүх Анхны галт тэрэг

С. Элбэгдорж Шинэ хотын зүг

хөргүүд нь нь дүрийнхээ гадаад төрхийг төдийгүй, оюун санааны ертөнц, зан чанарыг нь илэрхийлж чадсан бөгөөд хоорондоо эрс ялгаатай, онцлог арга барил бүхий бүтээлүүд нь өдгөө ч судлаачдын анхаарлыг татсаар.

Харин Монголын уран зургийн сод бүтээлийн сан хөмрөгт Ё. Өлзийхутагийн хэд хэдэн том бүтээл бий. Тэдгээрээс хамгийн алдартай нь 1982 онд зотон дээр тосон будгаар урласан “Талын эзэд” зураг юм. 160x160 см хэмжээтэй энэ бүтээлдээ Монголын эр зоригт, эрэлхэг хүчит дайчин эрсийн үргэлжлэл болсон хөдөө нутгийн адуучин залуусыг зохиомжийн төвд бүтнээр нь дүрсэлжээ. Ё. Өлзийхутаг агсан мөн л хөрөг зургийн чадварлаг мастер байсныг “Охин”, “Хүү Цэлмэн” зэрэг олон зургаас харж болно.

Б. Пүрэвсүх, С. Элбэгдорж нар нь уран бүтээлээ туурвихын зэрэгцээ Дүрслэх урлагийн дунд сургуульд уран зургийн багшаар ажиллаж авьяаслаг олон зураачдыг сургаж бэлтгэсэн гавъяатай.

Үзэсгэлэнд зураачдын уран бүтээлүүдээс гадна сонирхол татсан зүйл олон байв. Тухайлбал: Монгол Арт галерейн зүгээс нэрт гурван зураачийн амьдрал, уран бүтээлээс харуулсан богино хэмжээний баримтат кино бүтээсэн нь үзэгчдийн сэтгэлийг ихэд хөдөлгөж байлаа. Б. Пүрэвсүх, Ё. Өлзийхутаг, С. Элбэгдорж нарын хэрэглэж явсан молберт, этюдникийг хүндэтгэлийн хэсэгт байрлуулсан байв. И.Репиний академийн ректор Михайловский С.И., гадаад оюутан хариуцсан декан Бекетов К.А. нар цахи-

маар видео мэндчилгээ хүргэж байсан нь дотно сайхан сэтгэгдэл төрүүллээ. ОХУ-ын Дүрслэх урлагийн академийн архив (РАХ)-аас хүлээн авсан Б. Пүрэвсүх, Ё. Өлзийхутаг, С. Элбэгдорж нарын 1977 онд Репиний академи төгсөхдөө бүтээсэн дипломын ажлуудын эх, хувийн хэрэг зэрэг архивын ховор материалуудын гэрэл зургуудыг дэлгэн үзүүлсэн байв. Шилэн хоргонд Репиний академийн диплом, үнэмлэх, шагналууд зэрэг ховор нандин түүхийн материалууд ч олны сонирхолыг татаж байлаа. Эдгээрийн дотор “Зөвлөлтийн ардын зураач, профессор Е. Е. Моисеенко өөрийн шавь С. Элбэгдорждоо бичиж дурсгасан гайхамшигт үгсийн шидэт энерги онцгой сэтгэгдэл төрүүлдэй” хэмээгээд “энэхүү үзэсгэлэн сайхь гурван анд уран зураачийн дотоод сэтгэлийн ертөнц, мэдрэмж, ур чадварын илэрхийлэл болсон хосгүй бүтээлүүдийн дээжээс ард түмэндээ танилцуулж, дурсан санаж, алдар гавъяаг нь мөнхлөхөд зориулагдсан мэт санагдсан билээ” гэж Репиний академийн 1993 оны төгсөгч, ЗХУ-ын хөдөлмөрийн баатар, уран барималч, профессор М. К. Аникушины урланд суралцаж төгссөн урлаг судлалын ухааны доктор, профессор С. Бадрал сэтгэгдлээсээ хуваалцав.

Цаг үргэлж судалбар, таталбар хийж усан будаг болон тосон будаг, нүүрс харандаагаар чадварлаг ажилладаг байсны баталгаа болсон олон бүтээл нь эзэн нь үгүй ч мөнх амьдарч байна. Ийм л түүх, урын сантай эрхэм гурван зураачийн бүтээлүүдийг түгээх, сурталчилах, авьяаслаг уран бүтээлчдээ дурссан “Репиний академийн шадар 3” үзэсгэлэн инээд хөөр, баяр баясал хааяахан хайрт ханиа, эрхэм аавыгаа санагалзах гунигийн нулимстайгаар сэтгэл догдлом болж өндөрлөсөн юм.

Монгол Арт галерей, зураачдын гэр, үр хүүхдүүд үзэсгэлэнг зохион байгуулахад хамтран ажилласан дотоод гадаадын байгууллага, хамт олон, хувь хүн ялангуяа Санкт-Петербург хот дахь Оросын Дүрслэх урлагийн академийн архив (РАХ)-ын эрдэм шинжилгээний тасгийн хамт олон, Илья Репиний нэрэмжит дүрслэх урлагийн академийн удирдлага, ОХУ-ын ШУА-ийн Дорно дахины гар бичмэлийн хүрээлэнгийн ажилтан нарт гүн талархал илэрхийлж байна.

НОВЫЕ КНИГИ ПО МОНГОЛОВЕДЕНИЮ

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ МОНГОЛОВ: КОЛЛЕКЦИИ РУКОПИСЕЙ И АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ. Сборник докладов IV международной научной конференции. 18—19 апреля 2019 г. Улан-Батор. Россия. СПб.—УБ. 2021 г. —276 с.

Отв. ред.: Академик С. Чулуун

Науч. ред.: доктор филол. наук И. В. Кульганек,

Ph. D. Н. Хишигт

Ред., сост.: Ph. D. Б. Нацагдорж, канд. филол. наук.

Н. С. Яхонтова

ISBN 978-9919-9646-7-2

В сборнике собраны статьи участников Четвертой международной научной конференции “Культурное наследие монголов: коллекции рукописей и архивных документов”, организованной Институтом истории и этнологии МАН, Международной Ассоциацией монголоведов и Институтом восточных рукописей РАН, проведенной в Улан-Баторе 18–19 апреля 2019 г. Основой для конференции стали рукописные фонды и архивы, хранящие документы и материалы по истории, культуре, этнографии, политике, языку монгольских народов.

В сборник вошли статьи по истории монголоведения, материальной культуре и письменному наследию монголов. Ряд статей посвящен экспедициям, различным сторонам жизни традиционного и современного монгольского общества, а также художественному творчеству монгольских народов.

В предисловии к сборнику академик МАН С. Чулуун знакомит читателя с предисторией проведения этой постоянной конференции, берущей начало в 2013 году, когда был подписан Договор о научном сотрудничестве Института истории и этнологии МАН с Институтом восточных рукописей РАН, обсуждение которого было начато во время встречи монголоведов Петербурга в Константиновском дворце с президентом Ц. Элбэгдоржем, прибывшим с официальным визитом в Россию в 2011 году и посетившим город на Неве.

В сборник включены статьи российских исследователей: Ц. П. Ванчиковой «Фольклорное наследие бурят в фонде Центра рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН» (Далее: ЦВРК ИМБТ СО. На англ. яз.), Л. С. Дампиловой «Шаманские материалы в фонде Т. К. Алексеевой в ЦВРК ИВМТ СО РАН», Г. А. Дырхеевой «Традиционная письменная культура бурят: социолингвистический аспект», Г. А. Гребенщиковой «Монголия в планах Военного и Морского ведомств России в 1903–1913 годах», В. Ю. Жукова и И. В. Кульганек «История монголов» О. М. Ковалевского: первое прочтение», И. М. Захаровой и М. В. Мандрик «К вопросу о деятельности Советника при Монгольском правительстве П. А. Витте», Д. А. Носова «Россыпи документов В. А. Казакевича: ответы о поездках по Монголии 1923–1925 гг.», К. В. Орловой «Документальное наследие калмыков: письма калмыцких ханов», Р. Ю. Почекаева «Суд и процесс в монгольских “Хождениях в ад”», М. В. Федоровой «Монгольские фотоколлекции конца XIX– начала XX вв. в собрании Российского этнографического музея, как источник для изучения традиционной культуры монголов», Н. С. Яхонтовой «Аспиранты из Монголии в Академии наук».

Так же обширно были представлены статьи монгольских коллег.

Это статьи

Г. Ариунтуу «Монгол Улсын Үндэсний Төв Архив дахь Ж. Цэвээний хувийн хөмрөг» (Личный архив Цыбена Жамцарано в Монгольском национальном архиве), Д. Баярсайхана «Монголчуу-

дын тухай XIII–XIV зууны Армян сурвалжийн тойм» (Обзор сведений о монголах в армянских источниках), *Ж. Гэрэлбадраха* «Монгол Улсын Газар зохион байгуулалт, Геодези, Зурагзүйн газрын архивт буй нутгийн зургийн цуглуулга» (Коллекция изображений кочевий в архивах Управления земельными ресурсами, геодезии и картографии Монголии), *Ж. Долгорсүрэн* «Эрдэмтэн, зохиолч, найруулагч, орчуулагч Э. Оюун: хэвлэгдээгүй гар бичмэл, намтрын баримтууд» (Документы о биографии и неизданных рукописях Ученого, писателя, поэта, переводчика Э. Оюун), *С. Мөнхсайхан* «Уламжлалт монгол хэл зүйн бичгүүдийн хэл шинжлэлийн ач холбогдол хийгээд сурвалж бичгийн үнэ цэнэ» (Ценность и значение лингвистических исследований традиционных текстов на монгольском языке), *Б. Нацагдоржа* «Тод үсгийн нэгэн захидлаас ойрад хэмээх нэрийн тухай тодруулах нь» (Пояснение ойратского имени в одном письме на «тод усэг»), *Г. Сэр-Ода* «Монгол Улсын Үндэсний төв архивын сан хөмрөг дэх Тамга, захирлага, тэмдгийн цуглуулга хөмрөг» (Собрание печатей и распоряжений в коллекциях Монгольского государственного национального архива), *Ц. Цэрэндоржа* «XV–XVIII зууны Солонгос сурвалж дахь Монголын түүхэнд холбогдох мэдээ баримтаас» (О документах по истории Монголии в корейских источниках XV–XVIII вв.), *Д. Энхцэцэг* «Монгол–Мингийн харилцаа: захидал бичгийн тухай» – Монголо-Минские отношения: об эпистолярном наследии), *Ц. Энхчимэг* «“Төмөрийн цаазын бичиг”: Монголын эзэнт гүрний түүхийн чухал сурвалж болох нь» («Указы Темура»: важный источник для изучения Монгольской империи).

Всего в подготовке сборника приняли участие 25 ученых. Коллективный труд монгольских и российских авторов подтвердил актуальность представленных исследований, заинтересованность авторов в совместном решении проблем историографии, источниковедения широкого масштаба и продемонстрировал успешное научное взаимодействие ученых Монголии и России.

И. В. Кульганек

Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д. ИМПЕРИЯ ЧИНГИС-ХАНА — 2-е изд., доп. — М.: Академический проект, 2022 — 598 с. — (Цивилизации степей).

Отв. ред.: академик РАН Б. В. Базаров
ISBN 978-5-8291-3741-0

В монографии известных российских историков — члена-корреспондента РАН Н. Н. Крадина и доктора исторических наук Т. Д. Скрынниковой рассматривается феномен Чингис-хана на базе новейших теоретических открытий в области социокультурной и политической антропологии. Авторы по-новому интерпретируют основные события монгольской истории, проводят системный анализ монгольского общества XII–XIII вв., его социальной структуры и общественной организации, выявляют геополитические, социально-экономические, культурные предпосылки образования империи, характер ее отношений с земледельческим миром. В Предисловии ко второму изданию, авторы, реагируя на справедливые упреки об отсутствии историографического раздела в первом издании, дали обзор наиболее актуальных направлений и тенденций в изучении Монгольской империи за 15 лет, предложив его в динамике и с учетом важнейших исследований, опубликованных в последней трети прошлого столетия. Свой подход к этой по-прежнему актуальной и востребованной научной теме авторы объясняют поставленной целью дать исторически объективную и сбалансированную оценку деяний Чингис-хана и его последователей. Монография имеет семь глав: «Сущность проблематики: кочевники и теории истории», «Мир монгольских кочевников в XII в.», «Иерархия идентичностей средневековых монголов», «Социально-политическая практика Монгольской империи», «Власть и харизма у средневековых монголов», «Традиционные механизмы регулирования в Монгольском улусе», «От степной державы к мир-системе». Исходя из посылки, что взгляд на кочевой мир изнутри, т.е. реконструкция монгольского общества на основе «Сокровенного сказания», памятника, созданного в степной среде, более адекватна реалиям XIII столетия, авторы приходят к мнению, что социальный организм, обозначаемый монгольскими терминами иргэн и улус, не представлял собой государственного образования. Проанализировав имена первопредков – Борте-Чино и Гоа-Марал, ставших одним из идентификационных кодов, авторы полагают, что можно говорить о двухсоставности властной элиты Монгольского улуса (тайджиуты и монголы) до окончательной монголизации, и что применительно к Монгольской империи периода Чингис-хана нельзя говорить о больших группах специальных функционеров, однако заявить, что империя Чингис-хана не является государством, было бы слишком просто. Сложность заключается в том, что речь идет о сложившемся государстве, т.е. таком аппарате управления, который приобрел институциональные формы. Размышляя над тем, как охарактеризовать империю Чингис-хана — вождеством или ранним государством, авторы считают, что так или иначе Монгольская империя была мультиполитией, которая включала разные по степени сложности сегменты: от простых и комплексных вождеств до сложившихся аграрных государств, и что создаваемые номадами кочевые империи находятся в одном типологическом ряду с подобными им древними и раннесредневековыми формами политических систем — античными полисами, раннефеодальными королевствами, многочисленными моделями восточных государств и цивилизаций. Библиография книги насчитывает более 1200 наименований. В конце книги имеется обширная аннотация на английском языке. Монография Н. Н. Крадина и Т. Д. Скрынниковой «Империя Чингис-хана» содержит новое историческое знание о монголах, которые, за короткий срок создали могущественную державу, сокрушившую несколько цивилизаций Средневековья.

И. В. Кульганек

